

№1 (47) 2024
12+

МОЛОДЕЖНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

ПЕРВОЦВЕТ

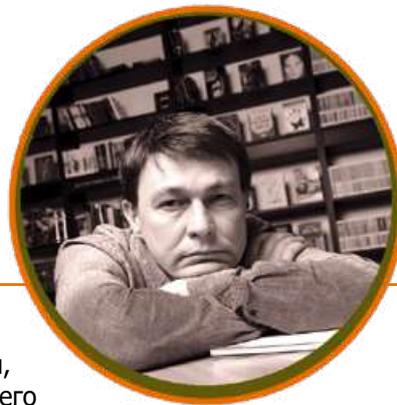
ИМЯ: ИЛЬЯ ШПРАХ. ИСТОРИИ ИЗ КОМОЛОВА
ГАЛЕРЕЯ: СОФЬЯ БЫЗОВА. ОТ DIGITAL К СИМВОЛУ

КОНКУРС \ \ ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ \ \ ГОСТЬ НОМЕРА

Слово редактора

«Творчество является единственной формой человеческого мышления, когда человек может достичь некоего совершенства и выразить его в художественных образах», — считал классик русского кинематографа Андрей Тарковский. Если развернуть эту мысль, то можно, наверное, сказать, что само занятие творчеством по своей сути — это стремление к совершенству, желание стать лучше. А можно добавить, что стремление к совершенству — это цель и смысл жизни любого творческого человека.

Все мы стремимся стать лучше: и авторы, представленные в новом номере «Первоцвета», и редакция самого альманаха. Мы не хотим *не снижать планку или соответствовать чьим-то ожиданиям*. Мы просто стараемся, чтобы каждый номер был достоин внимания и давал вам, дорогие читатели, что-то новое и хорошее.

По традиции вы найдете в номере поэтические и прозаические произведения совсем молодых авторов (до 18 лет включительно) и тех, кто уже успел обрести определенный жизненный, а зачастую и писательский опыт (им от 19 до 30 лет).

В рубрике «**Имя**» в этом году мы представляем молодого прозаика Илью Шпраха, чьи произведения уже были высоко оценены в конкурсе имени Евгения Евтушенко «Сибирь молодая», а также печатались в журнале «Азь-Арт». Каждый его рассказ — яркая деталь своеобразной мозаики, которая показывает нам причудливый мир Комолова — небольшого провинциального городка где-то посреди России. Несмотря на наличие фантастических элементов, эта проза остается реалистической, и мы с легкостью обнаружим в городских или деревенских пейзажах знакомые черты, а в поведении героев можем узнать своих знакомых или даже себя. Это ли не безусловный признак таланта? В номере напечатаны три ранее не публиковавшихся рассказа автора.

Под статью качеству прозы работы художницы Софьи Бызовой, которую мы попросили проиллюстрировать рассказы Ильи и сделать обложку номера. Легкое по настроению и в целом позитивное по отношению к миру творчество Софьи как будто добавило что-то свое мрачной прозе Шпраха, и от этого взаимодействия родилось нечто новое, обогатившее обоих авторов. Благодаря рубрике «**Галерея**» вы сможете лучше познакомиться с художницей, а понять ее работы вам поможет статья искусствоведа Марии Аверьяновой.

В рубрику «**Гость номера**» мы пригласили поэта Елену Перетокину. За творческим развитием этого автора мы следим с тех пор, как в 2020 году вышла ее книга «Спутник героя». В этом номере публикуются новые стихи Елены.

Опытный поэт, критик и прозаик Светлана Михеева в этом году приняла участие в нашей традиционной рубрике «**Мастерская**». Мы предложили ей ответить на вопросы об особенностях прозаического творчества. Как выстроить сюжет художественного произведения и сохранить интригу? Что такое мотивация героя и как донести ее до читателя? Как написать интересный и живой диалог?.. Примечательно, что список вопросов по нашей просьбе составили читатели «Первоцвета» — начинающие писатели и постоянные посетители библиотеки имени Уткина.

В рубрике «**Конкурс**» мы по традиции знакомим с работами победителей различных литературных конкурсов, прошедших в Иркутске и Иркутской области за последнее время. В этом году здесь представлены лауреаты «Жемчужины Братска» и начинающие эссеисты Слюдянского района, отмеченные в конкурсе «Читай! Найди свой путь!», а также студенты факультета института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ — победители областного литературно-исследовательского конкурса «ЛИК. Марк Сергеев».

В рубрике «**Рецензии**» в этот раз предлагаем познакомиться с отзывами начинающей журналистки Екатерины Власовой на спектакли иркутских театров.

Надеемся, вместе с нами и вы, наши читатели (как, безусловно, творческие люди), тоже хотите стать лучше. Верим, что новый номер альманаха «Первоцвет» поможет вам в этом. Приятного чтения!

Главный редактор альманаха «Первоцвет»
поэт Артем Морс

В номере

Слово редактора.....1

Поэзия. Первый опыт

Пелагея Арсентьева.....4
 Марина Тамарович.....4
 Мария Фролова.....5
 София Лобур.....5

Проза. Первый опыт

Александра Босак. Как Васька Бабу-ягу повстречал. Сказка.....6
 Елизавета Брюханова. История одной собаки. Рассказ.....9
 Дарья Гандина. Сверток. Рассказ.....12
 Павел Киселёв. Записки моего кота. Рассказ.....13
 Летисия Лоуренсо Да Силва. Мир под лапой. Рассказ.....15
 Илья Митницкий. Испытание. Рассказ.....18
 Кирилл Терских. Память. Рассказ.....22
 Павел Безухов. Голубиная песнь. Рассказ.....24

Имя

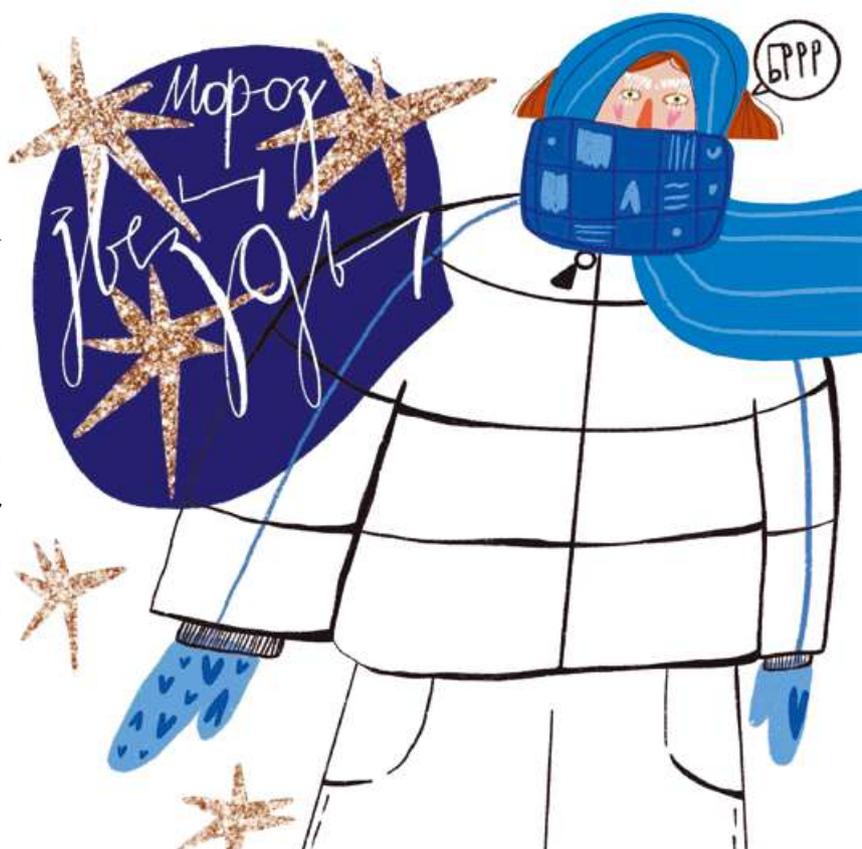
Илья Шпрах.....30
 Первопроходцы. На циферблате время кончилось. Он себя видел. Рассказы.....32

Галерея

Софья Бызова.....48

Поэзия

Анна Алтунина.....54
 Анна Шкляр.....55
 Юлия Белошицкая.....56
 Катя Иванова.....58
 Наталия Макарова.....59
 Лилия Сапфинова.....60
 Н. Ледофф.....61
 Татьяна Сенокосова.....62
 Анна Тимофеева.....63

Проза

Екатерина Бондарева. Вечный август. <i>Очерк</i>	66
Дарья Золотарёва. Девушка в белой шляпе. Аполлон. <i>Рассказы</i>	69
Назира Сухих. Клавдия Майкрософт. <i>Рассказ</i>	72
Яна Червонная. Пахнет малиной. <i>Рассказ</i>	76

Конкурс

Читай! Найди свой путь!	82
ЛИК. Марк Сергеев	86
Жемчужина Братска	96

Гость номера

Елена Перетокина	108
-------------------------------	------------

Литературная мастерская

Светлана Михеева. Как захватить власть над читательским воображением.....	116
--	------------

Рецензия

Екатерина Власова

Достоевский и драйв-музикл.....	120
История одного коня.....	122

Поэзия

Первый опыт

Пелагея Арсентьева

16 лет, г. Иркутск

ДОЖДЬ КОГДА-НИБУДЬ ЗАКОНЧИТСЯ...

Дождь когда-нибудь закончится,
Как моя печаль.
Но разве мне этого хочется?
И разве мне не будет жаль?

Холодные капли на темном плаще,
Будто звезды.
Запах земли и весны,
Пропитанный юностью воздух...

Мутные серые массы
Заслоняют весь небосвод.
Я иду, улыбаясь во весь рот,
Ведь дождь полон красок!

Разве это не счастье —
Гулять под дождем?
Вечно великого ждем,
Что нам неподвластно.

ПОЛАЯ ЛУНА

Над головою полая луна
Сияет ярко и священно,
И даже ложь в устах честна,
И даже вечное вдруг бренно.

Льются строки, словно дождь,
Но небеса светлы, как днем.
Скажи, Луна, чего ты ждешь?
Не утаишь — здесь мы вдвоем.

Я знаю, пустота внутри
Все потихоньку забирает:
Мысли, силы, жар любви...
Но свет не угасает.

Марина Тамарович

13 лет, г. Братск

* * *

Тает ночь в рассвете сером,
Свет проснулся вдалеке.
Солнце яблоком неспелым
Отражается в реке.

Ива ветви опустила,
Ель проснулась на заре,
И осина загрустила,
Листья сбросив в ноябре.

* * *

Ярко-красный цветок в черной вазе стоит,
И за солнцем он жадно следит —
Лучик света стремится впитать,
И прекраснее хочет он стать.
Аромат, как у ягодки спелой.
Вырос нежный, и гордый, и смелый.

* * *

Старый альбом на полке
Пылится, грустит.
В нем фото скучают...

Мария Фролова

12 лет, г. Братск

ЛУНА

На Луну смотрю в окно.
Нет, не спит Луна.
Звезды с нею заодно,
А она — одна...

БУРИМЕ

В наш маленький, уютный двор
Прорвался легкокрылый вор.
Им оказался южный ветер —
Теплее всех ветров на свете!

А вслед за ним пришла весна.
Уж пробудившись ото сна,
Сугробов растопила сердце.
От чуда никуда не деться!

Весна идет и, право слово,
Вступить в права свои готова!

МИШКА

У меня игрушка — синий мишка:
Маленький, красивый, аккуратный.
Когда я была совсем малышкой,
Мамочка моя его в кроватку
Положила, чтоб спала спокойно,
Страхов детских чтоб совсем не знала.
И во сне мишутку я невольно
Маленькой ручонкой обнимала.

С той поры со мной везде мой мишка.
Нежность и заботу излучая,
Защищает он свою малышку,
Мамино тепло передавая.

КУРЬЕЗ

Сажу на кухне и пью чай, на улице — мороз.
А у друзей моих в Москве плюс 5. Ну и курьез!
Я в Интернете посмотрю наш северный прогноз.
Так холодно у нас сейчас, что Интернет замерз!

София Лобур

16 лет, г. Братск

ЗИМА НИКОГДА НЕ ЗАКОНЧИТСЯ

Опять снег выпал,
Но на дворе апрель.
Березка ветви опустила —
Недавно же была капельь.

Уже весна. Какой нам снег!
Хотим зеленую траву,
Чтоб птички пели поутру
И был по лужам бег.

Никак не снимем свои шапки,
Не терпится в майке гулять.
Скорее бы шлындать в тапках
И в мячик весь день играть!

Зима никогда не закончится,
Все так же холодно утром.
А так жары хочется,
Шмели чтоб жужжали над ухом!

Проза

Первый опыт

Александра Босак

11 лет, г. Усть-Кут

Как Васька Бабу-ягу повстречал

Сказка

Жил-был в одном маленьком городе мальчик по имени Вася, по фамилии Пупкин. Был он мальчиком непослушным, да и в школе часто хулиганил. Если его о чем-то попросить, то Вася из вредности сделает точно наоборот.

Однажды на уроке литературного чтения Пупкин, как всегда, не знал, чем себя занять. Он то болтал ногами, то дергал одноклассницу за косички. Мальчик совсем не слушал преподавателя. Вдруг учитель вышел из класса, дав ребятам задание, которое они должны были выполнить самостоятельно. Вася обрадовался и начал хулиганить: бегал по классу, кричал и не давал другим ученикам работать.

— Вася, перестань! — воскликнула девочка с последней парты. — Когда Марина Ивановна вернется в класс, я ей все расскажу.

— А зачем тебе Марина Ивановна? — расплывшись в улыбке, ответил Васька. — Я и сам могу учителем побыть!

И он начал изображать поведение учителя, выкрикивать выдуманные оценки и чертить непонятные фигуры на доске. Вася смеялся, веселился, а потом сел на учительский стул и стал кружиться на нем. Мальчик вертелся все быстрее, продолжая хохотать. Вдруг у него сильно закружилась голова. Он захотел слезть со стула, но ничего не получилось — стул вертелся как будто сам по себе. Через несколько секунд движение резко прекратилось, и Вася с грохотом упал.

— Ай! — закричал он от боли, пытаясь подняться.

Кое-как он встал на ноги и, слегка пошатываясь, осмотрелся кругом, но вместо привычной обстановки школьного класса увидел, что находится посреди дремучего леса. Вокруг мальчика склонились огромные сосны и ели.

— Черт возьми, где я? Маша? Олежа? Арсений?.. — отчаянно звал Вася своих одноклассников.
— Марина Ивановна!

Мальчик потерял надежду встретить хоть кого-нибудь в этом мрачном незнакомом месте. Он пытался выбраться из чащи, но лишь бегал по лесу кругами. Неожиданно показался просвет между деревьями, и Вася вышел на лесную опушку. Перед собой он увидел небольшую избушку на подмостках, но вместо обычных опор у нее были куриные лапы. Пупкину показалось, будто он где-то видел подобное сооружение, но Вася сразу же отмахнулся от мысли, что сказочный

домик Бабы-яги может существовать в реальном, а не в сказочном мире. Действительно ли Вася находился в реальности? Его беспокоил этот вопрос, а избушка на цыплячьих лапках слегка забавляла. Поэтому Пупкин подошел к домику и осмотрел его.

— Черт, она прямо как настоящая... — произнес он, задумавшись. — Ну-ка, избушка-избушка, повернись ко мне на север, а крыльцом... Нет, не так. Избушка-избушка... Ах, курица глупая! Живо передом ко мне встала! Да побыстрее! — воскликнул Вася сердито.

Но деревянный домик даже не пошевелился от его слов.

— А чего я ожидал, а? Что эта ветхая хижина оторвется от земли и повернется ко мне? — разочарованно протянул он.

Васька уже собрался покинуть это странное место, но вдруг услышал позади себя неприятный и хриплый старческий голос. Мальчик резко обернулся и увидел горбатую старушку с большим крючковатым носом.

— Избушка-избушка, повернись к лесу задом, а ко мне передом!

Через мгновение избушка затряслась и неторопливо развернулась. Старушка вмиг оказалась у парадной двери и уже собиралась пройти внутрь дома, но вдруг заметила Васю Пупкина.

— Как же ты забрел сюда, милоч? — спросила бабушка, оглядывая мальчишку с ног до головы. — Что привело тебя в эти края чудные?

Вася на мгновение замер, не зная, что ответить. Он широко открытыми глазами смотрел на старушку, чересчур напоминавшую Бабу-ягу.

— Э-э-э... — протянул он, чтобы заполнить неловкую паузу. — Я... Я по случайности забрел сюда, когда собирал грибы.

Пупкин решил соврать, ведь история со странным волшебным стулом могла бы показаться слишком безумной, если бы он рассказал о произошедшем правду. На удивление бабка поверила в его байку о грибах и даже пригласила Ваську к себе в избу.

— Проходи, милоч, я тебя как гостя званого приму.

Пупкин прошел в домик следом за Бабой-ягой и уселся на лавку.

— А как тебя зовут-то, бабушка? — как бы невзначай спросил Вася.

— Какая я тебя бабушка! — старушка обиженно поджала губы.

— Мне всего лишь 228 лет от роду! Звать Яга, кличут Костяная Нога, — более спокойным тоном продолжила старуха.

— А тебя как звать, добрый молодец?

Услышав «Баба-яга», Васька побледнел от страха. Хоть он и не был заядлым фанатом литературы, но точно знал, что с Ягой связываться не стоит.

— Я-я... Мое имя Вася Пупкин, для друзей — просто Васька. — Он немного помолчал, словно проверяя, правильно ли назвал свое имя. — О, я вспомнил, что утюг дома не выключил! А еще меня мама ждет! — выпалил он.

— Утюг?! Что за словечко такое заморское? — недоуменно протянула Яга.

Но Васька ее не слушал. Делая вид, что рассматривает скромное убранство избушки, он незаметно пятился к двери. Шаг, еще один... И тут Ягу осенило: мальчишка хочет удрать. Значит, он с самого начала обманывал ее! Ее, саму Бабу-ягу! Да как он смел?!

— Стой же ты, окаянный!

Пупкин пулей вылетел из избушки на курьих ножках и помчался что есть мочи. Разозлившаяся старуха мигом запрыгнула в свою ступу и взмыла вверх, преследуя его.

— Ох, и доберусь я до тебя, доберусь! — на лету угрожала бабка.

Вася продолжал бежать без оглядки, только пятки сверкали. Чувствовал, что Яга его уже догоняет: она неслась так быстро, только воздух свистел. Мальчик на мгновение обернулся, чтобы взглянуть, далеко ли Яга, и увидел прямо перед своим носом зловеще ухмыляющуюся старуху. Не заметив лежащего камня, Пупкин споткнулся и со всего маху упал на траву.

— А-а-а! — отчаянно закричал он и почувствовал, как кто-то трясет его за плечо.

— Очнулся, наконец-то... — услышал он знакомый голос.

— Баба-яга?! — испуганно завопил Вася. (А кто еще мог склониться над ним?)

Но это была вернувшаяся в класс Марина Ивановна. Так ее еще никто не называл, она была ошарашена.

— Хам! — только и смогла вымолвить она.

И Васька понял, что перед ним стоит не жуткая старуха с костяной ногой, а его классный руководитель.

— Видимо, он сильно головой ударился. Вась, ты в порядке? — услышались голоса одноклассников, сгрудившихся вокруг мальчика.

— А ну-ка, быстро вставай! — отругала его учительница. — Сейчас в медпункт пойдешь, а потом вместе — к директору.

Опираясь на руку одного из одноклассников, Вася медленно поднялся с пола. Слегка пошатываясь, огляделся вокруг. Покраснев от стыда, поплелся к выходу из класса. Проходя мимо парт, заметил открытый учебник литературы. На одной из страниц красовалось изображение Бабы-яги. Васе Пупкину стало не по себе, когда он увидел ехидную улыбку старухи. Или это ему только показалось?..

Елизавета Брюханова

18 лет, г. Иркутск

Щетория одной собаки

Рассказ

Если хочешь, мы от него избавимся. Расскажи, как это произошло. Истории выманят его на свет.

С пяти лет отражение было моим собеседником. Мы вместе играли в солдатики, ходили на реку и купались в пруду. Но все это не было по-настоящему: мальчишка в зеркале понарошку говорил моими губами, кривлялся в ответ, тыкал моим пальцем на кухарку, разлившую суп.

Его никогда не было. Но в тот день, когда умерла мама, я увидел за стеклом чужака. Я сначала не понял, что произошло, поэтому не плакал, только молча смотрел на спящих по дому незнакомых людей. Помню, как ко мне подошла очень худая женщина. Она постоянно прикладывала к покрасневшим глазам измусоленный платок. Я так и не узнал, кем она была, помню только ее горячий шепот мне в ухо: «Почему ты не плачешь? Мама умерла». Мне показалось, что на меня обрушился дом. В голове стало оглушительно пусто, только где-то в горле хрипло билось: «Что значит умерла?»

Я узнал ответ в тот же день. Умерла — это грязь со снегом под колесами повозки; умерла — это ярко-синее небо и страшные крики грачей; умерла — это лики святых, склонившихся над гробом. Их бесстрастные, безмолвные лики, смотрящие вниз со святой синевы каменных небес. Умерла — это значит, что есть все, кроме нее. И я тоже не хотел быть.

Мне сказали, что вместе с мамой умерла моя сестренка. Их похоронили вдвоем. Я не успел узнать ее, и мне было все равно.

Когда я вернулся домой, то первым делом взглянул в зеркало. Но там уже не было меня. Только он, пришедший из сумерек за окном. Мои глаза всегда были карими, как у мамы, а его — синими. И глядя в эти тусклые, тяжелые провалины, я понял: он ходил туда. К ней. И мне стало страшно.

— Страшно? — спросил старик. — Ты должен быть ему благодарен. Я с детства натаскиваю собак, и, поверь, они понимают лишь страх. Даже щенки душат и грызут друг друга без крепкого пинка. — Он запустил пальцы в миску с жареным мясом. — В этом люди мало отличаются от псов. Кто знает, если бы не страх, может, ты бы вздернулся лет через пять, — и старик отрывисто хохотнул, принимаясь громко пережевывать шмат баранины.

Страх заставил меня жить дальше — это правда, но он же меня и уничтожил. Я даже сейчас не понимаю, чего именно тогда боялся. Смерти? Боли? Бескрайней синевы в глазах моего вечного преследователя? Даже закрывая зеркало плотным одеялом, я не чувствовал себя в безопасности: он безмолвно скользил за мной по темной ленте реки, выглядывал из осенних луж под ногами, высматривал меня в толпе, застывая на мгновение в стеклянных витринах.

Когда мне было двадцать пять, а моему брату двадцать два, он женился. Его невеста была милой, простой женщиной, но я не мог заставить себя посмотреть на нее ни во время свадьбы, ни даже после. А когда через два года у них родился ребенок, то и вовсе перестал посещать их дом. Я сбежал. Сбежал, не прощаясь и не надевая шляпы, после того как это маленькое угукающее существо протянуло ко мне свои крохотные ручонки и я почувствовал, что у темно-синей тени за моей спиной начинает биться сердце. Медленно, глухо, с перебоями,

оно неумолимо сокращалось, перекачивая застоявшуюся кровь в моем теле, и каждый его удар вызывал невыносимую боль в груди.

Когда в свое тридцатилетие я лежал в постели, совсем один в пустом доме, то вдруг снова неожиданно для себя подумал о своей нерожденной сестре. Сейчас ей могло быть двадцать. Я подумал, что она была бы невероятно красива, как мама. Что могла бы выйти замуж. Тогда бы мы вместе выбрали свадебное платье. И ее брак обязательно был бы счастливым. И я заплакал. Заплакал по выдуманной, несуществующей сестре, чьего имени даже не помнил. А когда иссякли эти горькие себялюбивые слезы, то поднялся с кровати, сдернул одеяло с зеркала и спросил: «Тебя я тоже выдумал, верно?»

— Совсем зачух ты без любви, — проскрипел старик. — Без нее даже собаки не живут. Вот, смотри. — Он свистнул, подзывая пса. — На них нельзя давить слишком сильно. Если только бить — однажды они загрызут тебя. Просто покажи им, что такое порядок, и дай пространство для любви, и их жалкие сердца будут принадлежать тебе, пока не остановятся.

Пес подбежал к старику, радостно виляя хвостом, а затем принялся вылизывать его тяжелые артритные руки. Отвратительно. Это не любовь.

Старик цыкнул:

— Будешь еще меня учить! Слово ты сам знаешь, что такое любовь.

Не знаю. Но это точно не она. Я всю жизнь бежал от нее, чувствуя боль от ее кратких проявлений. Боль эта казалась невыносимой, но в ней была какая-то неясная мне правда, словно я заслужил все, что со мной происходит.

— Да ты продолжай, не отвлекайся, — грубо прервал старик, поглаживая пса по тупомордой голове и запустая дрожащие пальцы в пушистый подшерсток. — Мы с тобой уже договорились.

В год моего тридцатилетия случилось еще кое-что: началась война. Брат был здоров и полон сил — его сразу забрали. Меня отпустили — сказали, что с глазами плохо. Думаю, это была правда. В то время я начал видеть слишком много синего: мне казалось, что весь мир погружается в глубокий сумрак, а тени становятся ярче людей.

В первый месяц войны у меня было как будто бы два брата. Один — яркий, красивый, в новенькой пехотной форме, широкая улыбка, унесенная вдаль чадящим локомотивом; другой — письма в руке, пропахшие табаком. Еще до конца месяца второго брата не стало. Вместо него пришла телеграмма, короткая и холодная, словно вовсе не тронутая человеческой рукой. Она скупо сообщила о том, что мой первый, живой и солнечный, брат теперь покоится где-то на чужбине. В тот день мне снова было десять. Я вновь не верил, что люди могут умирать. Умирать так просто, без побед и наград, без криков ура и фанфар. Да и откуда фанфары на поле боя? Там только стрекот смерти, глухой вой снарядов и визг случайных пуль, сражающих солдат.

Мне показалось, что телеграмма с приговором чем-то измазана. Повернул, вновь осмотрел: по гладкому белому листу ползла какая-то ржавь, подбираясь к моим ногтям. Почему брат мой мертв? И почему жив я? Ему было куда возвращаться, мне же негде существовать. Прокаженным не место среди здоровых, а здоровым не место в огне. Мне показалось, что меня охватила какая-то болезнь, похожая то ли на шизофрению, то ли на лихорадку. Мне чудилось, что это я сам убил своего брата, что я плюнул в его окровавленный рот, что я плачу над мертвым, отравленным телом его, что сам рублю ему гроб. Очнулся я только в призывном пункте. Добровольцем. И трусом.

Мне казалось, побег спасет меня. В конце концов, на войне нет зеркал, в которые можно всмотреться. Но там было еще хуже. Синим было не только небо — синей была земля. Синим был воздух, пропитанный гарью. Синими были руки солдат. Их глаза были синими, и у каждого за плечом — синяя тьма. Были и счастливчики вовсе без теней. Они горели ярко и недолго, но нам хватало их тепла, чтобы согреться. Иногда стоял такой зверский холод,

что некоторые синели безвозвратно и потом не могли оттаять даже у самого жаркого костра.

В один из дней, когда даже дыхание наше было синим, мы вновь пошли в бой. Я отстал от полка, заплутав в сумерках. Стволы деревьев только множились с каждым шагом, а выстрелы вдалеке становились все тише. В кустах впереди послышался шорох. Я поднял винтовку, ожидая, что мне навстречу выйдет зверь. Но это был молодой паренек в военной форме. Я сначала даже обрадовался, но затем увидел чужие нашивки и ударил его прикладом в лицо, не желая тратить патроны.

Он охнул, неловко качнулся и упал на траву. Совсем юный, неопытный — даже не смог удержать оружия в руках. Я схватил его за горло и принялся душить, глядя на то, как жизнь покидает его красивые, еще не успевшие заостриться черты. Он хотел меня остановить: вцепился в мои руки, пинался, стараясь вырваться. Но я не отпускал его — знал: стоит мне это сделать, и пуля окажется в моем черепе. И когда губы его начали синеть, я вдруг увидел, что душу уже не паренька, а самого себя. Того себя, кем я был лет десять назад. И глаза у меня синие, словно небо в день смерти матери. И тот я, отчаянно хрипя, потянулся ко мне, оставляя на моей щеке следы не то крови, не то синюшного разложения. Я в ужасе разжал ладони, прикоснулся к своему лицу, пытаюсь понять: существую ли я еще? Существую. Мертвый.

Я выронил винтовку из дрожащих рук и побежал. Побежал к вам — последней надежде, о которой рассказывали байки у костров.

— Фас!

Я дернулся от хриплого крика старика, запоздало оборачиваясь назад. Он осторожно вышел из тени, застывая посреди пятна света, отбрасываемого дрожащими языками костра. В спокойных синих глазах отразилось что-то похожее на удивление. Он думал, что я впервые в жизни позвал его, что я больше не прячусь, что наконец захотел встретиться с ним и просто поговорить.

Свора собак с громким лаем бросилась вперед, вгрызаясь слюнными пастями в хрупкое тело. Мое тело. Я чувствовал каждый укус, каждую рану от вырванной у него плоти, а потому, мыча от боли, упал на землю, сжавшись в комок и молясь о том, чтобы это скорее закончилось.

Я старался не смотреть, как они разрывают меня на части. Как они разрывают на части маму, брата, его жену и дочь, мою маленькую бедную нерожденную сестренку, несчастного молодого солдата, убитого мной, и сотни и сотни людей, которых я знал, пока был человеком.

Выгнувшись в очередной судороге, я поймал его взгляд. Он смотрел на меня не мигая. Из окрасившегося кровью рта не вырывалось ни звука, но в его бездонных, всегда казавшихся мне безразличными глазах полыхало немое презрение к моей подлости.

Я протянул к нему ослабевшую руку и через боль промычал:

— Прекратите...

Ладонь придавил тяжелый кирзовый сапог старика.

— Уже поздно.

Его тело было изодрано в клочья; от бледного, но красивого лица осталось лишь кровавое месиво; пугавшие меня холодные темно-синие глаза теперь — черные провалы в черепе. Чувствуя, как мои руки превращаются в лапы, а голова пустеет, я завыл из последних сил, вкладывая в этот звук всю запоздалую тоску и отчаяние, охватившие мое уже нечеловеческое существо.

Пушистую холку потрепала дрожащая, но все еще крепкая рука:

— Хороший пес, теперь ты наконец научишься любить.

Дарья Гандина
18 лет, г. Ангарск

Сверток

Рассказ

Однажды она увидела сверток на чужом крыльце. Маленькое, завернутое во что-то блеклое синее, нечто в длину не больше 80–90 сантиметров. Людей рядом не было. На улице светлело, и если бы не тот факт, что жила она в крохотном частном секторе, кто-нибудь определенно заметил бы сверток раньше. Не в полседьмого утра, а, скажем, в шесть. Или в пять. Или тогда, когда сверток здесь появился.

Наверное, они вызвали бы полицию. Наверное, скорую тоже.

Они позаботились бы о свертке вместо нее — и ей не пришлось бы стоять здесь и выбирать между пойти на работу или... ну, не пойти.

Утренняя прохлада потихоньку проникала под полы ее пальто, а она все смотрела и смотрела на подброшенный соседям сверток. Он лежал на верхней ступеньке, как на каком-то постаменте, и один слой пусть и явно теплой ткани вряд ли спасал его от холода.

«На редкость дурацкие тряпки, — подумала она. — Что это вообще? Кусок одеяла? Пеленка? Больше похоже на какой-то старый свитер».

Может быть, если бы сверток заплакал, она бы сразу подскочила к нему. Подхватила бы, засуетилась, позвонила куда-нибудь. В скорую, например. Или в полицию. Или вообще на работу... Уложила бы на постель, закутала во что-нибудь более теплое, чем заношенный и застиранный свитер. Интересно, мужской или женский? Подышала бы на маленькие бледные ручки, растерла их. Она. Правда, могла бы. Но только сверток молчал.

И ей вдруг стало страшно. А что, если сверток совсем мертвый? А что, если она вообще зря тут стоит и мучается и никто уже давно никому не может помочь? «Он наверняка давным-давно замерз насмерть, — думала она. — Позвоню я в полицию, и что мне скажут? Если и не повесят на меня ничего, то как свидетеля потом по судам затаскают. Мертвому уже ничем не поможешь — только себе проблем создам». Она решила было подойти, потрогать его: пощупать пульс, проверить, точно ли мертвый. Но не смогла.

Сверток все еще молчал, а мысли проносились все быстрее и быстрее — она уже почти опоздала на работу. «Вот, будут снимать отпечатки пальцев с тряпья, — говорила она про себя. — Там будут мои. Свеженькие. Вот что они подумают тогда?» Она хотела подойти и постучать в соседскую дверь, но не лезть же через забор (сверток лежал на крыльце у калитки)!

Она постояла еще немного, оглядывая забор, улицу, деревянную дверь. Ничего не менялось: забор был все таким же высоким, калитка все такой же закрытой, а улица все такой же пустой. Постояв еще немного, она в последний раз посмотрела на крыльцо соседского дома, развернулась и ушла.

Сверток всё так же молчал.

Павел Киселёв
15 лет, г. Иркутск

Записки моего кота

Рассказ

Счастлив ли я? Думаю, что да. Мое кошачье эго позволяет мне так думать. Я сыт, не ограничен в движении, обласкан теми, с кем я делю кров. Я жил здесь всегда. Знаю каждый уголок в этом доме, множество укромных местечек, где можно уединиться и отгородиться от суеты и общего пространства. Ведь я — кот. Мякиш. Имя, конечно, дурацкое. Но я привык к нему. И назови меня сейчас Леопольдом, я бы вряд ли откликнулся и был бы этому рад. Мякиш так Мякиш. Вот Тимофей — назойливая псина, которая не дает мне покоя и съедает мой корм. Ему подошла бы более легкомысленная кличка — Тузик или Фантик. Но его зовут Тимофей, как будто от этого он становится умнее. Глупая собачонка. Его IQ не больше белого пятнышка на кончике моего хвоста. Рыбы в аквариуме и то умнее его.

Вы не подумайте, что мое кошачье мнение о его собачьей персоне строится на природной непереносимости к этому виду. Просто, если честно, немного ревную Пашку, моего любимого друга. Когда он вместо меня начинает чесать пузо этой толстой сосиске, мне хочется вцепиться этому наглючему чихухау в его курносый задиристый нос!

У-у, Мякиш, понесло тебя. Надо успокаиваться. Просто были времена, когда я был единственным любимцем в нашем доме. Я даже думал, что так будет всегда. Ан нет! Как раз на мое двухлетие принесли этого пёселя. Инициатором столь глупой идеи была Пашина мама. Она, видите ли, не кошатница! Я давно подозревал, что она меня недолюбливает. Было и такое, что после того как я погнался за мухой и перевернул ее любимую орхидею, она запустила в меня тапкой. Еле увернулся! Я не обиделся на нее, потому что орхидея действительно была красивая. Мне было самому жаль и стыдно за мою выходку. Вошел в азарт — она мне дремать мешала, эта муха. Конечно, она ничего (я про Пашину маму). Кормит меня вкусно и вовремя. Она всех кормит. Поэтому Тимофей и стал похож на бревно с выпученными глазенками.

Ну вот, сейчас опять заведусь. Черт с ним, с Тимофеем. Рыбы в аквариуме выросли до 30 сантиметров! Вот раскормила! А сама ничего — стройная, ухоженная. Пахнет от нее всегда вкусно. Была бы кошкой, я бы за ней поухаживал. Рыбы — это отдельный разговор. Когда в дом принесли огромную стеклянную банку и нагрузили в нее камней, я вообще не понял, что происходит. Даже были мысли, что мне новый писсуар готовят. Ну а когда в нее налили воды, просто растерялся — думал, сейчас купать начнут. Пришлось спрятаться в шкафу: на Пашкиной полке, на аккуратно сложенных толстовках из флиса. Вот это перина! А sny какие снятся... Передремал там всю эту суету. Выхожу, а в банку рыб запустили. Я от этой красоты чуть по-человечески не заговорил. Вот это мое! Не то что эта псина заполошная. Обожаю лежать возле аквариума и наблюдать. Это просто космос! Другая планета! Мои кошачьи инстинкты умирают перед этой красотой. Может, это потому что я рыбу не ем? Ну да ладно, глядя на такую красоту, мне это даже в голову не приходило. Когда я укладываюсь полежать возле аквариума, огромный астронотус в леопардовом камуфляже подплывает поближе и начинает заглядывать мне в глаза. У него глаза огромные и крутятся, как у хамелеона! Сразу видно, что интеллект у этого пацана что надо. Астронотус у них за главного, вроде президента. Всех рассудит, всех помирят. А если нужно, нагоняя даст. Полный порядок в этом царстве-государстве. Мои же отношения с рыбами ценны тем, что они сами по себе, а я сам по себе. И мы друг другу не причиняем никаких неудобств, разве только сом синодонтис, подплывая к стеклу, призывает меня помериться с ним усами. Ему почему-то кажется, что его усы длиннее моих.

Наивная рыбина. Мои усы, как говорит кот Матроскин в известном мультфильме, — мой паспорт. У Пашиного папы тоже усы. Так оно и понятно — особь мужского пола.

У нас с ним и отношения скупые, по-мужски сдержанные. Он, когда утром спускается по лестнице вниз, проходя мимо меня, всегда говорит: «Привет, котяра!» Я, позевывая, отвечаю ему мысленно: «Привет, от котяры слышу».

Сейчас зима. На душе спокойно, на улицу не хочется. Все благополучные коты дома сидят, весну ждут. Это кого недокармливают, тем приходится по гаражам да стайкам промышлять. Ну а я в полном шоколаде. За всю зиму на улице раза два был. Холодище, скукотища, птички на лету замерзают... Оно мне надо? То ли дело дома, возле камина. Растянешься во весь кошачий рост. Огонь пляшет, дрова потрескивают... Лежишь и мечтаешь о прекрасном. А если дрема возьмет, какие сны снятся! Люди любят смотреть телевизор, а я люблю смотреть сны. Мое кошачье восприятие мира позволяет мне в снах проживать что-то невероятное. Зима в наших краях уж больно длинная. Пока весны дождешься, чтобы отправиться во все тяжкие... Поэтому сны — это отдельная история. На улице вьюга, зима, а мне снится, что лежу на лужайке на спине, лапы раскинул. Небо голубое, ни облачка. Две бабочки, красивые такие, травинку поделить не могут. Друг друга сталкивают, глупые гусеницы! А я помахиваю хвостом и сбиваю одуванчики. Они как парашютики, подхватываются ветром и стремительно улетают, растворяясь в голубой бесконечности. Лежу и млею.

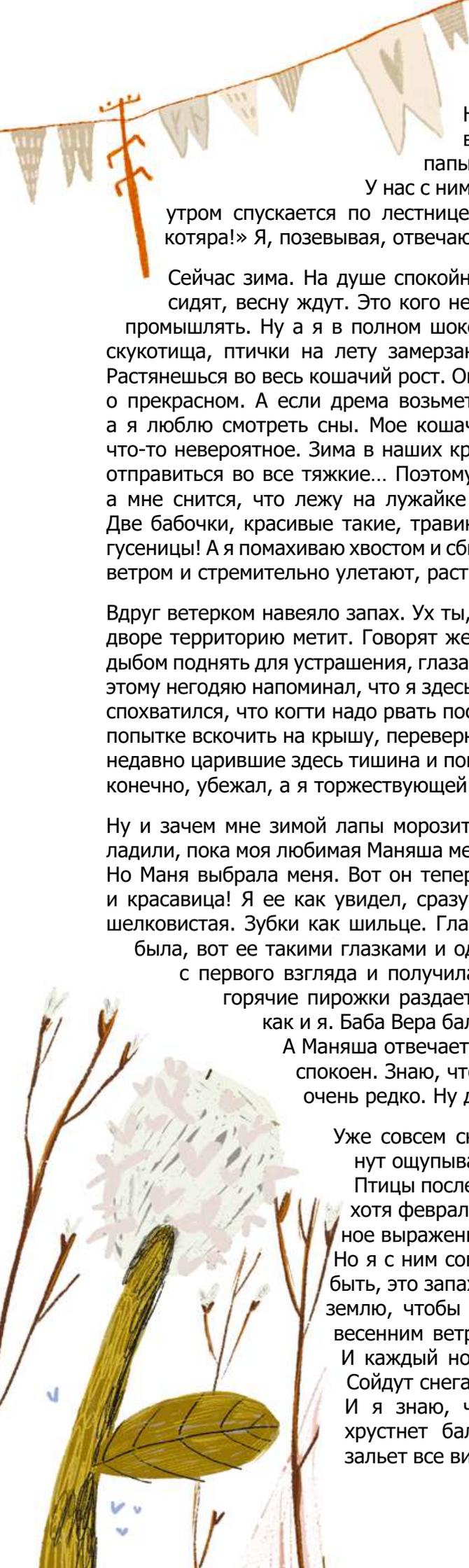
Вдруг ветерком навяло запах. Ух ты, мать кошачья! Опять соседский кот Епифан в нашем дворе территорию метит. Говорят же, скоротечен счастья миг. Пришлось соскочить, шерсть дыбом поднять для устрашения, глаза выпучить и заорать во все кошачье горло. Сколько раз я этому негодяю напоминал, что я здесь хозяин! Епифан присел от испуга, уши прижал, а потом спохватился, что когти надо рвать поскорее. Вскочил на бачок с мусором и, отталкиваясь при попытке вскочить на крышу, перевернул его со всем содержимым. Лязг, грохот, и еще совсем недавно царившие здесь тишина и покой сменились на сотрясающую воздух тревогу. Епифан, конечно, убежал, а я торжествующей походкой зашагал к пробуждению.

Ну и зачем мне зимой лапы морозить? Нагоняя Епифану можно и во сне дать. Раньше мы ладили, пока моя любимая Маняша между нами не встала. Епифан тоже к ней неровно дышит. Но Маня выбрала меня. Вот он теперь и бесится, мстит, как может. Маняша моя — умница и красавица! Я ее как увидел, сразу понял — судьба! Шкурка, как у соболя, с переливом, шелковистая. Зубки как шильце. Глаза как незабудки — голубые. Бабка у нее из сиамских была, вот ее такими глазками и одарила. Ну я-то тоже парень браваый. Вот у нас любовь с первого взгляда и получилась. А детки у нас какие! Маняшина баба Вера их как горячие пирожки раздает в добрые руки. Моя Маняша тоже из благополучных, как и я. Баба Вера балует ее, кормит хорошо, кофточки да шапочки ей вяжет. А Маняша отвечает любовью и преданностью. В общем, за мою любимую я спокоен. Знаю, что никто ее не обижает. Огорчает то, что снится она мне очень редко. Ну да ничего, скоро весна — намурлычимся.

Уже совсем скоро солнечные лучи с осторожностью незрячего начнут ощупывать сугробы, делая их шершавыми, серыми и колючими.

Птицы после длительного молчания станут перебивать друг друга. И хотя февраль — еще календарный месяц, уже пахнет весной. Странное выражение — «весной пахнет». Это мой друг Пашка так говорит. Но я с ним согласен — все-таки она чем-то пахнет, эта весна. Может быть, это запах сосулек, с которых капает талая вода и бьет в темечко землю, чтобы поскорее просыпалась от зимней спячки? Или пахнет весенним ветром, который разносит великую радость пробуждения? И каждый новый день будет дополняться новыми запахами весны. Сойдут снега, деревья вновь распеленают свои листочки.

И я знаю, что, однажды проснувшись, Пашка подойдет к окну, хрустнет балконная дверь, и яркое зарево солнечных зайчиков зальет все видимое пространство: огороды, ребристые крыши домов.

Свет озарит причудливыми узорами полупрозрачные навесы теплиц и растечется по асфальту, растворяясь в лужицах. Мы выйдем на балкон, и нас окутает нежный запах распускающейся листвы, цветущей яблони, аромат черемухи, растущей перед нашими окнами. Какофония звуков окончательно добьет желание что-либо делать, кроме как наслаждаться этим мигом. А потом нам будет казаться, что весь Иркутск замер, вкушая весеннее настроение. Стихнет гул машин. Не будет слышно перестукивания строительных молотков. Все самолеты, которые чертят небо над Иркутском, приземлятся и будут спать в ангарах. А я, кот Мякиш, и мой друг Пашка будем наслаждаться мгновениями весны...

Что-то я размечтался. Как говорит Пашка: «Мечтать не вредно, вредно не мечтать». Согласен полностью, поэтому большую часть свободного кошачьего времени я провожу в мечтах. Это действительно очень полезно. Потому что мечтают только о хорошем, а о плохом мечтать невозможно. Так с чего же я начал? По-моему, с того, счастлив ли я. Наверное, да, ведь счастье – оно в мелочах...

Летисия Лоуренсо Да Силва

16 лет, г. Тулун

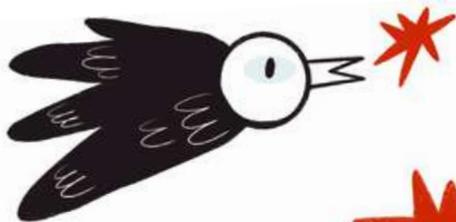
Мир под лапой

Рассказ

Шел четвертый год со дня Великого переворота. Осень, последние числа сентября. Небо, все еще мрачное и плотно затянутое темными тучами, такими же темными, как и наступившая эпоха. Вся жизнь теперь проходит в ожидании грозы, и, увы, не в виде дождя или молний, а в облике острых когтей и разрывающего душу «мяу».

Идя на работу в офис, Алекс старался не думать об окружающем его мире, так как эти мысли зажигали в его сердце противоречивый огонек жажды справедливости. Будь он чуть смелее, чуть отважнее или чуть глупее, он бы вступил в ряды анархистов, стал главным предводителем революции. Но он лишь работник офиса, желающий простого спокойствия. Алекс долгое время пытался обрести его в Новом Пушистом Мире, в эпоху мягколапых, но самые разнообразные чувства терзали его душу — начиная со светлой ностальгии по минувшим дням и заканчивая обидой и злобой на всех вокруг: на власть, главные должности которой теперь по большей части занимают коты, а люди при этом являются приспешниками кошачьего режима; на злую судьбу и ее невероятные повороты, которые раньше можно было вообразить лишь в антиутопиях; на тех безмозглых людей и их подпольные опыты над кошками. О, на них он злился в особенности. Они разработали особую вакцину, вводили ее котам, и именно из-за нее в маленьких мозгах пушистиком начало вырабатываться некое вещество, от которого их извилины становились уж больно походившими на человеческие. Коты стали думать как люди и, следует догадаться, нашли способ захватить власть путем восстания. Все это сотворила нелегальная корпорация, которая теперь являлась коммерческим монстром и стала одной из частей двигателя современной цивилизации. Они ставили опыты над множеством котов, и количества этих опытов хватило, чтобы поработить мир...

Молодой работник едва успел вбежать в лифт, прежде чем тот закрылся. Он очень торопился передать боссу папку с бумагами, ибо задержал это дело уже на два дня, что было чревато выговором. Пока лифт продвигался вверх по небоскребу, мысли временно исчезли, но как только двери распахнулись, парень, обуреваемый беспокойством, поспешил в нужный кабинет.

Он остановился перед прозрачной дверью, провел рукой по волосам, приглаживая их, и только потом набрался смелости постучаться.

— Войдите!

Молодой человек робко зашел в помещение и тут же виновато потупил глаза, встречая неодобрительный взгляд, пронизывающий, как всегда, до каждой косточки.

— Малыш Алекс наконец соизволил выполнить рабочий долг! Ты же не считаешь премию в этом месяце, да? В твоём положении даже думать так было бы глупо.

Раздалось сардоническое хихиканье, такое противное, что от него передергивало. Кто бы мог подумать, что прогресс дойдет до того, что эти ошейники на кошках смогут с точностью переводить их речь и даже воспроизводить таким образом смех. Их голоса были выше, почти как у детей, но отличались особой четкостью. У каждого свой тембр, и это сходство с людьми пугало.

Мистер Маффин был крупным котом породы рэгдолл, белый с коричневыми пятнами по телу и «шторками» на лбу, а также имел черный хвост. Голубые глаза его были красивы, но их взгляд заставлял чувствовать себя так некомфортно, что нередко на лице выступала испарина от волнения. Он числился боссом конторы на 32-м этаже, в которой Алекс и работал.

Разве молодой человек представлял когда-то, что в один прекрасный день все изменится и его злобным боссом станет не ворчливый дядя в пиджаке и галстуке, а котик, чей пушистый зад будет просиживать место в кожаном кресле?

— Сегодня среда, помнишь об этом? День, в который...

— День Великого переворота. Помню, мистер Маффин.

— В три часа спускаемся вниз для исполнения гимна. Будь добр прийти, Алекс, а то я слышал, что ты перестал посещать *кошачьи часы*.

Внутри все оборвалось и застыло от ужаса.

Молодой человек настороженно поднял глаза на босса, чья наглая морда выражала недобрые мысли. Алекс изо всех сил попытался скрыть испуг, сделать как можно более непринужденный вид, успокоить голос, дабы дрожь не выдала его.

— Простите, мистер Маффин. Я так заработался, что совершенно забыл о *кошачьем часе* и...

— Можешь не врать. — Даже через механический переводчик в этих словах слышался ледяной укор. — Я отсюда твое дыхание чувствую. Думаешь, я не знаю?

В этот момент Алекс был готов умереть на месте, уже представляя, как в кабинет врывается *котолиция* и вяжет его, и...

— Просто заканчивай запереться в туалете, ладно? Кабинка не место для сна и прогулов, друг мой.

Алекс с облегчением выдохнул.

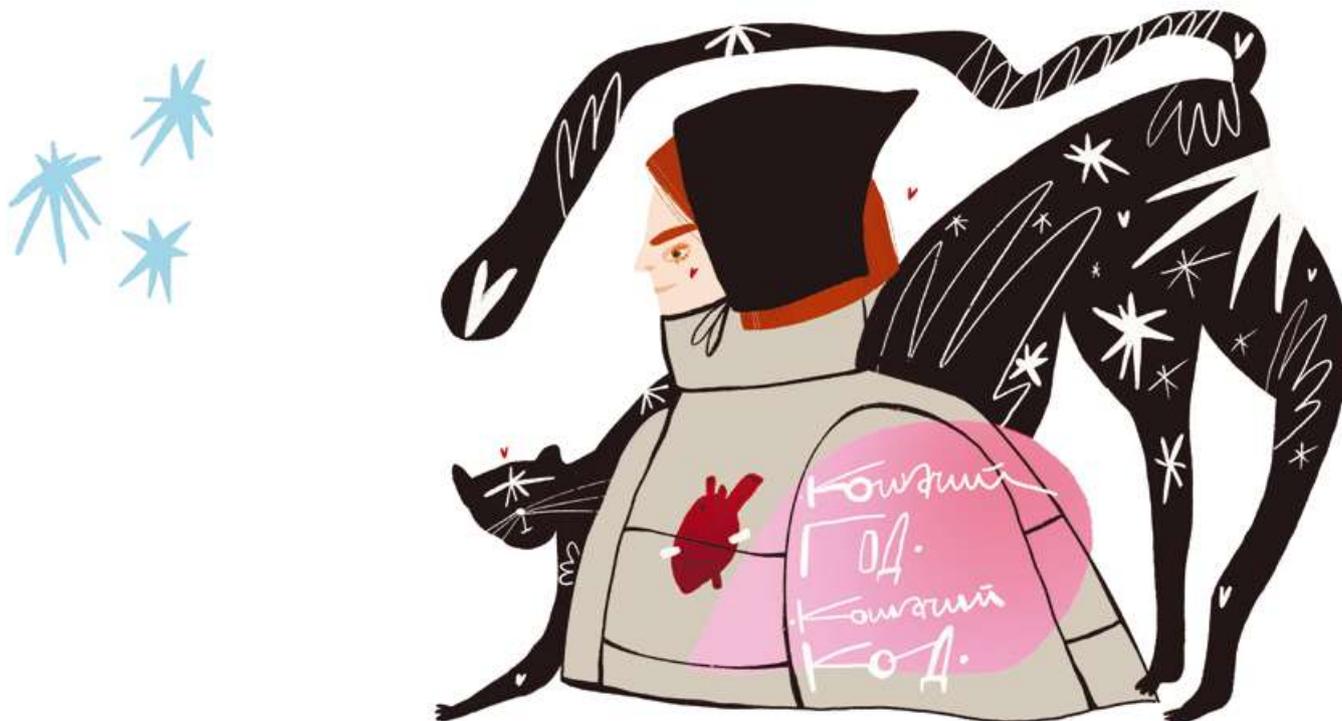
— Да, мистер Маффин, извините. Больше не повторится.

— Очень уж на это надеюсь.

Дверь в кабинет открылась, и Алекс дернулся, думая, что за ним и вправду пришли, но это оказалась лишь секретарша, несущая мисочку с молоком.

— Ваше парное молоко, мистер Маффин. Приятного аппетита.

Белокурая девушка очаровательно улыбнулась и поспешила выйти из помещения. Котик проводил ее долгим немигающим взглядом.

— Эх, какая женщина... — Он вдруг опомнился и перевел уже суровый взгляд на парня. — А ты... Твой напарник станет работником месяца уже в четвертый раз. Имей в виду, что его могут скоро повесить и перевести на этаж выше, а к тебе приставят другого.

— Я знаю. Мне нравится Пушистик, и я правда постараюсь брать с него пример, — услужливым тоном сказал парень то, что всегда крутил в голове на случай подобной отмазки.

Впрочем, это было почти правдой, так как ему и впрямь нравился его коллега.

— Вот-вот. Если хочешь, то старайся. Без напарника будет сложно, а с кем-то неподходящим — еще сложнее. Посмотри хоть на них.

Алекс глянул на стену, на которой висело три портрета. На одном из них была изображена кошка, невероятно похожая на Маффина. Отличал ее от него лишь шрам на левом глазу. Это была Великая Баффи — та самая кошка, которая возглавляла движение кошачьей революции и впоследствии стала первым президентом кошачьей эпохи. Под ее портретами располагались два других. То были кошки-сестры — полосатая и черная, с говорящими именами — Полосатка и Чернота. Полосатка — нынешний, второй президент Нового Пушистого Мира, Чернота — ее правая лапа, советчик, а также заместитель. Эти двое смогли поставить мир на ноги, более или менее привести его в норму. Они прочно держали власть в когтях, умело управляли всеми государственными делами, но... Становилось понятно, что режим, который они создают, уж больно напоминает начало тоталитаризма, но говорить об этом вслух опасно — вольнодумие пресекается.

— В одиночку всегда труднее... — Кот потупил взгляд, думая о чем-то. Не отрывая глаз от своей миски с молоком, он сказал: — Иди работай, Алекс. И смотри не опаздывай.

Парень коротко кивнул и тихо выскользнул из кабинета. Он глубоко вздохнул, немного пришел в себя и направился к своему рабочему месту.

Теперь коты работают вместе с людьми, все верно. Коты стоят в управлении, все время находятся рядом с человеком, имеют равные с ним права (даже чуть больше), и многие из этих мурчащих ребят действительно милые, но есть и такие, которые считают своим главным долгом службу кошачьей партии, именно поэтому не пренебрегут возможностью показать свою верность. Нельзя сказать, что среди людей таких нет. Есть, и примерно столько же, сколько среди котов. Доверять теперь никому нельзя, ведь однажды ты можешь проснуться, а в дверь уже ломятся, потому что кто-то донес на тебя за твои «неправильные» мысли.

Самым подозрительным в этом плане являлся один серый косматый кот, который работал в одном офисе с Алексом. Именно он сейчас провожает его подозрительным, пристальным взглядом со своего рабочего места.

Парень, как всегда, сделал вид, что не замечает его, но сердце предательски быстро колотилось.

Кабинет Алекса представлял собой небольшое помещение с прозрачными дверями, внутри которого было два рабочих места. За одним из них сидел бежевый сфинкс, чья мордочка опять искажилась в гримасе растерянности.

— Алекс, наконец-то! Я опять что-то не то нажал, и тут вылезла эта штука, и я не могу ее убрать!

Незадачливый работник подошел к своему не более умелому напарнику и другу по совместительству, чтобы исправить дело. Такое происходило постоянно, несколько раз в день, и именно эти казусы лысого котика с компьютером их и сблизили.

— Пушистик, это просто парадокс, что ты с такими умениями идешь на повышение.

— Когда-нибудь я точно нажму на что-то, из-за чего меня уволят. Я говорил, что моя далекая прабабка была родом из Египта? Там кошкам поклонялись, а теперь нас заставляют работать. Мои предки были бы разочарованы.

— Говори потише. Меня и так уже поймали на пропуске той среды.

— Да ну! — Сфинкс обеспокоенно распахнул глаза и снизил голос до громкого шепота: — Босс сказал?

— Да. Думаю, это Клубок донес. Я ему определенно не нравлюсь — по глазам вижу, что он мне не доверяет. Постоянно следит за мной. Точно говорю, он из этих. — Немного помолчав, Алекс добавил: — Ты тоже будь поосторожнее. Такие, как он, и котов не пощадят, тут же сдадут.

Пушистик удрученно вздохнул и вновь начал настукивать лапками по клавиатуре.

— Самое настоящее проклятие — думать как люди...

Илья Митницкий

18 лет, г. Иркутск

Ценитание

Рассказ

*Но если бы откуда-то взглянула
Я на свою теперешнюю жизнь,
Узнала бы я зависть наконец...*

А. Ахматова. Из цикла «Северные элегии»

На окраине крупного участка стоял облезлый гараж. Когда-то он был ярко-зеленый от основания и до самой верхушки крыши, но от солнца, ветра и жестокого времени вся краска на нем выцвела, местами потрескалась и отвалилась, оголив ржавые стены. Тетя открыла дверь, из которой хлынул раскаленный пыльный воздух. Таня не успела прикрыть нос и глаза, раздался громкий чих. Хозяюку гаража ничуть не смутил поток пыли, она схватила нас за руки и повела внутрь.

— Это какие-то проделки Эйнштейна? Снаружи он был больше, а мы втроем не можем толком зайти! — воскликнула Таня.

— Мне тоже не совсем ясно, — начал неуверенно я, — как сюда должна уместиться машина времени. Она карманная, что ли? И почему здесь так темно? С улицы же видно окно. Где оно?

Женская рука решительно проникла в тьму гаража. Ногти пару раз задели металлическую стенку. Раздался щелчок, а за ним послышался гудящий звук электроприбора, и в темноте помещения вспыхнули огромные шары оранжево-белых ламп. Перед нами возник аппарат, выкрашенный в темно-синий цвет. С множеством затертых зеленых, голубых и желтых кнопок и с большой красной посередине.

— Глупых вопросов не задаем. Апчхи! — произнесла наша ученая, не успев прикрыть рот рукой. — Это и есть моя машинка — мое величайшее творение. Я ей давно не пользовалась, но поток тахионов еще не подводил. Сейчас мы врубим генераторы под домом и отправимся. Мы рассечем время и сможем попасть в любую эпоху! Ренессанс? Античность? Динозавры? Выбирайте поскорее! — с безумным светом в глазах восторженно манифестировала пожилая на вид, однако, очевидно, сердцем и умом моложе нас женщина.

Казалось, она сейчас лопнет от переполняющих ее эмоций. Может, прыгни она сейчас, порыв чувств позволил бы ей долететь до края галактики и, сделав круг, вернуться ничуть не уставшей, а даже более одушевленной.

Я не с того начал. Возможно, этот момент был самым интересным во всей истории — все-таки здесь начинались наши путешествия. Но дайте мне вернуться назад во времени, и я расскажу вам об этих людях, об этом испытании. Об испытании не только для старой машины времени, но и для человеческих сердец. Так вот...

В начале июня, сразу же после последних годовых контрольных и сдачи учебников, родители отвезли меня в поселок О — к тете Ларисе, нашей дальней родственнице, вроде с маминой стороны. Это настолько дальняя нам родня, что уже никто и не помнит, кем мы ей приходимся. Я приехал к ней на все каникулы, и все были довольны таким положением дел (она меня очень любила; наверное, любит и сейчас). Всегда есть чем себя занять в О. Вы можете отправиться к чистейшему лесному озеру, пойти на речку с удочками или, сев с местными мальчишками на велосипеды, отправиться к земляничной поляне и наесться от души.

Я был весь в предвкушении этой тихой идиллии, этих сладких дней в поселке, однако все сложилось намного интереснее. Тетю Ларису попросили быть со мной строже — видимо, в папе и маме проснулся синдром родителей отличника. Им хотелось, чтобы я не пропускал лета зря, а учился, занимался спортом, стал самостоятельным. Глупо это, особенно для десятилетнего мальчишки.

Утро начиналось не в обед. В восемь часов я вставал, умывался, делал глупую зарядку, съедал пресную кашу, овощи, учил уроки до и после обеда по учебникам из тетиной библиотеки. И так до самого вечера. Прошло три дня. Так бы и жил я в этой муке, если бы не воспользовался детской хитростью.

Лариса Семеновна до выхода на пенсию преподавала какую-то заумную область физики в городском университете — это любимый период ее биографии. Стоило лишь дать ей повод рассказать о том времени, и я уже не должен был спать в одиннадцать вечера. Долго велись беседы о великих ученых с непроизносимыми фамилиями. Она всегда уводила разговор в русло ненависти, к скучным теоретикам, что вечно осуждали ее за любовь к испытаниям своих изобретений на деле. Я не особо горел желанием слушать ее, но когда она была занята разговором, можно было почувствовать прежнюю свободу, что царила здесь раньше. Иногда к нам могла прийти ее мама — 98-летняя старушка, жившая на соседней улице. С ней было легче вести диалог: она понимала во мне ребенка и выуживала для меня привилегии в обход родительского наказа.

Так прошел весь июнь. В долгий дождливый день приехала из Москвы Таня — внучка нашей

хозяйки. Эта была очень высокая и худая девочка с черными волосами и бледным цветом лица, сидела она исключительно с прямой спиной. Таня показалась мне уж слишком подавленной.

Все время в доме она тренировалась ходить на пальцах ног и читала книги об истории искусств. Кому в 16 лет может быть интересно такое времяпровождение? Ответив самому себе на этот вопрос, я решил начать с ней разговор.

— Что читаешь, Тань? — отвлек я полностью погруженную в чтение у окна школьницу.

— Что-то невыносимое о теории музыки, — сказала Таня, заметно взбодрившись и положив книгу на стол.

— Понятно. Если быть честным, я хотел о другом спросить. Почему ты такая грустная? Что-то случилось?

— Нет. Я очень благодарна бабушке — она смогла меня вытянуть из ужасной городской обстановки. В следующем году мне нужно будет сдавать экзамены, определяться с поступлением, однако все, что я чувствую, — это давление мамы. Она звонит мне каждый день с тех пор, как я выехала из дома, и напоминает о поступлении в балетное училище. А когда я пытаюсь сказать, что мне не нравится танцевать, что я не хочу этого, она заводит свою шарманку: «Я плохая мать, значит? Ты же с детства на пуантах! Не глупи!»

— Ой, нелегко...

— А я, блин, не хочу этого балета! Бесит. Я бы хотела никогда не заниматься этим. Ненавижу! — с обидой почти прокричала Таня.

Она начала плакать, хотя пыталась это скрыть, поворачивая голову из стороны в сторону и надолго закрывая глаза. Ее лицо покраснело и намокло от слез, нос начал шмыгать все чаще. Я сидел еще чуть-чуть с Таней и пошел к тете Ларисе решать этот вопрос.

— Хм, у меня есть одна вещь, которая нам поможет поднять настроение, — задумчиво сказала та.

— И что же это?

— В пять часов пойдем. Надо только подготовить.

— Надеюсь, это поможет.

Вот так наша тройка и оказалась в гараже.

Лариса не шутила. Более того, она постаралась рассказать об устройстве этого чуда. Оно каким-то образом разгоняется до сверхсветовой скорости через взаимодействие с тахионной материей и через четвертое измерение может отправляться в прошлое и в будущее.

— Бабушка, подожди! Даже я знаю, что путешествие во времени создает различные парадоксы. Есть же эффект бабушки! А если встретить версию себя из прошлого?

— Это все вздор, не имеющий ничего общего с реальностью. А ты, милая, хочешь на себя маленькую посмотреть?

— Если честно, да... — прошептала Таня.

— Хорошо. Никита, ты?

— Я всеми руками за. Давайте отправляться!

Нам рассказали о безопасности. Оказалось, что нужно выдохнуть как можно сильнее и не дышать. Подобные меры направлены на то, чтобы сохранить легкие во время перехода. А на голову надо надеть большой шлем, закрывающий все до самого пояса.

Мы уселись поудобнее и закрыли двери. Быстро были введены все данные, поправки на движение Земли и черной материи во Вселенной. Писк, щелчки приборов, электрический гул. Все громче звон в ушах.

И вместо обратного отсчета:

— Пип... пип... пип...

Громкий удар, будто бы кто-то с размаху кинул камень тебе в затылок, — и невыносимый жар по всему телу. Тишина.

Открыв глаза, я оказался в том же гараже. Правда, свет в нем был ярче, воздух чище и не так жгуч, как мгновение назад.

Таня выскочила наружу и начала осматриваться.

— Зачем ты надо мной так шутишь?! Это тот же гараж! Почему все мы здесь? — орала она своим самым громким криком.

Ею было сказано много слов, которые я тогда понять не мог, а вам сейчас не имею права процитировать.

— Мы здесь, дорогая, но не сейчас. Я не вводила других координат. Мы остались в том же гараже, но посмотри на наш дом...

Таня побежала к двери. Ворвавшись в дом, она никого не увидела. Чуть присмотревшись, она отметила, что ремонт был такой старый, каким она помнила его в свои шесть лет. Это была комната для нее, ее детская. Вдруг вошла девочка в желтеньком платьице. В ее пухлом личике Таня узнала себя. Она хотела кричать, потянуть девочку за собой и укрыть в объятиях, защитив от всех людей. Она хотела стать для нее настоящей мамой, какой у самой Тани не было, судя по ее подростковому ощущению. Но у нее только хватило сил сказать: «Привет!», после чего она в слезах рванула к гаражу.

Здесь ее ждали уже не два, а три человека: я, тетя Лариса и Лариса Семеновна из этого времени. Они пожали друг другу руки и разошлись. Тетя потянула меня за футболку в гараж. За нами забежала Таня с широко раскрытыми глазами, еще не успевшими высохнуть, и закрыла дверь.

— Я вам все объясню дома. Одевайтесь в спецкостюм — мы возвращаемся назад.

— Пип... пип... пип...

Мы вернулись. Никто, даже я, не решался что-либо сказать. Только через четыре часа за вечерним чаем тетя Лариса объяснила, что мы были в прошлом — в параллельной реальности и на нашу это не должно повлиять. Также она сказала, что пыталась изменить свое прошлое десятки тысяч раз, да уже смирилась, что это невозможно. Она не знает почему, но в бесконечном количестве измерений никто не смог попасть в наше. Лариса посчитала это знаком. Она решила не менять ничего, а жить счастливо сейчас, меняя лишь то, что можно. Именно этот урок она нам дала.

Таня сепарировалась от мамы и поступила в университет во Франции. Сейчас они медленно восстанавливают свои отношения. А я вспомнил эту историю недавно, когда плакал над экзаменами, проклиная себя за то, что не готовился, и за то, что не знаю, кем хочу стать.

Кирилл Терских

17 лет, г. Иркутск

Память

Рассказ

Утро. Ленивое июньское солнце мягко и осторожно ступает по крышам покосившихся деревенских домов. За рекой, тихо катящей свои шелковые серебристые волны в теряющуюся даль, расстилается разноцветным ковром степь. Ее сладкий удушливо-сухой запах тревожит разгоряченное тело, пытающееся ухватить и выпить последние капли свежести и холодной влаги.

Дорога пуста, только легкий теплый ветер изредка разметает с нее ровно лежащую пыль, словно перебирая все ее разочарования и печали, радости и счастье, первые расставания и старые встречи, смерть и надежду на спасение — всю человеческую жизнь, проходящую через ее то извивающиеся, то прямые очертания. Глухой темно-зеленый лес, строго выпрямившись на окраине деревни, чутко дремлет, и под его мерными вздохами колышутся тяжелые ветви, окутывая сном и глубинным холодом золотое поле пшеницы.

Веселый, игривый луч упал в открытое окно хаты и, ловко вскочив на кровать, усталую периной, озарил лицо Ванечки кротким, безмятежным светом. Открыв глаза, мальчик оглядел давно знакомые предметы, находившиеся в комнате и составлявшие свою особую историю. В углу добрыми огоньками светились бабушкины иконы, а под ними стоял огромный деревянный сундук, казавшийся чем-то страшным и непонятным. На стенах, по бокам, были развешаны ковры из штапеля; справа от каждого из них висели рушники, которые своими красными причудливыми узорами сглаживали общую грубость обстановки. Рядом с кроватью стоял большой самодельный стол с различной глиняной посудой и керосиновой лампой, оставившей на белом потолке след гари и копоти. Под столом расположились громоздкие, тяжелые табуреты, своей неповоротливостью напоминавшие маленьких медвежат. Заканчивалось убранство комнаты простым темно-коричневым комодом, хранившим различные платья, шали, половики и вязанные для праздников кружева.

Во всех этих предметах, во всей непростой деревенской жизни есть великая гармония с природой: дикость, девственность форм сочетается с ручным трудом; человек возвращается к истокам и постигает свою натуру, ощущая родство души с землей, на которой живет. Все его существо становится единым целым с Родиной, и эту связь не в силах разорвать ни одно обстоятельство.

Мягкие светлые волосы на подушке, пухлые губы и голубые глаза мальчика, отдающие туманом, сливались в одну общую картину детской беззаботности. Он потянулся со свойственной раннему утру негой, сбросил с себя одеяло и сел на кровати, потерянно уткнув свой пытливый взгляд в пол. Солнце приветливо светило сквозь белую как снег занавеску, и яблоня, склонившись из оков небольшого сада, ласково смотрела в окно.

Тут внезапный шорох на улице разбудил внимание Ванечки. Он быстро перевел взгляд и почувствовал, как его тело охватывает великая, неудержимая радость, соединенная с нестерпимой болью разлуки и потери; как душа трепещет дрожью тяжелых воспоминаний, протекающих через горечь ожидания. Во дворе промелькнул знакомый силуэт. Ваня, не медля ни минуты, сунул босые ноги в сапоги и в одной рубахе вывалился на дорогу.

«Вернулся...» — кротко пробежало по губам мальчика.

Вдалеке — на том месте, где начинался пологий спуск к реке, — он увидел высокую и худую фигуру отца. На лице мужчины светилась добродушная улыбка уставшего странника, желающего поскорее вернуться домой. Образ казался прежним, но какая-то неуловимая перемена застыла в чертах. Вдруг его привычная походка изменилась: он побежал вниз, к реке. Мальчик со слезами бросился догонять родителя...

«Папка... Миленький! Родной!.. Ну куда же ты?! Куда?!» — звенели слова в тишине наступающего зноя.

Ноги в больших сапогах упорно не слушались Ваню, и, зацепившись за невысокий бугорок в траве, он с грохотом повалился на сухую землю.

«Папа...» — врезалось в чистый утренний воздух.

Он поднял глаза и увидел лишь прикрытую природой пустоту. Видение безжалостно растаяло... Долго капали горячие слезы на розовые здоровые щеки Ванечки, а вокруг трещало и переливалось молчание. Он был совсем один, только вечное синее красивое небо уходило далеко за горизонт со своими мягкими, как пух, белыми облаками...

«Снова этот сон...» — слышался шепот Ивана в ночной тьме дома. Он приподнялся, оглянул вокруг себя привычное пространство и лег обратно.

Истерзанная подушка пахла потом и странно сбилась под головой, скомканное одеяло запуталось в ногах — спать было невозможно. Иван встал и тихо, чтобы не разбудить жену и детей, вышел во двор. Причудливый месяц спокойно озарял дорогу к широкому полю, притягивающему к себе бесконечной волей и всегда задумчивым видом. Иван побрел вперед — захотелось на миг почувствовать эту свободу.

Ветер нежно и заботливо перебирал колоски пшеницы, холодные звезды мерно лили свое голубое сияние, черное небо раскинулось теплым покрывалом и окутало спокойствием каждый уголок уставшей земли. Старые мысли и воспоминания гудели в голове ночного путника. Он вспомнил детство, бесконечную реку, ребяческие шалости и забавы, но главное — перед ним снова предстал образ отца, голос которого до сих пор отзывался и звучал в нем.

Отец погиб в 43-м, под Сталинградом, когда Красная армия сломала хребет фашистскому зверю. Он повел взвод в атаку вместо раненого командира, навсегда вписав свое имя в историю. Война забрала его, как и многих других любящих сынов Родины. Она оставила искалеченными сотни судеб, в ее пожаре сгорела мирная жизнь.

Скупые мужские слезы катились по закаленному лицу Ивана, ведь все, что теперь есть у него, это живая, трепещущая память, которую он с благоговением обязан хранить...

Павел Безухов

17 лет, г. Братск

Голубиная песнь

Рассказ

Семья Криви, несмотря на свою довольно говорящую фамилию, жила ровно по часам и отличалась среди прочих подобных порядочных семейств совершенным соответствием данному выражению, чем заслужила всеобщее соседское уважение, представлявшее собой ежедневное почтительное «добрый день-с», произносимое очень быстро и будто бы сквозь зубы.

Поднимаясь не раньше и не позже шести часов утра, миссис Криви бодро присаживалась на край кровати, уже механически поправляла обеими руками множество мелких бигуди на рыжей голове и с минут пять рассматривала свое отражение, то оправляя халат, то встревоженно убирая с уголка губ неизвестного происхождения темную крошку, то наконец хлопывая себя по светлым щекам. Казалось, она за один этот промежуток времени успевала привести в порядок весь свой внешний вид лишь парой движений тонких рук, что было ни капельки не подвластно другим ледам.

Словом, закончив столь важный обряд, она, с первого раза попав ногами в тапочки, поспешила в ванную, где тщательно умывалась дорогими парфюмированными косметическими средствами, а затем делала в меру пышную укладку и наносила макияж. Он подходил ей как нельзя лучше и непременно получался, был до безумия естественным, скрывающим все лишнее и подчеркивающим замечательнейшие черты. Впрочем, до замужества миссис Криви обожала пользоваться ярко-красной помадой и темными блестящими тенями, дабы приблизиться к образу любимых актрис из мыльных опер и в конце концов привлечь внимание, однако в семейной жизни с болью в сердце пришлось оставить свои пристрастия молодости и соблюсти все законы благовоспитанности, чтобы безоговорочно вписаться в общепринятые представления об идеальной жене с головой на плечах.

Кроме того, судьба вынудила ее привыкнуть к кухонному быту, с которым долго не удавалось найти общий язык, но никто об этом не знал, кроме самой супружеской пары, поэтому нечего и развивать столь щемящую душу тему. Все-таки прошлое остается прошлым, так что сейчас хозяйка с видным энтузиазмом принялась за готовку, беспрестанно используя весы и мигом избавляясь от появлявшихся на столешнице пятен, чем напомнила дамочек из реклам. В результате для каждого члена семьи была готова индивидуальная порция завтрака, соответствовавшая стандартам требований века и надлежащему уровню расточительности, и теперь миссис Криви оставалось разбудить оставшихся членов семьи, в первую очередь мужа.

Мистер Криви состоял в руководстве крупной компании — одним словом, занимал значимое положение. Он без усталости работал с утра до вечера, принося с собой хороший заработок и в выверенном темпе двигаясь вверх по карьерной лестнице, пока жена занималась устройством хозяйства и в свободные часы посещала с подругами торговые центры. Он также выполнял предписанные утренние процедуры: тщательно вычесывал усы, проверял почту и завтракал, неспешно почитывая свежий номер газеты, и иногда беседовал с супругой о только что полученных новостях, однако делал это совсем нечасто, ибо миссис Криви была слишком впечатлительна, а пресса просто кишела удивительными и пугающими подробностями жизни. Его вечер не сильно отличался от начала дня. Все повторялось почти в точности до мелочей. Разнообразие заключалось лишь в более оживленных разговорах с женой, считавшей своим долгом быть интересной мужу, непринужденно поддерживать какой бы то ни было разговор,

и следовавшем за ужином просмотре телевизора, а также в параллельном обязательном курении трубки.

В общем, это была самая что ни на есть образцовая семья, с какой стороны ни глянь. Кому-то и впрямь казалось, будто Криви — всего лишь актеры, которые с помощью скрытых камер снимаются, по всей видимости, в очередном агитационном шаблонном сериале. Скорее всего, эти соседи просто чрезмерно увлекались конспирологией, набиравшей невиданную ранее популярность на фоне недавней истории с летающей посудой над белой беседкой в Центральном парке.

Пожалуй, Криви были бы идеальными и лучшими гражданами горячо любимой страны, живым примером для подражания и воплощением несбыточной мечты любой благоразумной семьи тех лет, если бы не одно обстоятельство: их сын совсем отбился от рук. Отцу приходилось все чаще отчитывать его за снижение успеваемости в музыкальной школе; мать была вынуждена жаловаться по вечерам на то, что теперь он слишком редко играет ей на фортепиано и почти не принимает участия в семейных субботних мероприятиях, как бы она ни уговаривала; вместе же они нередко причитали насчет отсутствия жизнерадостной улыбки на лице мальчонки. Складывалось ощущение, будто Шона вовсе подменили на другого похожего внешне ребенка, однако супруги были еще не настолько вовлечены в конспирологию, чтобы поверить в подобный сценарий развития событий, поэтому искали более приземленные объяснения. Они вызывали на дом самых разных докторов из частных больниц, обращались к профессиональным психологам, самостоятельно проводили воспитательные беседы, но ничего не добились и в итоге лишь потеряли как баснословные суммы денег, так и огромное количество времени.

Сам мальчик старался держаться поодаль от ужасно обеспокоенных и сбитых с толку родителей, отгораживался от них и все свободное время проводил в своей комнате. Она представляла собой небольшое светло-серое помещение, где за всякой вещью было закреплено определенное место, на которое при любых обстоятельствах она в конце концов возвращалась, восстанавливая утраченный порядок. Различные предметы заполняли все пространство от и до, но при этом были столь выверенно расставлены, что не превращали комнату в неопрятную заброшенную кладовку, хотя от половины миссис Криви давным-давно предлагала избавиться. Особенно среди них выделялось обилие мелочей, которые находились буквально повсюду, куда бы ты ни направил свой взгляд и куда бы ни ступил. Они являлись далеко не безделушками, а настоящими бесценными реликвиями для их обладателя, ибо за каждой стояла целая история или значимый человек, который никогда и ни за что не будет забыт мальчиком. Вся комната дышала ими и музыкой, потому что более жить было нечем и почти некем, ведь внутри, кроме хозяина и канарейки, не находилось ни единого живого существа. Проветривалось помещение крайне редко, ибо мальчик не любил холодного воздуха (для него на улице всегда было слишком холодно, за исключением особенно жарких дней, а таковые в их родном штате можно было сосчитать по пальцам).

Сердцем же словно замершей вне времени обители Шона выступало педальное черное фортепиано. Прекрасный музыкальный инструмент, ни капельки не испорченный временем, покрытый тонким слоем блестящего лака, величаво стоял у единственного окна, отчего ежедневно вокруг него создавался особенный сияющий ореол света, придававший ему роскоши и изящества. Именно за ним младший Криви проводил чуть ли не сутки напролет, пока пребывал в своей комнате, тем более последние несколько месяцев, ибо со дня на день ему предстояло экзаменоваться вместе с прочими одноклассниками из привилегированной музыкальной школы, коих, кстати говоря, к всеобщему удивлению, было не так уж много. Мысль о грядущем испытании давила на Шона тяжелейшим грузом и не отпускала ни на минуту, раздражая сознание и заставляя сердце сжиматься до пространной боли, которую невозможно было унять ни одним лекарством. Даже сейчас, когда он находился в своей комнате, в уединении с самим собой, его душу начало окутывать неприятное щемящее чувство, из-за которого окружающая действительность казалась иллюзорной. Она будто переставала существовать, оставляя юного музыканта в некоем вакууме, сотканном из чувств и звучащем подобно беспокойному биению его сердца, совпадавшему с нажатием клавиш. Как тяжело в нем было дышать, грудь словно сдавливали тисками, однако вырваться никогда

не получалось. Складывалось ощущение, будто неизвестные магические силы удерживали мальчонку в этом пронизанном мутным полусветом пространстве, в котором существовали только он сам и величественное, строгое пианино.

Шон, оказавшись наедине с инструментом, в очередной раз опустил подрагивающие от продолжительной игры руки на кристально чистую клавиатуру, закрыл глаза и тяжело вздохнул. Необходимо было начать заключительную для нынешнего учебного года симфонию, но младший Криви замер в нерешительности, в страхе совершить лишнее движение и лишь больше зажмурил уставшие раскрасневшиеся глаза, пытаясь хоть на минутку забыть об окружающей реальности и сложившемся положении дел. Пожалуй, данное подвешенное состояние не покинуло бы мальчишку, если бы он мысленно не укорил себя: «Что же ты делаешь? Прямо как загнанный в угол обидчиками ребенок. Разве можно подобным образом себя вести? Играй, не теряй ни секунды». Кивнув в подтверждение собственных слов, Шон принялся за обожаемое музыкальное произведение. Чудесная мелодия полилась мерным сухим потоком нот из-под быстрых тонких пальцев исполнителя, пока не прервалась одной ошибкой, затем второй, а спустя время еще парой фальшивых звуков и не начала в безумном отчаянии ускоряться, сбивая темп. Что-то непрерывно закипало в груди, преображая недавно изящную, нежную симфонию, подобную реке, в стихийное бедствие, способное в нервном, чувственном порыве резкими, прерывистыми раскатами разрушить все на своем пути. Казалось, на не причастное к происходившему фортепиано давили, наскокивали, изливали потаенную накопившуюся досаду выбившегося из сил и потерявшего всякую надежду на спасение грешника, а мелодия превратилась во что-то бесформенное и безликое, утратившее свою истинную суть. Внезапное буйство, постепенно нараставшее и превратившееся в конечном итоге в погибающего на ходу в ужасающей агонии зверя, вдруг в одну минуту прекратилось и сменилось мучительным оцепенением. Мальчик буквально замер, взирая округленными, наполнявшимися злобой глазами на непослушные руки, и не смог продолжить. Он отчетливо помнил, что нужно теперь сыграть, однако стоило ему только коснуться пальцами подходящих клавиш, как после нетвердого нажатия они не двигались далее и возвращались в исходное положение. Повторение прежних звуков не прекращалось. Шона только больше трясло. Ему никак не удавалось преодолеть этот барьер и ступить дальше, словно все та же сила, не отпуская его от пианино, не позволяла довести мелодию до заключительного аккорда или хотя бы до следующих нот, заставляя повторяться, повторяться и повторяться множество раз. По прошествии пяти минут он не выдержал, вскочил на ноги и изо всех своих скудных сил ударил кулаками по опостылевшим клавишам, после чего клавиатурный клап с грохотом упал на них, закрыв от разгневанного хозяина. Плечи застывшего перед музыкальным инструментом мальчика стали вздрагивать, руки сжиматься сильнее прежнего, а горячие слезы наворачиваться на глаза. Захотелось улечься на кровать и заплакать.

— Как по-детски... Как несерьезно и безответственно, мистер Криви. Вы подлинное разочарование этой семьи, посмешище. — Мальчонка всхлипнул и продолжил тихо говорить себе под нос, стараясь не зареветь от негодования, обиды и печали: — Кто так к инструменту относится? Что с вами не так? Он ли виноват в том, что в вас, в сущности, нет природной способности к игре на фортепиано? Только тратите время понапрасну. Займитесь уже экономикой, как ваш отец, сейчас ведь именно дядек с деньгами и сворой рабочих с разными машинами и деловыми бумажками не хватает. — После столь едкой нотки сарказма Шон более посуровел и медленно опустился на постель, уткнувшись лицом в ладони рук. — Зато всяких дурочек наподобие Лизи или сыновей известных композиторов, как Ларри, которым суждено пойти по стопам родителей, просто пруд пруди. Гениальные люди, светлейшие умы века и искусства, в отличие от которых я прикладываю усилия, днями сижу за фортепиано, но не двигаюсь с мертвой точки!

По окончании фразы Криви едва не повысил голос и не расплакался, отчего опять смолк и погрузился в рой собственных тяжелых мыслей и воспоминаний.

Сколько лет он занимается музыкой? Пожалуй, всю свою сознательную жизнь: с пяти лет самоучкой и до сих пор, но уже в школе. Ежедневно Шон играл, играл до упаду и даже сочинял

собственные композиции, а приходившие на выходных в гости мамы подруги, их супруги и дети, а также коллеги отца восхищались его изумительной глубокой игрой, заставлявшей или радостно улыбнуться, или ощутить окутывавшую с ног до головы тоску, или погрузиться в состояние наивной влюбленности во все и всех вокруг, словно в живописном, красочном сне. Было так солнечно, так тепло! Свежий воздух проникал в вечно оживленный дом сквозь распахнутые настежь окна, и мальчик чувствовал себя по-настоящему особенным, ведь на него возлагали большие надежды и сулили великое будущее пианиста, однако никакие увещевания в величии и славе, а также восторженные, давно отрететированные комментарии, в которые постоянно вплеталось бесчисленное количество комплиментов, не шли в сравнение с детским интересом и неподдельной радостью. Маленькие гости каждый вечер с нетерпением ждали, когда наступит долгожданный час музицирования, обыкновенно являвшийся предвестником окончания того или иного мероприятия. Они своими большими ясными глазами, становясь вплотную к фортепиано, замороженно наблюдали за движением рук исполнителя, несколько позже начинали весело танцевать, а по завершении концерта сами поскорее присаживались на освободившийся стульчик и принимались перебирать клавиши, отчего Шону на душе становилось легко. Он заражался их бескрайней радостью, ребяческим задором и невольно ощущал прилив сил, веры в лучшее. Мысль о том, насколько прискорбное будущее ожидает его где-то там за горизонтом, или гложащие сомнения в успехе ни разу тогда не приходили ему в голову. Впрочем, вскоре он впервые стукнул любимый инструмент, как только перешел из начальных классов музыкальной школы в старшие.

Очередное занятие. Вновь пришлось видеть лица немногочисленных одноклассников, прошедших вступительный экзамен. Они жизнерадостно общались между собой, то и дело дополняя беседу глупыми шутками и, кажется, вовсе не замечая сосредоточенного на учебнике, крайне серьезного Шона, в отличие от некоторых повторявшего материал для зачета. Мистер Уинсли, поправив очки с толстыми линзами и решив прервать юных пианистов от отвлеченных разговоров, вызвал одного, затем второго ученика и далее по порядку, добродушно улыбаясь всем без исключения пышными темными усами, из-под которых никогда нельзя было увидеть его рта. Наступил черед Лизи, постоянно поправлявшей светлые кудри и в двенадцать лет накладывавшей макияж под стать своей почти тридцатилетней матери-актрисе, удивительным образом попавшей в театр мужа и получавшей невиданные гонорары вместе с аплодисментами обожателей ее прелестного голоса или же личика. Времяпровождение девочки состояло из прогулок, походов в кино, отъездов в другие города с родителями, беспечных, бессмысленных бесед с подружками и редкой игры на домашнем фортепиано, но почти после каждого ее выступления раздавались похвалы педагога и сыпались тихие восхищенные отзывы прочих присутствующих, считавших Элизабет прирожденным талантом. Вслед за ней некую

старинную сонату исполнял заносчивый Ларри, такой же гений, ухаживавший за миловидной Лизи еще со второго класса. Казалось, ему нет равных, ведь прямо на роду мальчику было написано стать

пианистом вне всякой конкуренции, и это отчетливо понимал мистер Уинсли, наслаждавшийся юным дарованием и гордившийся его умениями как собственными. Однако непринужденная атмосфера непоколебимой уверенности и довольства всем происходящим по щелчку пальцев исчезла, стоило лишь объявить Шона Криви, уже раздраженного столь наивным и беззаботным окружением. Рыжеволосый мальчик опустил напряженные руки на клавиатуру, и волнение тут же нахлынуло на него, не заставив ждать, как и несколько последовавших ошибок и пауз. В конце концов занятие закончилось. Ребята стали расходиться, постепенно забывая очередной прецедент, связанный с Шоном, оставшимся на дополнительные внеурочные часы.

Именно оказавшись с ним наедине, педагог, тяжело вздыхая, с сочувствием заговорил:

— Понимаешь, мальчик мой, твоя техника безукоризненна, а старания заслуживают отдельной похвалы... — Голос старевшего на глазах мужчины затих и в конечном счете совсем пропал. Мистер Уинсли откашлялся и размеренно продолжил, стараясь подбирать наиболее подходящие, корректные выражения: — Однако, к огромному сожалению, в твоей игре совершенно отсутствуют... понимаешь... чувства, жизнь, проникновенность. Ты словно ни капельки не погружаешься в произведение, не вчитываешься в него... Гм, честно говоря, мне очень сложно помочь с этим, поэтому обратись за советом к Ларри. Ручаюсь, он точно не откажет в подобной услуге.

С трудом закончив краткую речь, мистер Уинсли по обыкновению похлопал ученика по плечу и отпустил, глядя на него полными жалостливого сострадания глазами.

Конечно, Шон, как всегда, отмолчался и спешно покинул кабинет, до боли сжав руки в кулаки, но теперь, будучи в домашней обстановке, в своей обители, он задал главные вопросы, возникавшие в его голове каждый раз после таких напускных диалогов, тяготивших его:

— Неужели я бездушный, пустой человек? — Он вновь начал всхлипывать. — В чем я виноват, почему именно я обделен тонкостью души и пресловутой проникновенностью?! — Последние слова все-таки вылились в протяжный, сдавленный крик. — Занимаюсь днями, ночами, бьюсь об эту непробиваемую и непреодолимую стену, не позволяющую совершенствоваться, но они, они, болваны и бездельники, идут вперед, а я — нет. Разве это справедливо? Разве это реально?..

Действительность опять представилась иллюзорной.

Не получив ответов, Шон обессилел и, потеряв надежду, медленно поднял голову, оторвал потерянный взгляд от пола и перевел его на канарейку, располагавшуюся неподалеку в позолоченной клетке. Бедняжка пристально взирала на окно, время от времени умоляюще и красиво чирикавая. После стольких лет заметив эти душераздирающие просьбы о даровании воли, мальчик ощутил некое необъяснимое единение с маленькой, исхудавшей певчей птичкой. Между ними образовалась невидимая связь, осознание которой в совокупности с милосердием подвигло мальчонку на действие. Он встал с кровати, открыл дверцу клетки, аккуратно взял заложницу на руки и, поглаживая ее пальцем по головке, приблизился к вечно закрытому окошку. Солнечные лучи стали слепить Шона, поэтому он с трудом нащупал ручку и открыл сначала одну, а потом и вторую створку. В комнате пахло свежим весенним воздухом, благоухающим насыщенными ароматами зацветающих кустов и деревьев. Криви обдало мягкими потоками более не казавшегося холодным ветра. Он ощутил уже забытое приятное тепло и, оперевшись коленями на косою отлив и вдохнув полной грудью, почти полностью высунулся на улицу. Невероятная легкость охватила его, вся скованность вмиг исчезла, а сердце от трепета забилося чаще. Шон отпустил канарейку. Она живо взлетела и, точно в ожидании, оглянулась на освободителя. Тот в свою очередь тянулся к свету и разглядывал яркий, скрытый от него до этой минуты мир, возбуждавший где-то глубоко внутри истинное воодушевление. Мальчик в кои-то веки не думал о переживаниях. Он расстался с гнетущими мыслями и отчетливо понял, почему птицы так не любят сидеть в клетках и даже в помещениях. На миг ему показалось, что нет ничего невозможного и прямо сейчас, оставив суету, осточертевшие наигранные лица и истерзавшие донельзя заботы, он взлетит. Шон потянул правую руку ввысь и, забывшись и утонув в небытии, поднял вслед левую. Падение было неизбежно, но он не почувствовал и толики страха. Время словно замедлилось, а слезы то ли счастья, то ли отчаяния наконец вырвались и потекли из глаз. Младший Криви лишь зажмурил глаза и, приближаясь к земле, стал ждать теперь не пугавшей неизвестности. Это все так, так нереально...

Минут десять назад миссис Криви вернулась из торгового центра и, принявшись за приготовление отменного обеда по рецепту из популярного журнала для домохозяек, расположилась на стуле у окна, дабы хоть на секунду передохнуть от не имевших конца

хлопот по дому. Она, прибавив громкость, слушала по радио новый хит в полюбившемся ей жанре рок-н-ролл и молча подпевала, особо не попадая в ноты, как вдруг заметила за стеклом чуть ли не у самой земли птенчика, который будто за пару секунд до этого падал камнем вниз. Голубок внезапно с силой расправил недавно оперившиеся изящные крылья и взмыл в воздух, после чего завел прекрасную, несвойственную прочим голубям трель и отправился вслед за желтенькой канарейкой, витавшей несколько выше. Миссис Криви восхитилась столь необыкновенным зрелищем, точно ребенок. Она быстро выбежала на улицу, проводила умиленным взглядом пташек, улыбнулась и, к счастью, заметила распахнутое на втором этаже дома окно. Как хорошо, что Шон наконец открыл его.

Илья Шпрах

Истории из Комолова

Родился 10 августа 2003 года в г. Иркутске.

Окончил среднюю общеобразовательную школу № 14. Сейчас третьекурсник исторического факультета ИГУ. Победитель регионального молодежного творческого фестиваля «Сибирь молодая» им. Е. Евтушенко (2023). Публиковался в сборнике «Сибирь молодая» (2023) и литературном журнале для молодежи «Азь-арт» № 1(5) (2023).

Анкета «Первоцвета»

С чего начался ваш творческий путь?

— Наблюдая за чем-то со стороны, я часто обнаруживаю, что наблюдать мне больше неинтересно, и пробую себя в этом деле. Так было со спортом, с музыкой и, в конце концов, с литературой. С детства много читал и только в 17 лет задал себе, казалось бы, банальный вопрос: а почему я не могу что-нибудь написать? И написал.

Кто ваши любимые авторы, деятели искусства?

— Александр Куприн, Герман Гессе, Гарсиа Маркес, Алексей Иванов, Стивен Кинг, Нил Гейман.

Книга, которая значительно на вас повлияла.

— «Старик путешествует» Эдуарда Лимонова. Там есть хорошая фраза среди прочих: «Нас пропустили, даже не оглаживая миноискателями. Я думаю, насчет меня они ошибались».

ДОСЬЕ

ВОЗРАСТ: 20 ЛЕТ

ЗНАК ЗОДИАКА: ЛЕВ

РОДНОЙ ГОРОД: ИРКУТСК

ПРОФЕССИЯ: МАРКЕТОЛОГ

ПРИЗВАНИЕ: ПИСАТЕЛЬ

Самое яркое детское воспоминание.

— На чемпионате мира по футболу я выносил на поле флаг сборной Португалии.

Какую самую большую творческую неудачу вы можете вспомнить?

Как вы с ней справились?

— У Пастернака есть строчки: «...но поражения от победы ты сам не должен отличать».

Где вы мечтаете побывать?

— Я мечтаю организовать в Иркутске Дом писателя с большим читальным залом, где проходили бы ежедневные лекции; комнатами для общения и творчества; рестораном и круглосуточной верандой с диванами, интерактивным экраном и телескопом. Там же и хочу побывать.

Как воспринимают ваше творчество близкие люди?

— Близкие всегда меня поддерживают, за это я им благодарен и должен.

Ваши хобби помимо творческой деятельности.

— Играю в баскетбол.

Как вы представляете себя через 10 лет?

— Писателем.

Первопроходцы

Рассказ

Людей этих уже нет, и дела их остались в прошлом. Представьте: вы прокладываете путь, а потом кто-то идет той же дорогой и замечает ваши следы. А у этих людей и следов-то не было. Были лишь волны. Волны и имена.

Григорий, Петр и Дмитрий — трое купцов-первопроходцев, растворившихся в зыби далеко от дома, — пока живы. Сейчас. Пока вокруг темнота и грохот. Пока идет шторм. Пока они в море.

А в это время в Комолове, за тысячи верст от бури, купеческие жены стоят на площади и ищут бреши в судьбе. Предчувствуя беду, Анна, Ольга и Светлана молятся, надеясь встретить мужей так же, как и прошлой весной, под вечер, когда кричала толпа и стреляли в воздух из ружей.

Площадь живет. Мимо жен проезжают бородатые извозчики, стучат по каменной брусчатке копыта, бабки зазывают людей к лавкам с мукой и солью, мальчики в мятых рубахах бегают туда-сюда и тычут в прохожих леденцами. И по всему этому лабиринту снуют люди: молодые и старые, богатые и бедные, крепостные и свободные, ученые и безграмотные, лохматые и причесанные. И все они стесняются смотреть на купеческих жен, восхищаясь их мужеством и неотвратимым горем, о котором, видит Бог, вот-вот узнает весь город.

Двое купцов сидят в каюте, держатся за все что можно и невольно подлетают со своих мест.

— Задержимся! — кричит Петр, заваливаясь на бок.

— Насвистели! — отвечает Дмитрий. — Гриша опять простудится...

Гнутся мачты, и хлопают завязанные паруса. Кренится палуба, стучит море, визжат в темноте чайки. Григорий помогает матросам тянуть канаты. Вместе с ними он кричит от нагрузки и мысленно молится Николе Морскому, пытаясь держать корабль носом к волне.

А в Комолове солнце уходит за тучи и поднимается ветер. Он несет с собой дурные вести и гоняет по брусчатке пыль, пачкая женам чулки. Анна думает о записке, которую Григорий оставил ей 12 лет назад на случай, если с ним что-то случится.

Ольга и Светлана смотрят, как вдалеке одни мужики разбирают деревянное здание и как рядом другие заканчивают строить каменное. И все это благодаря деньгам их мужей. Деньгам, на которые строились церкви и школы. Деньгам, добытым в немыслимой тяге к необузданным территориям и экзотическим местам, в которых туземцы точили ножи, готовясь встретить гостей в ярких сюртуках и треугольных шляпах.

Вода заливается на палубу, бьется о бортики и выплескивается обратно в море. Басом вступает гроза. Молнии освещают истощенные лица матросов. Чешется кожа, и горят раны. В местах, где руки держат канаты, канаты пропитаны кровью. И за каждый узелок матросы готовы многое отдать.

Корабль разворачивает на волне, и он уходит кормой в воду. В каюте двое купцов сваливаются с мест и падают в угол. Они переглядываются, но корабль вновь разворачивает, и они скатываются к противоположной стене.

Над Комоловом загораются звезды, и жены расходятся по усадьбам.

В темноте Анна аккуратно поднимается по деревянной лестнице с резными перилами, чтобы не разбудить детей. В спальне она зажигает свечу и вешает на крючок платье, чтобы с утра его забрала прислуга.

Гнутся мачты, и хлопают завязанные паруса.

Кренится палуба, стучит море,

визжат в темноте чайки. Григорий помогает

матросам тянуть канаты.

*Над Комоловом загораются звезды,
и жены расходятся по усадьбам.*

Лежа в кровати, она тянется к тумбочке и нащупывает конверт. Она вертит его в руках и сквозь свечу разглядывает вязь из наложенных друг на друга слов, а потом кладет письмо обратно и задувает мерцающий огонек.

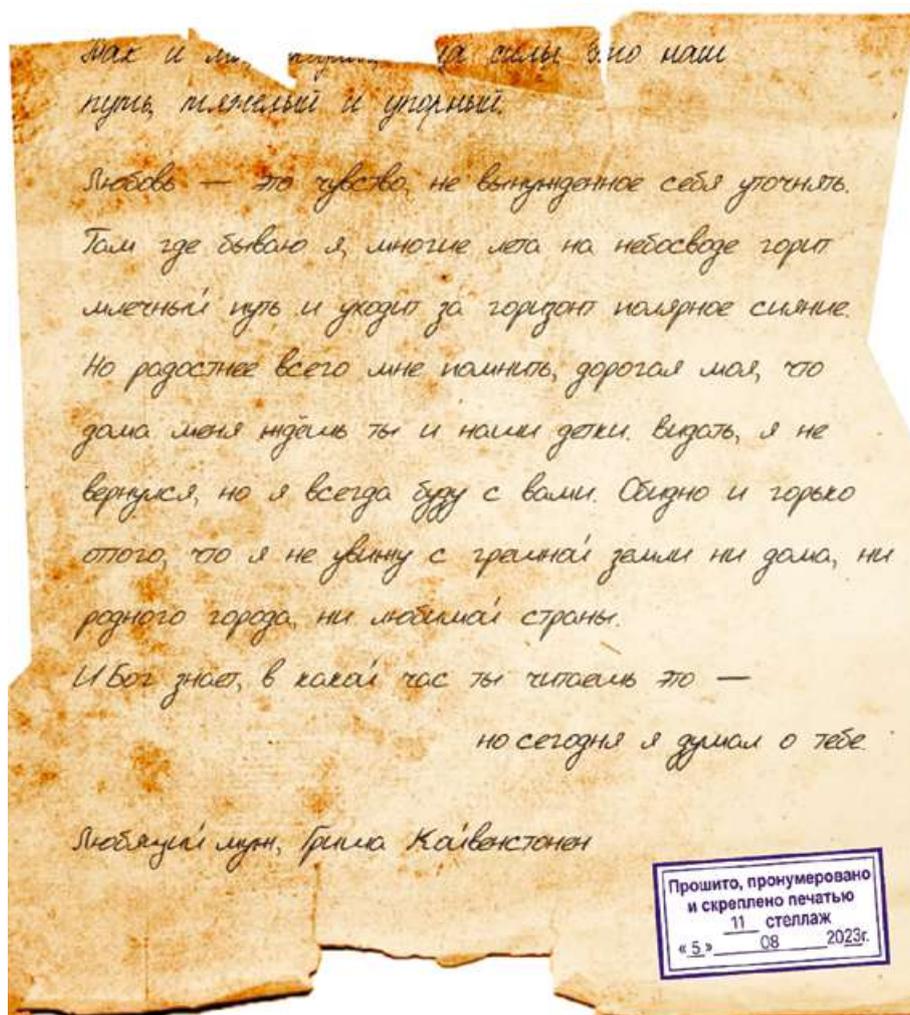
Корабль трещит, словно злится, оттого что уже никогда не пришвартуется у новых земель. Трое промокших купцов тянут канаты вместе. Они держатся за них и отрешенно молятся, вспоминая жен и детей. Сверкает молния, гром рвет влажный воздух, и волна захватывает судно под себя, разламывая его на две части. Моряки окунаются в грозное предрассветное море...

Проходит месяц. С каждым днем женам все труднее выходить на площадь и еще невыносимее возвращаться в свои усадьбы. По ночам Анна Георгиевна Койвенстонен борется с собой, не открывая конверт.

*Из домов выходят люди
и тоже бегут к площади,
позабыв закрыть двери.*

А через неделю ранним счастливым утром в комнату каждой жены стучатся взбудораженные служанки с криками: «Вернулись! Вернулись!» И через минуту женщины в ночных рубашках несутся по пыльной дороге навстречу своим мужьям. Из домов выходят люди и тоже бегут к площади, забыв закрыть двери. И вот толпа вываливается на площадь, а впереди всех мчатся пробудившиеся ото сна дети. Раздается выстрел из ружья. Хор копыт, песни и радостный гул.

Купцы прыгивают с лошадей и встают на каменную брусчатку, словно глыбы. Ольга и Светлана бросаются им на шею и плачут, благодаря Бога. И только Анна, остановившись, смотрит на них сквозь смыкающуюся толпу и понимает, что ее Гриши там нет.

Спустя три столетия уставший работник государственного архива берет из стопки документов оборванный лист, клеит на него бумажку с номером и убирает в другую стопку. И сверху ложится следующий лист.

На циферблате время кончилось

Рассказ

Мычит ли бык у месива своего?
Иов 6:5

Мэр был хорошим человеком, обреченным нянчиться с этим всю жизнь. Столько раз ему оставалось сделать последний шаг, бросить все и уйти в отставку, но неизменно он останавливался, садился в кресло и продолжал работать. Он пытался спасти город, в сущности, неспасаемый, но ужасно притягательный и — что уж там — обаятельный до жути. Город, ежедневно переваривающий тысячи мужчин и женщин; город, в котором сдавались самые сильные, но выживали даже самые слабые. И сейчас в кабинете, схватившись за неживую шерсть безрогого быка, мэр заглядывал чучелу то в один глаз, то в другой. С улицы доносились визг спасательных сигналов и грохот вертолетных лопастей. Окно избивали огромные капли. Сверкала молния.

— Что же ты делаешь?..

Бык молчал, раздув ноздри.

Мэр посмотрел на бушующую грозу и вдруг успокоился. Он и сам не понял отчего, но мы-то знаем, что детские воспоминания — самые спокойные воспоминания на свете, что во все времена были проблемы кроме детских и что никакое будущее не сравнится с мелкой деталью, вдруг напомнившей о прошлом. Перед мэром с удивительной ясностью встали синий дом с зашторенными окнами, грибной дождь, бьющий по высокой траве, бушующий у склона ручей...

В кабинет забежал Арсений, помощник.

— Дмитрий Сергеевич, пойдете.

Мэр посмотрел на часы. Был 2010 год.

Ночь. Дмитрий Сергеевич, Арсений и Антон, сопровождающий спасатель, летели в эвакуационном вертолете. По иллюминаторам стекала вода, и казалось, что приходится пробираться сквозь бесконечный водопад; снаружи мигали красные огни, будто стучась, прося их впустить. Внутри висели оранжевые жилеты, посередине стояла койка с ядовито-желтыми жгутами. Рядом лежали дыхательная маска и дефибриллятор.

Мэр мирился с беспомощностью. Все, что он мог сделать, — это подписать документы о спасательных операциях. Как назло, появились другие мысли, совершенно неуместные: вспомнился Гищук. О Гищуке думал и Арсений, пытаясь унять тошноту. Зависшая мысль давила.

— Вот зараза, — неловко начал помощник. — Прямо как Гищук говорил...

Дмитрий Сергеевич кивнул, не меняя позы.

Антон спросил:

— А что он такого сказал?

Арсений пояснил:

— Когда проиграл на выборах, сказал, что без него город смоем к чертовой матери.

*Город, ежедневно переваривающий тысячи
мужчин и женщин; город, в котором
сдавались самые сильные,
но выживали даже самые слабые.*

— Так и сказал?

— Да. «Тьфу! Смоет вас к чертовой матери!»

— Надо следить за помелом.

На нервы давил шум лопастей, разрезающих ливень.

Дмитрий Сергеевич посмотрел в иллюминатор и нервно произнес:

— Живой человек с духом покойника. Вечно озлобленный, беспринципный. Ведет себя так, словно все работают против него.

— Нагнетатель, — добавил Арсений. — Весь какой-то картонный. Кукла... И одевается, как на маскарад.

Снаружи посветлело, дождь кончился. Мэр закрыл глаза и снова вспомнил родной пейзаж, только теперь там задул ветер, ручей застыл, как пластмассовый — без волн и ряби, с дома осыпались остатки синей краски. Отодвинулась штора, в окне появился силуэт. В дымоход ударила молния. Затем еще одна. Силуэт попятился, задернул шторы. Еще одна молния. Из дымохода вылез Гишук и запрыгал, подставив ко лбу «рожки».

В штаб они прилетели на рассвете — невыспавшиеся и дрожащие от утренней мороси. Арсений сразу куда-то убежал. Дмитрий Сергеевич зашел в просторную палатку, поздоровался с губернатором, областным руководством ФСБ, МЧС, Минздрава, всеми помощниками и заместителями. Те отчитались: ситуация крайне тяжелая, количество осадков превысило дневную норму в четыре с половиной раза, уровень воды превысил критическую отметку на пять метров, большинство низких строений затоплено, людей спасают с крыш, вылавливают из воды. Число пострадавших трудно посчитать. На помощь брошены все спасательные отряды, только что прибыла подмога из ближайших областей, скоро приедут люди из столицы.

*Дмитрий Сергеевич сжал губы, кивнул
и посмотрел на маленький телевизор
с двумя антеннами —
там крутились одни и те же кадры,
словно иллюстрации к докладу.*

Дмитрий Сергеевич сжал губы, кивнул и посмотрел на маленький телевизор с двумя антеннами — там крутились одни и те же кадры, словно иллюстрации к докладу.

В палатку забежал Арсений.

— Распишитесь здесь.

*В дымоход ударила молния. Затем еще одна.
Силуэт попятился, задернул шторы.*

Мэр расписался и сел на раскладной стул.

Кто-то спросил:

— Вы голодны?

Дмитрий Сергеевич посмотрел на кучу чиновников.

— Кто это сказал?

Низкорослый паренек в зеленом комбинезоне приподнял руку.

— Уведите его.

Молодого человека увели. Большинство людей вышли за ним.

— Константин Юрич, есть сигарета?

— Есть. — Глава Минздрава пошлепал по карманам и достал пачку. — Забирайте всю.

Мэр вышел на улицу, закурил. Небо было светлым. Из палатки в палатку бегали люди, кто-то на ходу ронял документы. Шумели раздраженные голоса, стучали брошенные на места стационарные трубки. Дмитрий Сергеевич отвернулся.

— Несчастье... — тут же раздалось из-за спины.

Гищук стоял как заколдованный, смотрел на сырой грунт и рисовал кончиком зонта фигуры.

— Доволен? — спросил мэр.

— Ты по поводу тех моих слов? Нет, конечно... Тревожно, знаешь ли. Словно из виду пропала луна или в неприступных скалах кто-то затаил ноту и тянет ее тысячи лет. Страх и гигантизм, одним словом.

Дмитрий Сергеевич смутился:

— Я не готов сейчас говорить. У меня в голове каша, я...

— Какая? — Гищук воткнул зонт в землю. — Овсяная? Гречневая?

— Мне некогда.

Мэр выбросил окурок и направился к палаткам.

Гищук схватил его за руку:

— Такова участь...

— Ты психопат.

— Вот именно.

— И сказочник. А политика не сказка.

— Поэтому у нас и нет политики!

— Хочешь обвинить меня в...

Гищук выставил зонт перед лицом мэра и повернул рукоятку. Купол распахнулся, обнажив тонкие перепонки летучих мышей, растянувшихся на серебряных спицах.

— Мы в сказке.

Из палатки выскочил Арсений:

— Дмитрий Сергеевич, вас к телефону!

*Тут-то и появился бык. Он посмотрел на мальчика,
зашевелил мускулами, наклонил голову,
ткнул копытом в землю. Дима оцепенел...*

После разговора с областным центром затошнило. Мэр закрыл глаза и вспомнил, как в детстве его чуть не убил бык. Каждое утро отец выгонял коров в общее стадо, к пастушке Насте — та целый день возилась с животными, а к вечеру пригоняла их назад. У Насти был скверный характер: ее боялись и люди, и коровы. Однажды кто-то отдал в стадо своего быка. Видимо, бык этот был неправильно воспитан: то ли ему давали много воли, то ли чесали голову, когда росли рога... И как-то раз днем, помогая Насте по принуждению, маленький Дима застрял в своих мыслях и отошел поодаль. Вокруг брело уставшее стадо... Тут-то и появился бык. Он посмотрел на мальчика, зашевелил мускулами, наклонил голову, ткнул копытом в землю. Дима оцепенел... Буквально за пару метров до несчастья откуда-то выскочила Настя, замахала поленом и завопила. Животное успокоилось.

«К добру не вспомнится», — подытожил мэр. Он приподнялся со стула, поправил брюки и сел обратно. А в это время с такого же стула, но в другой палатке свалился мертвый Гишук.

Дмитрий Сергеевич услышал крики и вышел на улицу. У дальней палатки собралась толпа. Крупный мужчина стоял у входа, раскинув руки, и просил не лезть внутрь. Мэра он впустил.

У тела Гишука сидел санитар в синем жилете. Рядом стоял Константин Юрьевич.

Он сказал:

— Мы... мы обсуждали, что делать с пострадавшими, и он... он вдруг заговорил о чем-то отвлеченном... сказал... сказал что-то про наказание... что комоловцам не стать значимее бродяг, смотрящих на какой-то там собор... потом потер лоб и упал.

— Его же сейчас и в родной земле не похоронить... — заметил санитар.

Мэр поднял дрожащую руку и посмотрел на часы. В Комолове кончился дождь.

* * *

На столе лежала непривычно большая стопка непрочитанных писем. Бычья голова все так же висела на стене — мохнатая, со злобной мордой. С улицы доносились звуки восстановительных работ: жужжание тракторов, экскаваторов, шум ломающихся брусков, всхлипы воды. Потоп закончился четыре месяца назад, и ему уже успели дать название — Скупной Ливень.

Дмитрий Сергеевич дописывал указ на подпись губернатору. Зазвонил телефон.

— Слушаю...

— Алё! — крикнула в трубку бабушка.

— Да, слушаю вас.

— Алё!

— Слушаю.

— Дмитрий Сергеевич?

— Да.

— Дмитрий Сергеевич! А Гишук ведь правду говорил. Как в воду глядел! Он все знал — я всегда знала!

— А за кого вы голосовали, если не секрет?

— За вас, а как же!

*Потоп закончился четыре месяца назад,
и ему уже успели дать название —
Скупной Ливень.*

— А почему не за Гищука?

— Так не подумала! Послушайте, похоронить его надо. Как следует!

Мэр положил трубку, но бабушка продолжала говорить по оборванной линии:

— ...как в Библии говорилось: если и живых пророков не слушают, то воскресшим из мертвых тем паче не поверят. А я, представьте, поверила бы! И каждый день молюсь, чтобы Гищук наш воскрес! Есть что-то такое в смерти... Отпадает лишнее... — Она взяла паузу, откашлялась. — Дмитрий Сергеевич? Дмитрий Сергеевич?..

В кабинет зашел Арсений. Мэр спросил, почему его рабочий номер оказывается у пенсионеров. Помощник пожал плечами, хотя все было до крайности просто. После смерти Гищука в городе образовался настоящий культ покойника: вспоминали все его предупреждения, восхищаясь даже теми прогнозами, которые не сбылись. Тут же засияли и изъяны Дмитрия Сергеевича: народ хватился, что у мэра нет жены и детей. Самые беспринципные заявляли, что не обращали на это внимания, однако теперь не обращать на это внимания они устали. Но больше всего по жителям ударило другое: прах при жизни недооцененного и после смерти кремированного героя до сих пор не был захоронен в Комолове. Видите ли, в городе тяжелая ситуация. Видите ли, кладбище смыло.

*Вечером было решено:
они предадут его земле. Со всеми почестями,
как полагается, — и будь что будет.*

Дмитрий Сергеевич хотел пойти на поводу у народа, но начальство запретило: ситуацию просили не расшатывать и лишний раз на глаза не попадаться.

Мэр убеждал:

— Там надо-то... банку закопать...

— Мы обязательно это сделаем, — отвечал областной центр. — Но позже.

— Нужно сейчас, — упорствовал Дмитрий Сергеевич.

— Нет, — говорили ему. — Сейчас все этого и ждут.

Той ночью он снова остался на работе. Зашел в небольшую комнату, разделся, умылся, лег на диван. Задумавшись, повернулся на бок и увидел лежащего на полу Гищука. Вокруг тела расплзались пятна от промокшего пальто, у ботинок чернела грязь. Дмитрий Сергеевич замер.

— Выйти из толпы несложно, — сказал Гищук. — Куда тяжелее, когда толпа начинает идти на тебя. А эти разговоры... Ты их не слушай, Дим. Под плотными речами, увы, довольно жиденькая тема... — Он замолчал, а затем добавил: — Извини.

— За что? — просипел Дмитрий Сергеевич.

— Что напугал. Ну и Бог со мной... Будущее куда страшнее. Страхи вообще просто так не появляются... А нашим уж сколько? Под сорок пять?

— Думаешь, сами исчезнут?

Глаза Дмитрия Сергеевича опустились, как у ребенка. Брови встали домиком.

С гищуковских бледных скул потекли слезы.

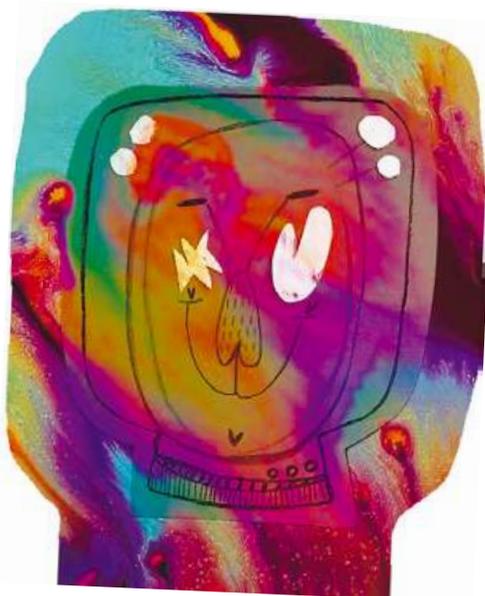
— В будущем хорошо и без нас сегодняшних, Дим.

— Ты плачешь.

— Ты тоже.

Дмитрий Сергеевич хотел моргнуть... прикрыл глаза... Открыл их уже утром.

Вечером было решено: они предадут его земле. Со всеми почестями, как полагается, — и будь что будет. Арсению было поручено узнать, что нужно для похорон.

Дмитрий Сергеевич крутил ручку над пустым листом. Мэру хотелось написать, что он исхудал, что в голове полный хаос, а в душе — если ему вообще позволено о ней говорить — бардак. Он бы с радостью рассказал, что недосыпает и что у него галлюцинации, что больше нет сил ставить подписи под тысячью документов, что он теряет концентрацию на совещаниях и все грубее общается. Он бы пожаловался, что невозможно проконтролировать природу, что он винтик не на том месте и что устал он окончательно. Но не хватало сил выливать это на бумагу. Было стыдно перед спасателями, пострадавшими и погибшими жителями. Клонило в сон, болела голова. Дмитрий Сергеевич нарисовал кружок, а затем закрасил его.

В кабинет зашел встревоженный Арсений.

— Гищука нет.

— Как нет?

— Не могут найти прах...

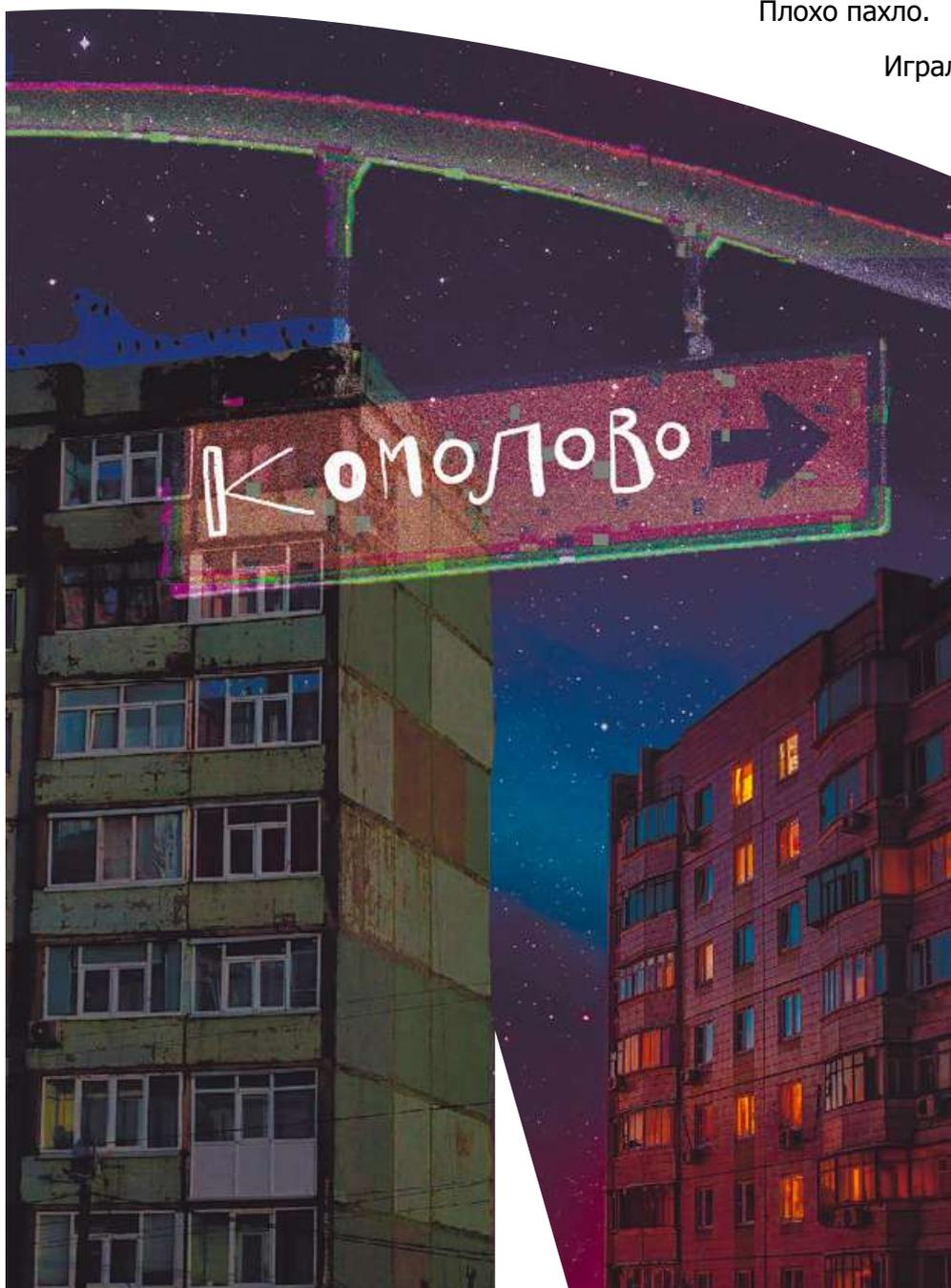
Мэр глубоко вздохнул. Потом еще раз. Задышал чаще. В глазах потемнело — показалось, засыпает. Он посмотрел на часы и понял, что детство кончилось. Лег головой на стол.

— Дмитрий Сергеевич? — Арсений потрепал его по плечу и выбежал из кабинета.

Мэр видел, как на город опустилась легкая дымка, почти туман. В мираже виднелись горы, и казалось, что до природы, в сущности, недалеко. По центральной улице шла толпа детей во взрослой одежде: на мальчиках висели огромные пиджаки, на девочках болтались юбки. Рисованные плакаты были не видны — непонятно, кто и зачем их нарисовал. Впереди колонны хромала девочка в серой шали, с телефонным проводом вместо бус и погребальной урной в руках. Плохо пахло.

Играла некрасивая музыка.

*По центральной улице шла толпа детей
во взрослой одежде:
на мальчиках висели огромные пиджаки,
на девочках болтались юбки.*

Он себя видел

Рассказ

Летним утром роковой человек вышел из дома. За полкилометра от него студентки-археологи раскидывали рюкзаки по микроавтобусу, занимая места. Вадим Алексеевич, крупных размеров мужчина, утрамбовывал в багажник палатки, спальные мешки и инструменты. Мягко грело солнце, трава трепетала от ветерка. Казалось, жизнь простая и понятная, а проблемы — лишь понарошку. От этого утра веяло чем-то спелым. От него веяло хрустящим зеленым яблоком. Роковой человек повернул за угол.

Вадим Алексеевич высунулся из багажника и спросил, куда делись практиканты.

— Гордей забыл кепку в общежитии, — пояснила Рима, высокая девушка, без году магистр.

— Тогда ждем.

Он понимал: проще простого забыть важную вещь перед выездом. А важнее кепки на раскопах разве что лопата.

Проходя мимо, роковой человек запнулся о лежавшую у автобуса сумку и громко выругался.

— Так, не лугаемся! — улыбнулась Суньмэй, студентка четвертого курса, приехавшая по обмену из Китая.

— Чего столпились тут?

Вадим Алексеевич рассмеялся:

— Мне казалось, мы маленькие и незаметные...

— Ты себя видел?! Орангутанг...

*Трясаясь на переднем сиденье,
Вадим Алексеевич разглядывал руки:
«И правда длинноваты...»*

Роковой человек сплюнул на теплый асфальт и пошел дальше.

Двое практикантов, запыхавшись, подбежали к автобусу.

— Мы готовы.

Они были в кепках.

Трясаясь на переднем сиденье, Вадим Алексеевич

разглядывал руки: «И правда длинноваты...»

Он посмотрел на себя в зеркало заднего вида:

«Да, красавцем никогда не был, но точно

не обезьяна». Потом взглянул на живот:

«Для моего возраста ничего особенного...»

Впервые за 30 лет он вспомнил, как

одноклассник назвал его гориллой.

Резко расхотелось ехать.

Предстоявшая дорога казалась чересчур долгой. Стало жарко.

В салоне пахло разогретым

дерматинном, и даже «вонючка»,

болтавшаяся на веревочке,

не спасала.

* * *

Автобус подъехал к озеру. Солнечные лучи отражались от воды и слепили. У берега стояла разбитая деревянная лодка. Археологи распределили между собой вещи и стали подниматься в гору. Шли сквозь густой лес. С тремя остановками добрались до каменной вершины. Начали ставить палатки. Сложнее всего приходилось практикантам — Коле и Гордею. Вбивать колышки в скальник было непривычно трудно.

Вадим Алексеевич прибирал в маленькой плоскокрышей постройке, сколоченной из досок три года назад.

Солнце садилось за озеро, и можно было долго спорить, откуда закат красивее — с вершины или с берега. Студенты сидели в домишке, ели консервы и выпивали за успешно разбитый лагерь. Спустя два часа Суньмэй ушла спать. За ней уползли пьяные практиканты. Осталась только Рима.

— Скажи, — ухмыльнулся Вадим Алексеевич,
— я похож на орангутанга?

Она рассмеялась.

— Детский сад! Просто вы... большой.

— Большой, согласен. Но и слон большой, и медведь.
И кит. Отчего я орангутанг-то?

— Ну задел он вас. Не берите в голову.

Вскоре Вадим Алексеевич остался один. Он расстелил на полу спальник, долго ворочался, а потом уснул, вскрикивая от неприятных снов.

Ему снились коллеги, столпившиеся у входа в институт. Он зашел внутрь и оказался в квартире своей бабушки. Она отвела его в зал со старым пианино, на котором сидела огромная обезьяна.

— Спаси нас, — попросила бабушка и вышла из комнаты.

На закрытой двери переплелись сотни цепей. Вадим Алексеевич вышел в центр зала, надеясь, что обезьяна окажется дружелюбной, но та прыгнула на пол и зарычала, показав клыкастую пасть. Он закричал в ответ. Началась истерика: «Ты ненастоящая! Ты ненастоящая! Ты... ты НЕНАСТОЯЩАЯ!»

И вдруг обезьяна, словно в обратной перемотке, запрыгнула на пианино и стала превращаться в милую плюшевую игрушку — ту самую, которую ему подарили в пять лет. Вадим Алексеевич глотал воздух большими кусками.

На двери растаяли замки. В комнату вошла бабушка.

— Спасибо, Вадик...

В ее словах звучали то ли страх, то ли безнадежность: сейчас я уйду, и эта игрушка снова станет зверем.

Обезьяна стала распухать. Зашевелилась шерсть, вытянулась морда...

— Зачем ты подумал об этом?! — закричала бабушка. — Вадик! Зачем ты об этом подумал?!

...Он встал раньше всех и встретил рассвет с кружкой крепкого кофе. Через час проснулись девочки, чтобы приготовить завтрак. На запах еды пришел зевающий Коля. Поев, они взяли инструменты и пошли к раскопу — четырьмя участкам с наваленными друг на друга каменными плитами.

— Это ранний бронзовый век, — объяснил Вадим Алексеевич. — Глазковская культура. Сапиенсы, — указал он на большие плоские камни. — Надмогильные сооружения мы называем

Ему снились коллеги, столпившиеся у входа в институт. Он зашел внутрь и оказался в квартире своей бабушки. Она отвела его в зал со старым пианино, на котором сидела огромная обезьяна.

кладками. Человека хоронили с предметами, необходимыми в загробном мире: посуда, курительницы, наконечники стрел, топоры, украшения. Иногда клали еду. Вы, девочки, это знаете. Однако... А где твой друг?

— Вон он, — кивнул Коля.

Шатаюсь, к ним шел Гордей.

— Он что, облеваный? — спросила Рима.

— Не надо сюда идти! — крикнул Вадим Алексеевич.

Гордей медленно развернулся и поплелся к палатке.

— Продолжим. Иногда враждебные племена оскверняли могилу: раскапывали ее, ломали кости, забирали ценные вещи, а потом засыпали обратно. — Он вручил Коле лопату. — Девочки разделят кладку на квадраты, а ты снимешь камни. Затем пройдешься по периметру, чуть подрывая дерн. И так с каждой могилой.

— А вы? — спросил Коля.

— Не наглей. Я установлю нивелир. Тебе еще надо будет рейку подержать.

— А что это?

— Глаза не пучь. Узнаешь.

Девочки приступили к работе. Коля ходил вокруг них, подбивая ногой лопату. Вадим Алексеевич уселся на складной стул, который был ему маловат, и стал собирать треногу для нивелира.

* * *

Два дня прошли незаметно для всех, кроме практикантов. Работая с восьми утра до полудня, а затем с трех дня до семи вечера, они мечтали вернуться в общежитие и лежать, ничего не делая.

*Нужны ли эти работы кому-то? Наверняка нужны,
но особой славы никогда не возымеют.
Стоят ли его ежедневные усилия ничтожного
куска науки? Наверняка стоят, но недорого.*

Утром Вадим Алексеевич писал полевой отчет. Он смотрел на мясистые пальцы, сжимающие ручку, и думал, что пальцы эти обнаружили немало ценностей и написали еще больше работ. Нужны ли эти работы кому-то? Наверняка нужны, но особой славы никогда не возымеют. Стоят ли его ежедневные усилия ничтожного куска науки? Наверняка стоят, но недорого. Он не привык думать о таких вещах, поэтому простодушно в них путался.

Рядом сидела Рима и читала книгу о первых рудокопах Сихотэ-Алиня. Коля с Гордеем смотрели перед собой и гадали, почему от них спрятали алкоголь. Суньмэй жгла палочки, очищающие ауру.

— Значит так, — обратился к практикантам Вадим Алексеевич. — Сегодня начинаем новый этап. Будем расчищать погребения стальными лопатками — мастерками. Работайте аккуратно, чтобы ничего не пропустить и не испортить. Следите за собой. Хороший археолог должен быть внимателен, спокоен и терпелив. — Он посмотрел в четыре понимающих глаза. — Для умеющих слушать: мертвецы болтливы.

В первой могиле работала Рима, во второй — Суньмэй, в третьей — практиканты. Вадим Алексеевич все так же сидел на стуле и наблюдал, как тела его подопечных скрываются в ямах.

Он прекрасно помнил себя в их возрасте и даже раньше. Природа, запах свежескопанной

земли, лязганье скребков по камням знакомы ему с ранних лет. Родители были археологами, и потому он усвоил с детства: твои друзья остаются в городе (худшее — в деревне у бабушки), а ты едешь к погребениям. Конечно, Вадим Алексеевич не был орангутангом, гиббоном или гориллой, но сейчас чувствовал себя маленьким шимпанзе в огромном теле, за которого сделали выбор разумные люди. И, что обиднее всего, этот выбор казался правильным. Он посмотрел на верхушки вековых деревьев и с досадой обнаружил, что обида, неуверенность и сомнения давно бурлят в нем, свариваясь в невкусную экспедиционную похлебку.

— НАКОНЕЧНИК! — вдруг завопил Гордей.

— Дай посмотреть, — попросил Коля.

Вадим Алексеевич подошел к кладке, достал из кармана целлофановый пакетик, вытащил из него зубочистку с красным флажком и протянул Гордею.

— Положи находку на место и воткни метку.

...Пообедав, они вернулись на рабочие места. Рима и Суньмэй до сих пор ничего не нашли. А вот практиканты, напротив, впервые увидели человеческие кости.

Конечно, они были к этому не готовы. Копаться непрофессионалам — что в земле, что в себе — дело неблагодарное: копая слишком глубоко, можно обнаружить тошнотворные останки других людей.

— Человек... — сказал Коля, подавляя рвоту.

Вадим Алексеевич поднялся со стула.

— Помогите девочкам.

Он взял мастерок, кисточку и опустился в могилу, утыканную зубочистками. Из холодной почвы торчал небольшой фрагмент ключицы. Он аккуратно счистил землю и увидел сухожилие. Насупившись, расчистил еще часть. Шерсть... Вадим Алексеевич высунулся из ямы, посмотрел по сторонам и начал работать там, где должен был находиться череп. Под мастерком чувствовалось что-то мягкое. Он резко махнул кисточкой и отпрянул. Над скуловой костью виднелся высохший обезьяний глаз с прилипшими волосами.

Он взял мастерок, кисточку и опустился в могилу, утыканную зубочистками. Из холодной почвы торчал небольшой фрагмент ключицы.

Закружилась голова. Зрение стало острее, а мир — четче.

— Сворачиваемся...

Он выскочил из ямы и накрыл ее куском брезента. Так делали каждый раз, когда заканчивали работу.

Вадим Алексеевич лежал без сна, не съев ничего за ужином. «Это просто галлюцинации...» Он ждал рассвета, чтобы в этом убедиться. И действительно, под светом взошедшего солнца обнаружился обычный человеческий череп.

За завтраком Суньмэй отчитывала практикантов:

— Это осело свиссьеное! Нисся в нем ситилать!

— А как нам быть? — возмущался Николай.

— Лейте тасик и ситилайте!

«Только этого не хватало...» — подумал Вадим Алексеевич. Он ездил сюда уже три года и каждый раз стирал одежду в озере. Все стирали одежду в озере.

— У нас есь легенда, — продолжала Суньмэй. — На гору Хуагу попало яйцо. Из яйца родисся обезьяна. Обезьяна пила воду из русья, ела фурукт и пырыгала по горе. Она был осень ловокой и стал король обезьян. Ее свать Сунь Укун. Насе месато похосе на гору. Тут тосе есь вода. А вы в ней ситилаете...

— Хватит трепаться. Пойдемте работать.

Скинув брезент, студенты продолжили раскопки. С костями теперь работала Рима. Вадим Алексеевич нервно косился на ее макушку, видневшуюся из могилы.

Над склоном нависли тучи. Впервые за три дня футболку и шорты пришлось сменить на теплую одежду.

— Ой! — вскрикнула девушка.

Вадим Алексеевич вскочил со стула.

— Что?!

— Наступила на косточку...

— Ничего страшного.

После обеда они сложили очищенные кости в белые конверты. Рима подписала их и убрала в картонную коробку. Ее тоже подписала: «Скалистый склон. 2006».

На ужин Суньмэй приготовила тушенку с рисом. Ели быстро, почти не разговаривая. Перед сном Вадим Алексеевич решил проверить конверты и, подходя к коробке, уже знал, что увидит. Он снял пломбу и открыл картонные створки. Набухшая бумага пропиталась сукровицей и жиром. Из порванных мест торчали кости и редкие куски мяса, кое-где висели лоскуты темной морщинистой кожи.

Он так сильно сжал челюсти, что услышал пульсацию собственной крови.

Утром его напугала распахнувшаяся дверь.

— Ну и запахок тут у вас... — сказал Коля.

— О, вы коробку вскрыли, — заметил Гордей. Он заглянул в нее и спросил: — А зачем?..

Они позавтракали. После еды у Вадима Алексеевича заболела голова. Как прожить тут еще 12 дней и не сойти с ума — оставалось тайной. Он оставил Риму за главного и пошел спать, сославшись на неважное самочувствие. Спал плохо, в духоте.

Наступивший вечер словно снился. Страх ослаб. «Посчитают сумасшедшим — значит, так и есть».

Вадим Алексеевич подозвал к себе Риму.

— Послушай, — начал он. — Наверное, я немного нездоров, но...

Ее глаза округлились.

— Вы тоже это видели? В той могиле?

— Да! Орангутанг...

— Нет... — Она смутилась. — Там нет никаких орангутангов. Там... Антон Юрьевич.

— Какой Антон Юрьевич?

— Мой школьный физрук. — Рима опустила взгляд. — Он заставлял меня ходить на уроки во время месячных...

Вадим Алексеевич поднял брови.

— Знаете, — продолжала она. — Мне кажется, Суньмэй с мальчиками тоже что-то видели... Уж больно странно себя ведут.

— Да? Я и не заметил... А почему молчат?!

— А почему молчали вы?

Он не ответил. Рима пошла к палаткам и позвала всех к руководителю.

— Ребята, — сказала она, — вы замечали что-нибудь странное в первом погребении?

— О чем вы? — спросил Гордей.

— Тоже не понимаю, — добавил Коля.

— Да! — не выдержала Суньмэй. — Тама мама! Мы... вобасем, не дурузили...

Кто-то положил руку на плечо Вадима Алексеевича. Тот обернулся.

— Зачем ты думаешь об этом?! — закричала бабушка. — Зачем ты об этом подумал?!

Он проснулся в темноте напуганным и замерзшим. Пахло сырой землей. Снаружи что-то гремело. Вадим Алексеевич вытянул руку и нащупал ледяной брезент. Затем подполз к краю могилы, выдернул из-под камня полотно и высунулся наружу. В лицо ударил ветер, несший пыль. Темный кратер луны, слово зрачок, смотрел в испуганные глаза археолога. Вдалеке гнулись высокие ели. Редкая трава прижималась к скалистому грунту. В склоненных палатках горели фонари. Яркую ткань придерживали силуэты больших обезьяньих ладоней с длинными пальцами.

*Он проснулся в темноте напуганным и замерзшим.
Пахло сырой землей. Снаружи что-то гремело.*

Галерея

Софья Бызова

ОТ DIGITAL К СИМВОЛУ

Софья Бызова — молодая художница и дизайнер из Иркутска. Основная сфера ее творческой деятельности — digital-иллюстрация. Главные инструменты — графический планшет и стилус. Цифровые практики в наши дни считаются популярным способом самовыражения в области современного изобразительного искусства. В то же время они основываются на принципах и приемах, которые используются в традиционных графике и живописи.

Первое, на что обращаешь внимание в иллюстрациях Софьи Бызовой, — это цвет как яркий акцент и одновременно способ, вызывающий ту или иную эмоцию. После рассматриваешь детали. Мерцающие текстуры, причудливые линии, образы собираются в крепкую и выразительную композицию.

В своих рисунках Софья активно исследует форму: в очертаниях реального предмета, живого существа или же в абстрактных геометрических фигурах. Художница намеренно то упрощает и сжимает ее, то укрупняет фрагменты, отчего герои иллюстраций становятся фантастическими и оказываются в мистическом пространстве. Мы же, зрители, видим красочный фантазийный мир, созданный Софьей. «Читаем» личные истории: про любовь, дружбу, молодость, радость и печаль. В рисунках художницы привлекают внимание слова, введенные в общую композицию и оформленные в шрифтовые блоки. Она и их исследует как определенную форму, но уже не визуальную, а через ассоциативные связи.

В творчестве Софьи Бызовой значительное место занимает декоративное начало с присущими ему обобщениями, отказом от второстепенных подробностей и вниманием к цветовому пятну, превращающемуся в символ или знак.

Мария Аверьянова, искусствовед

ДОСЬЕ

ВОЗРАСТ: 28 ЛЕТ

ЗНАК ЗОДИАКА: КОЗЕРОГ

РОДНОЙ ГОРОД: ИРКУТСК

ПРОФЕССИЯ: ХУДОЖНИК-

ИЛЛУСТРАТОР, ПЕДАГОГ

ПРИЗВАНИЕ: ХУДОЖНИК

Биографическая справка

Родилась 16 января 1996 года в г. Иркутске. Художник-иллюстратор, педагог. Окончила Иркутский региональный колледж педагогического образования по специальности «педагог декоративно-прикладного искусства» (2012–2016) и Иркутский государственный университет (кафедра изобразительного искусства и методики преподавания, 2017–2023). Прошла авторский курс Анастасии Кардашовой по digital-иллюстрации (2021). Работает педагогом декоративно-прикладного творчества в Доме детского творчества № 1 г. Иркутска, мастером авторского детского digital-курса «Слон» в творческой мастерской «Солома», ведет занятия для детей в еврейской общине Иркутской синагоги.

С чего начался ваш творческий путь?

— С поездок к бабушке в четыре года. Бабушка работала учителем рисования и художником-оформителем в сельской школе. Я наблюдала за тем, как она делает стенгазеты и создает декорации для школьных спектаклей. С ее разрешения вносила «детали» в работы: раскрашивала, рисовала каракули. С самого детства меня привлекали краски, фломастеры и карандаши. Я всегда любила и люблю придумывать свои чудесные миры.

Кто ваши любимые авторы, деятели искусства?

— Любимые художники — Николай Рерих, Густав Климт, Мартирос Сарьян.

Книга, которая значительно на вас повлияла.

— «Щелкунчик» Эрнста Теодора Амадея Гофмана.

Самое яркое детское воспоминание.

— Бабушкин ящик с красками и в нем коробочка ленинградской акварели, ее запах.

Как воспринимают ваше творчество близкие люди?

— Близкие поддерживают меня во всем и всегда.

Какую самую большую творческую неудачу вы можете вспомнить? Как вы с ней справились?

— Сложности с академическим рисунком, когда училась в университете. Приняла и продолжила дальше заниматься творчеством.

Ваши хобби помимо творческой деятельности.

— Читаю книги и вышиваю.

Где вы мечтаете побывать?

— На Камчатке. Хочу увидеть китов.

Как вы представляете себя через 10 лет?

— Я по-прежнему рисую, много читаю, увидела китов.

Анкета «Первоцвета»

Анна Алтунина

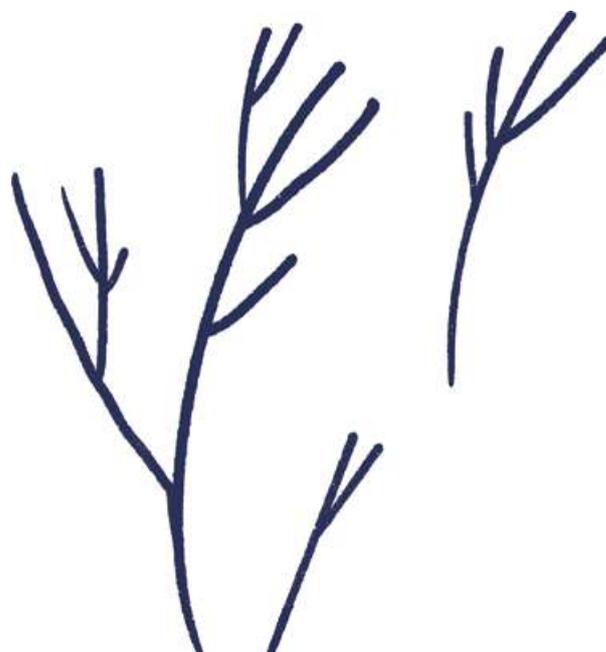
27 лет, г. Иркутск

ГОВОРИ, НИЧЕГО НЕ ТАЯ

Говори, ничего не тая.
Говори же со мной, говори.
Расцветает над миром заря,
И погасли вокруг фонари.

Вскоре день обуздает наш быт,
Обнуляя таинственность тьмы.
Расскажи, о чем сердце болит
И как мы доживем до весны.

Эту боль не поможет унять
Ни одно из лекарств на земле.
Говори! Но ты будешь молчать —
Бледный призрак в светлеющей мгле.

Анна Шкляр

21 год, г. Саянск

* * *

Солнце тянет руки к лицу моему —
провести по щеке ладонью.
Колокольный звон ласкает слух.
Мысли утекают с рекой,
тревогу уносят птицы.
Вот дом стоит, вот другой,
Теплицы, деревья, причал.
Хочется оказаться по ту сторону
и, сидя на скамейке, молчать...

* * *

Тусклое...
нет... снова яркое!
И, пробиваясь сквозь тучи,
ноябрьские лучи заглядывают в окно,
обнимают кактус, отражаются от твоего
пустого стола и стула
и тянутся ко мне, ложатся на плечи,
улыбаются... с доброй такой грустью.

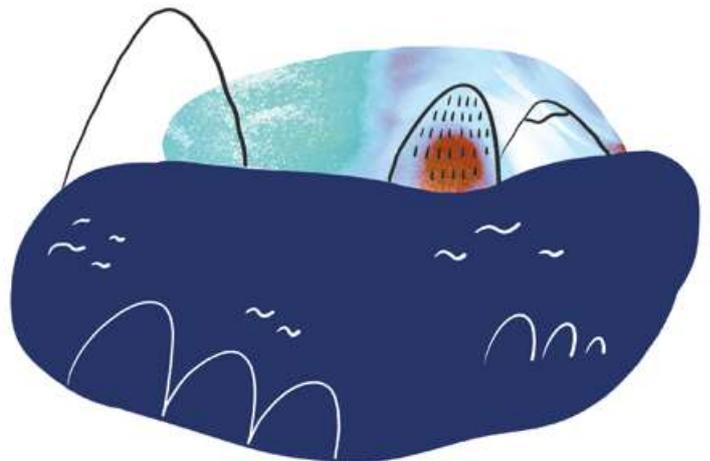
А через несколько часов все повторится:
стол со стулом будут пусты,
солнце сместится вправо,
а хлопья снега будут лететь
в том же направлении,
как и ты, к дому...
В комнате станет сонно и тихо.
И только часы
в этом застывшем пространстве
будут идти совершенно размеренно,
как время, что безвозвратно уходит,
что захочет нас разделить,
когда мы уже не сможем...
что станет самым теплым
и только моим воспоминанием.

* * *

А чайки и правда против ветра летят,
каким бы сильным он ни был,
какими бы темными ни были
вода и небо под и над ними,
каким бы тяжелым ревом
ни кричала природа,
как бы она ни показывала свою боль —
ту, что всегда внутри.

Красные пятна на небе — огонь,
что тешит плоть изнутри,
выжигая тьму нагнанных туч.

Море волнуется раз,
море волнуется два,
море волнуется три:
У-
не-
си...

Юлия Белошицкая

21 год, г. Ангарск

* * *

Не перевести дыхания, не остановиться и не присесть.
Правда жизни такая, какая есть.
Поймать возможность. Вдох, а за шагом бег.
На что способен обычный живой человек?

Человек способен вдохновляться и вдохновлять,
Создавать искусство, которое не понять.
Люди могут танцем сказать «прости»
И стихами добраться до самой пропасти.

Не перевести дыхания — глухо бьется в груди.
Люди любят солнце, людей и дожди.
Остановка. Вдох. После шага бег.
Так на что способен обычный живой человек?

* * *

По наушнику током случайно
Шаг за шагом, почти босиком
Поднимался к уху печально
Звук — он мне не был знаком.

Я забыла про эту песню,
Скрыла в дальнем углу стола.
Но в груди почему-то тесно —
Стол закрыть до конца не смогла.

Она капает в ухо сталью,
Растекается жаром в груди,
Наполняет запахом спальню
И чертит тень позади.

Она дает песне запах,
Дает ей руки и биту.
Та бьет на разных этапах,
Пока вы не станете квиты.

Это чувство знакомо многим,
Для кого-то это стихия.
Того называют убогим,
Кто не чувствовал ностальгию.

* * *

Я не стремлюсь к картинной крепкой дружбе,
В уборной мне комфортнее одной.
И точность не нужна — мы не на службе,
Чтоб друга заслонить любой ценой.

Придавленная знаниями школы,
Ты выползаешь молча на крыльцо.
Я волочу по полу платья полы
И судорожно тереблю кольцо.

И нет нашитой на лицо улыбки,
Не бросилась, как в фильме, на меня.
Рука к руке, две скользкие улитки.
Наш путь домой — унылая возня.

Плетемся мы, уставшие от мира.
Все просто рыбы, мы — две рыбы-капли.
Вновь без раздумий разбираем лиру
И тащим вместе собранные грабли.

* * *

Ты разлетаешься на мириады песчинок,
Ты становишься ветром моих незаконченных фраз.
Ты есть, тебя нет, и сети соленых морщинок
Жизнь мою оплетают, скрывая солнце от глаз.

Она тоже одна из тысячи тысяч прохожих.
За холодным дождем всегда приходит тепло.
Она ветром не станет, но может быть, может быть... все же...

Мы — песок.
Мы — мечта.
Мы — любовь.
Мы — ничто.
Рассвело.

Катя Иванова

21 год, г. Иркутск

* * *

как только подумаю
как только подумаю
как только
так сразу

перестаю

* * *

стих
стих

а ты – обомлел

* * *

и не служебное,
и не знаменательное
где-то там на задворках
непонятно что

бедное междометие,
ну куда ж тебя деть-то?
ух ты, батюшки, вот те на,
боже мой!

* * *

на слух мы слышим
на дух мы дышим
на взгляд мы смотрим
и всё же мы
промокли очень
замёрзли очень
живём как можем

живём наощупь

* * *

представь себе
а впрочем, всё равно...

ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ

В аудитории столы и стулья,
мел и доска,
стены и окна,
воздух и свет.

В ней понедельник,
тяжесть и скука.

Только студентов —
нет.

* * *

мы обр(у/е)чены

* * *

Пишу тебе, а в голове
всего два слова: «Не читай».

* * *

...и той скамейке в парке будет стыдно...

* * *

ничего сложного, и ничего – простого

* * *

да там такой режиссёр за окном
смотри-не-смотри –
не насмотришься!

Наталья Макарова

30 лет, пос. Плишкино, Иркутский р-н

УЛЫБКА

Сонливость утренних минут,
белесые крыши домов
сквозь нежность вуали на окне...
Беспечные минуты мироздания
и веселый голос дочери,
звнящий в добром утре.

Тишина на душе.
Ласковость одеяла
кутает меня и делает счастливой
и нежной.

Мне чудятся волны разных стран,
его объятия,
и глаза вновь закрываются
в надежде продлить ночь...
Улыбаюсь.

Первая улыбка новому дню —
самое прекрасное из чудес Вселенной.

Лилия Сапфинова
20 лет, г. Иркутск

ЗАЩИТА

Мне бы глаз механический
И руку железную.
А тело из стали,
Чтобы в грудь мою
Пули не попадали.
Душа пусть хрустальна
И сердце из мрамора.
Но память живую,
Чтобы кликнуть по мышке
На функцию «удалить» —
И не болит.

Дали бы слово мне жесткое
И вечность конечностей,
Заменяли бы вены
На провода черные —
По ним бы текла ртуть.
Шурупы вонзили бы
В ступни для прочности.
Но мозг мой увечный,
Как старый компьютер.
Из-за него полетит механизм.

* * *

В зеркале я, а за зеркалом город.
Плачет безумная в небе луна.
В мире разбитом, заброшенном в полночь,
Я всё пытаюсь найти себя.

Кем я был выточен? Чем я был вырожден?
Важным не будет, горит ли свет.
Утро предательски солнцем накроет,
Снова в обман я чей-то одет.

ЗАКОНЫ

Стабильность в массы!
Стабильность в мире!
Очевидность жизни
И судьбы ясность!

Не играть с чувством,
Не искать примера.
Знать, как будет лучше,
Не внемля мнениям.

Ощущать руками
Стойкость и упорство.
«Неумелость» зачеркиваю —
Только «взрослость».

Поступать по чести,
По богов заветам.
К власти не стремиться —
Быть бы человеком.

Замыкать узлами
На запястьях вора
Свою злую память
И закона строгость.

Избегать насмешки,
Пресекать уклоны.
Никому на свете
Не уйти свободным.

Мне давно сказали,
И я сам проверил:
В этом мире правит
Равномерность тени.

Н. Ледофф

21 год, г. Иркутск

МАРШРУТКА

Маршрутка с Центрального рынка. Тесно:
Ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни сглотнуть,
ни выплюнуть.

Спасибо вообще, что влез.
Воздух выет, и нет ему места.
Не дышим, не слышим, не смотрим, не видим.
Всем надо, и всем — позарез.

Шторка грязная, за ней — водитель
Перекачивает, переваливает, кренит, горбит,
А ведет, как ладью Харон.
Чтоб быть несудимыми — не судите.
Кошелек из кармана тянут — не вижу, а знаю:
Давят со всех сторон.

Слышу откуда-то: «Господи, Господи!»
То ли крик, то ли вздох, то ли сон...
Это молитва, не все слова.
Все станции — просьбы, мы — братья и сестры.
Усталые, пьяные, старые, малые —
Безмерная мера родства.

Дороги не видно — вспотели все окна.
Едем вне времени, места, материи —
Знаем просто, что довезут.
Конечка, и дверь отъезжает со стоном.
Падает мелочь. Окончен маршрут.

Татьяна Сенокосова

19 лет, г. Иркутск

ОСТАВЬ МЕНЯ

Оставь меня. Оставь меня в покое.
Оставь меня — не так уж это сложно.
Усилия малейшего не стоит.
Оставь меня. С тобой мне так тревожно...

Оставь меня. Оставь на поле битвы.
Оставь судьбу, забытую богами.
Оставь меня и все мои молитвы.
Оставь меня. Мы все сломали сами.

И буду повторять я бесконечно,
В своем бреде, в сомненьях утопая:
«Оставь меня — жестоко, бессердечно...»
А ты стоишь, дыханье забывая.

ВАЛЬС

Вальс над пропастью, дивный вальс.
Нам с тобой не дано упасть...
Воет буря, бушует страсть.
Мы в руках ощутили власть.

Волны крошат осколки скал,
Разум наш навсегда пропал.
Шаг на грани, глубокий взгляд —
Нет нам больше пути назад.

«Чувство — яд», — говорю в лицо.
Бездна манит в свое кольцо.
Мы ведем на краю борьбу —
Пусть победа решит судьбу.

Ветер свищет, гремит гроза.
Этот свет и твои глаза...
Мир разрушен, бушует страсть.
Нам с тобой не дано упасть...

Анна Тимофеева

26 лет, г. Иркутск

*Тонкое лезвие сна

Сон словно ланцет ласковый:
острым меридианом тянется,
рассекает затасканные ткани
и вспарывает меня,
будто тряпичную куклу.
Только вместо ниток и ваты
из плена плотного тела, из-за решеток разума
вырываются пленники сознания,
нарастают, как пена в горячей ванне,
как из труб теплоэлектроцентралей
взбитые сливочные облака.
В эти распахнутые врата ломаются,
вырисовываются из белого тумана
тысячи диковинных созданий —
разжигателей оголтелого карнавала.
От их громогласных танцев и буйных напевов
к ослепительно-голубому небу
вытягиваются ослепительно-зеленые леса,
расстилаются бушующие цветением поля и холмы,
переплескивается упоительно лазурное море,
и новорожденное солнце брызжет лучами
на этот каждый раз новорожденный мир.
О полет обомлевших фабул,
апофеоз фантазии, флиртующей с памятью!
Невесомая, с вами самозабвенно пляшу!..
Я боюсь, что в одно прекрасное утро
мои вдохновенные ткани не пожелают срастаться
после такой операции.

*бессонница

Некоторым людям
трудно заснуть
на пустой желудок.
Да черт с ним, с желудком!
Я отказываюсь
засыпать
на пустое сердце!
А как подумаю,
что однажды
я могу заснуть навсегда
с пустым, необжитым сердцем,
я холодею от ужаса,
я ищу красивое платье
и бегу на заветную встречу
с жизнью.

*геометрия

Искусство поэзии –
простейшая геометрия,
первая аксиома.
Нужно всего лишь
суметь провести
единственно возможную
прямую
через две точки —
кончик клубящейся мысли
и шарик протекшей ручки.

*лицо

Иногда я замечаю,
что на мне совсем нет лица,
и так я хожу, безликая,
по своим очень важным делам.

Мое лицо решительно сбегает
с моей вечно повернутой головы,
как озорная школьница с уроков.
Пока голова сверяет план с отчетом,
лицо проверяет, чем же ты занят.

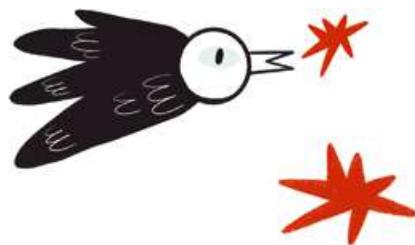
Лицо тебя ищет,
лицо тебя находит,
лицо лишь одного желает:
мое лицо сбегает, чтобы
целовать тебя.

А то у меня все дела, дела, дела
бытовые,
и у тебя все дела, дела, дела
головные.
Мне тебя никак не коснуться,
никак не коснуться тебя.

И пусть с тобою целуется
хотя бы мое лицо,
и пусть я тогда останусь
безликой, безмолвной.
Это ничего —
лишь бы мы с тобой
хоть где-нибудь
целовались.

*БЛИЗОСТЬ

В каждой складке твоей одежды
сидит бывшая девушка —
в юбке короткой, на тебя закидывает ноги,
как сети.
Щурясь, меня взглядом мерит.
А вместе с ней —
все твои друзья, сослуживцы, знакомые,
милые и злые одноклассники,
дальние и близкие родственники,
первая и последняя любовь.
Чуть поодаль
в почетной ложе —
твои отец и мать.
Настоящий амфитеатр!
Заклучив в клетку из ребер,
ты показываешь им меня,
как обезьянку — торговой площади,
как гладиатора — Колизею.
Делайте ваши ставки!
Публика перешептывается, шумит, свищет,
пристрастно заламывает пальцы,
ставки на поражение все выше,
но мне не страшно.
За едва уловимой,
за самой укромной
складочкой
я встретила взглядом
с древнейшим твоим
пращуром.
В глазах его — синее небо.
Бескрайнее синее небо.
Смотрит он на меня весело
и молвит ласково:
«Ну и вымахала ты, дочка,
совсем невеста.
Оставайся-ка ты у нас,
ведь под этим бескрайним небом
всем достаточно места.
Тебе достаточно места.
Тебе здесь место».

*ВОДА

Не прибило к берегу волной.
Не прибили верой ко кресту.
Видимо, я все еще расту.
Видимо, мне плыть и плыть одной.

Лодочка качается, ура.
Суша истончилась, как концепт.
Рвется нить — играет концерт.
Суша — это где-то в облаках.

Скучное до одури кино:
Водный мир, одна вода во рту.
Вот бы с тобой встретиться в порту!
Вдруг еще не все предreshено.

Может, поменяют объектив.
Щелкнули — снимают новый кадр:
Бьется сердце — тремоло литавр,
Чайка ввысь летит, летит, летит...

*ЧАСЫ

Ночью настолько тихо,
что я отчетливо слышу,
как часы на тонкой стене
отщелкивают время мира,
как сердце в твоей груди
отстукивает мое время.

Проза

Екатерина Бондарева

21 год, г. Иркутск

Вечный август

Очерк

Женские пальцы быстро выкладывают сыр на тарелку и снова режут. Ногти торжественно-красного цвета. Гул закипающего чайника и стук ножей, женские голоса. Кошачьи раскосые глаза гипнотизируют сыр, и он таки падает на пол. Бабушка выставляет кота на крыльцо.

Сквозь тюль кухонного окна я смотрю, как он замирает. Потом глядит на дождь, садится на чью-то забытую куртку, облизывает свою пыльную, шершавую лапу. На редкость веселыми шагами по мокрой деревянной дорожке к крыльцу идет дед. В руках его пахучие помидоры из теплицы. Маленькие он сложил в карман своих растянутых брючек, а большие держит в руках. Сегодня он почти не болеет, поэтому походка очень праздничная, размашистая. Не только походка, но и лицо, и даже растянутые брючки весьма улыбочивые.

Еще бы, ведь сегодня большой праздник — Ильин день. Именины моего двоюродного брата. Это единственный день в году, когда наша семья собирается полным составом.

Я без дела брожу по дому, воображая, что меня никто не видит.

Все новые и новые гости подъезжают к воротам. Все они привозят что-нибудь, так что на столах маленькой кухни бутылки сока, вина и водки уже не помещаются. Кот снова проникает в дом и предпринимает попытки по крушению бутылочного стола. А над нашим домом простирается влажное, густое августовское небо.

Белые тонкие ноги идут по мокрой траве. И я слышу голос грибного дождя, слышу его прикосновения к листьям и земле. Совсем не видно высоких холмов и реки — осенний печальный туман уже спрятал их.

Из окон дома доносятся звон посуды, топот, ругань и смех. Открывают дверь — на совсем промокшем крыльце снова оказывается пушистый силуэт. Кто-то вспомнил о забытой куртке, поэтому силуэт прыгает на перила и смотрит на дождь.

Во дворе сыро, тихо. Возле ворот дымит большая бочка, а рядом с ней стоит папа в темно-синем рабочем костюме «Иркутск-Энерго», который даже на нем, двухметровом великане, сидит свободно. Никогда не понимала, что такое значит эта оранжевая надпись «Иркутск-Энерго». Наверное, завод какой-то. Завод, завод... «Новокузнецк-Энерго». Почему бы и нет? Новокузнецк... Я люблю этот мрачный городишко, в нем особый шарм.

Так вот, костюм... Мой отец всегда в деревне ходит в нем — полинявшем, с растянутыми коленями. На праздники отец коптит хариуса в большой ржавой железной бочке. И всегда

медленно, задумчиво. Часами стоит у бочки один, покуривая свою дешевую и горькую «Золотую Яву» и бросая окурки в металлическую банку из-под кукурузы. Потом приходит тетя, смеется, радуется, глядя на пожелтевший прокопченный глаз хариуса, еще вчера вольно плававшего в Байкале, пойманного железным крюком за губу и позорно разделанного на куски.

В последнее время много дурю при отце: кидаюсь обнимать, шучу несмешные шуточки, кокетничаю, умоляю поставить Цоя еще разок. Отец вроде не такой уж и суровый, каким всегда казался. Хотя лучше держать себя в руках, ведь если он разозлится на мое бессмысленное кокетство и сделает замечание... я даже не знаю, что будет. Наверное, я тут же умру: земля разверзнется и проглотит меня. Я попаду в ад, где нет ни мамы, ни отца, ни Бога. А может, с неба мне на голову упадет огромный лунный камень... Хотя это все поэзия, а проза такова, что я просто убегу в дровяник плакать.

Но сейчас... Только помыслите, чего стоит это сейчас. Сейчас папин силуэт, дым, идущий из ржавой бочки, высокие сосны за нашим забором и запах августа приводят меня в восторг. Я бегу изо всех сил и... врезаюсь в его колени. Он поднимает меня над головой. Дух захватывает. Как же он живет так высоко? Ведь это же почти 18-й этаж! Я вижу крышу дома. Холмы и даль, и небо, и капли дождя теперь так близко...

Странные отношения. Вечный август, дождь и молчание. Мы вместе молчим или каждый молчит сам с собой? Он всегда либо пьян, либо задумчив. Если пьян – добрый. Его собственный запах перемешивается с запахом сигарет и водки, но не перестает мне нравиться. Щетина колет, а глаза блестят. Он жалуется на тоску и всех обожает. Ему хочется говорить. И ему нужно говорить прямо сейчас, ему нужно много говорить о чем-то сокровенном и важном. О чем-то, что может дать жизни смысл. Но редко кто слушает его, а еще реже понимает. И снова молчание, поджатые губы, задумчивый, строгий взгляд... Смотрит, ничего не видит.

В тот день он был задумчив. А вечером стал добрым. Было много гостей и шума. Я проползала несколько раз под столом, вертела в руках бокалы с недопитым белым вином. Такой странный, горький запах. Никогда не решусь выпить. Мама дала мне бокал, как у взрослых, — я пила из него апельсиновый сок. Все взрослые даже как будто были счастливы, наконец они были нескучными. Папа катал нас с сестрой на садовой тачке. Он врезался колесом в ступеньки — мы визжали. Он задыхался, разгоняя тачку. Потом сказал, что мотор устал, и ушел курить с дядей Сережей.

Я посмотрела в восторженные глаза моей сестры. Она попыталась опрокинуть тачку, чтобы вывалить меня на траву — мокрую, холодную траву. Я захотела упасть на нее, и я падаю. Моя коса совсем растрепалась. Я выбрасываю кепку, все резинки и невидимки, засунутые в мою голову мамой. Я качусь с горы по траве, словно уроненная ураганом железная ржавая бочка. Из меня, из живой меня, вываливается на холодную траву горячий копченый мертвый хариус. Так из живого рождается мертвое.

Я слышу А-на — это папа решил потанцевать. Он распахивает ворота, чтобы все видели, как он обнимает именинника и как от его шуток тетя сгибается пополам.

Ночью снова полил дождь. Я проснулась от сильного грома. Шторы были закрыты не до конца. Я смотрела на вспышки молний в окне. Мне стало страшно, что может ударить в дом. А еще хуже, если шаровая молния залетит и подорвет дом.

Вдруг дверь бесшумно открылась, и в комнату вплыл высокий и темный силуэт. Запахло перегаром. Я притворилась спящей. Он сел на край дивана рядом со мной. Я притворилась очень хорошо — на этот раз он меня не раскусит. Сквозь ресницы я видела его профиль. Он долго сидел и о чем-то размышлял.

Я всегда думала, что люблю маму больше него. С мамой я могла быть расслабленной, вредничать, скакать и хохотать. Он же — загадка и призрак. Кто он? Темное пятно на диване или мой отец? И что это такое значит — отец? «Расскажи-ка нам, отец, что такое есть потец?» Да с потцом ясно. А теперь расскажи-ка нам, отец, что такое есть отец?

Мама говорила, что он плохой отец. Потому что не делает ремонт, не занимается детьми и много пьет. Но я его люблю. Тайно. Об этом никто не знает. Я уважаю его, боюсь, хочу ему нравиться. Наверное, это любовь. Я слушаю вместе с ним «Ретро FM» по дороге из детского сада домой и качаю сандалией в такт. Начинаю понимать, как надо качать сандалией, чтобы это было в такт. Вечером незаметно запрыгиваю на диван, где он лежит и смотрит по РЕН ТВ мистические передачи, после которых я боюсь спать. Как всегда, строго-задумчивый. Незаметно ложусь к нему на грудь, стараюсь не глядеть на НЛО и йети в телевизоре. Моя голова поднимается и опускается вместе с его дыханием. Я пытаюсь дышать медленно, в ритм с ним, но мне не хватает воздуха. Слышу, как под ухом у меня бьется сердце. Мне почему-то каждый раз так странно слышать стук его сердца...

И вот грянул гром, но мне совсем не было страшно, ведь папа сидел рядом со мной. Шаровая молния должна была поопаситься залетать сюда в его присутствии. Зачем мама никогда не жалеет его? Почему-то сейчас мне стало так его жаль... Мы вместе молчали или каждый молчал сам с собой? Не понимаю, но знаю, о чем он думал тогда.

Несколько раз я хотела спросить его, что мне делать, когда он уйдет. Но молчание не было нарушено, и в горле моем так и застрял этот вопрос. Когда гром прекратился, он очнулся от задумчивости и тихонько вышел.

Потом мы стали видаться лишь во снах. И там было все то же: вечный август, дождь и молчание. «Дорогой отец-потец, в моем домике поселилась унылая мадам. Когда ты ушел, она принесла сюда свой серый чемодан, села на него и стала хотеть чего-то такого, о чем я ничего не знаю. Что мне делать? Я предлагала ей деньги, чтобы она ушла или хотя бы прекратила молчать. Я приводила к ней красивых мужчин, я одевала ее в роскошные платья, даже разрешала ей спать и есть без меры. И она утешалась. На время. А потом снова начинала скучать и плакать, пока я не вижу. Что мне делать? Ведь, кажется, это ты завещал мне ее?» Но отец не отвечал. Его лицо скрылось в опавшей листве, его запах навсегда разметал осенний ветерок, а голос утонул в течении реки. И это было последней встречей. Я испробовала все, но унылая мадам с чемоданом не захотела уйти — поселилась насовсем. Она похожа на отца. Тоже все сидит, молчит да бросает странные взгляды в меня.

Дарья Золотарёва

19 лет, г. Иркутск

Девушка в Белой шляпе

Рассказ

Мне всегда бросалась в глаза большая белая шляпа. Она была тонкой, но хорошо держала форму, а ее бока плавно изгибались, точно волны. Эта шляпа была так же величественна, как и та, кто носит ее.

Марианна Эттвуд — девушка английского происхождения. Она приехала к нам прошлой осенью по программе обмена студентами.

Никогда не встречал девушки элегантнее. Смотри на нее, вспоминаю века, когда женщины носили тяжелые пышные платья и делали высокие замысловатые прически. Она — произведение искусства: тонкие, хрупкие запястья, бледноватая кожа, немного волнистые волосы холодного коричневого цвета и темные глаза. На учебу Мари приходит в строгих костюмах, преимущественно белого цвета. Каждый студент может нарисовать ее силуэт по памяти. И все знают: когда по коридорам со стуком каблуков разносится запах роз — идет Она.

Такая приветливая, нежная, ласковая. Кажется, что она может рассыпаться, расколоться на части. Несмотря на ее хрупкий образ, Мари очень целеустремленная девушка. Ее ждет светлое будущее: карьера адвоката; может быть, даже судьи.

Мне остается только мечтать, что Мари заметит меня. Вокруг нее десятки и сотни парней, которые умнее и богаче меня. И сейчас, сидя в кафе и смотря на ее большую белую шляпу, я только представляю наше официальное знакомство.

Она пьет горячий кофе, готов поспорить — капучино. Пар от него поднимается высоко и исчезает где-то под потолком. На ее кружке след от красной помады. Ее взгляд прикован к окну, за которым мерным стуком отбивает ритм дождь. Хмурые старые здания с высеченными на них узорами ей очень идут. Она на своем месте.

И вот моя рука тянется к рюкзаку, в котором кучками лежат карандаши, плотные листы, краски, кисточки, ластики и клячки. Уже появляются плавные, но точеные линии силуэта...

Проходит час; может быть, два. Ее кружка пустеет, взгляд становится усталым. Мари элегантно поднимает руку вверх, зовя официанта.

Паника — первое, что я почувствовал. Сейчас она уйдет. Не успеваю подумать, срываюсь с места. Шаг, два, три, и я вижу их — темные, почти черные глаза, которые смотрят на мое лицо. Ни тени эмоции, меня видят впервые.

Руки машинально протягивают ей шероховатый лист. Только когда она взяла его, я осознаю, что сделал.

— Я...

Но слов не хватает, да и нечего сказать.

Марианна изучает мой рисунок, проводит по нему своими пальцами, и вдруг ее глаза, наполненные усталостью, оживают. Губы, накрашенные матовой красной помадой,

расплываются в почти ребяческой улыбке, с них слетают слова, но я уже ничего не слышу. Вокруг лишь оглушающая тишина, и она в ней так прекрасна.

Марианна спрашивает мое имя.

— Арсений...

«Боже! Мог бы и погромче сказать!» — твердит голос в голове. Щеки горят, и уши тоже.

— Приятно познакомиться, Арсений. Я — Мари.

Ее голос лучше всякой музыки, с небольшим, едва заметным английским акцентом.

— Мне тоже... приятно...

В горле пересохло, будто ком стоит. Что же делать?

Мари поправляет свою белую шляпу, чуть сводя ее набок. Она берет свой клатч и мой рисунок, проходит мимо меня и оборачивается у самого выхода, даря мне самую обворожительную улыбку, которую я когда-либо видел.

Сердце бьется так сильно, что закладывает уши, и я делаю спасительный вдох. Марианна знает мое имя, знает меня. На ее столе все еще стоит чашка от кофе, а рядом с ней — салфетка. На этом белоснежном клочке тонкой бумаги ярким красным цветом написан номер. Номер телефона!

И вот салфетка в моем кармане, рюкзак за плечами, а в голове — лишь Она.

Может быть, позже я подарю ей уже не набросок, а картину. Когда мы снова выйдем из этого кафе, когда встретимся в университете, когда впервые сходим на свидание... тогда я подарю ей картину о ней — о девушке в белой шляпе.

Аполлон

Рассказ

— Кажется, это было в 1997 году... — Мама задумчиво улыбалась. — Да, мне тогда было 16 лет, как и тебе сейчас.

Я спросила ее, был ли у нее кто-то до папы. Мама часто рассказывала мне истории со времен ее школы, но эта оказалась не такой, как все.

— В те времена не было Интернета, как сейчас. Но в газетах была специальная колонка, где люди оставляли свои номера и информацию о себе. Так можно было познакомиться с любым человеком.

— То есть вот так просто звонили, не боясь наткнуться на маньяка?..

Эта мысль меня ужаснула — позвонить незнакомцу, который хочет познакомиться с кем-то через газету!

— Ха-ха-ха!

— А чего смешного, мам? Неужели тебе не было страшно вот так звонить?

— Конечно, во время первого звонка всегда было неловко, — она сделала последний глоток чая и поставила кружку на стол, — но со временем мы узнавали друг друга лучше.

Мама сидела на стуле; одна ее нога была на полу, а другую она прижимала к груди. Теперь вот и я так сижу, слушая ее рассказы о том, как она «подцепляла себе ухажеров».

— Так я однажды познакомилась с парнем, который был немногим старше меня. — Мама откинула голову назад к стене. — Вот только не помню я уже, как его звали... Это, в общем, и неважно. У этого парня был очень красивый голос. Я всегда засиживалась подолгу, когда мы созванивались. Он рассказывал мне про свою жизнь, а я ему — про свою. Так незаметно пролетело несколько месяцев. Этот молодой человек всегда описывал себя как Аполлона...

— В смысле? Типа как бога?

— Именно. У него были немного кудрявые волосы, хорошее спортивное тело — ну... в общем, Аполлон. По крайней мере, по его рассказам.

— Это же классно! А почему ты тогда с ним не осталась, раз уж он такой весь из себя бог?

— А вот... Через месяцы нашего общения мы назначили встречу. Это было лето, но собирался дождь, так что я сказала своему телефонному другу, что буду вся в черном: легкие штаны и кофта в сеточку, зонтик.

— И ты теперь мне говоришь носить меньше черного, хотя сама так ходила?!

— Ну-ну! Тебе цветное больше идет. И мы говорили не про это. — Да, мама, как всегда, уходила от темы... — Этот парень сказал, что будет в гавайской рубашке. — Она скривилась: — Фу! Ну кто ходит в гавайских рубашках?

— А что в них плохого? Мне нравится.

— Ужас какой, они противные... В общем, это меня насторожило, и я попросила брата сходить со мной — на всякий случай.

— Диму?

— Да, его. Он привез меня к месту встречи, когда уже начался дождь, а сам зашел в кафе неподалеку. Я пошла к месту встречи и наконец увидела своего телефонного друга. Этот так называемый Аполлон был упитанный, выше меня на две головы, кудрявый, с розовым поросычьим лицом и в гавайской рубашке с цветами. По нему стекали капли дождя, он был «неотразим»! Тут-то мое сердце в пятки и ушло... Никаким богом там и не пахло, поэтому я просто прошла мимо, а он меня, видимо, узнал и окликнул. В итоге я сказала, что он ошибся, и быстро ушла. Нашла брата, и он отвез меня домой.

— Ха-ха-ха! Серьезно?! Ха-ха-ха!..

Я не могла перестать смеяться.

— Ну хватит! С кем не бывает...

— Ни с кем, мам, ни с кем!

— Вот ты смеешься, а сама лучше бы задумалась. Мне вот он не понравился, и я убежала, а парень этот, может, и правда Аполлон, только не внешне, а в талантах. Ведь он просто был не в моем вкусе, но по телефону все было идеально...

— Именно поэтому лучше не знакомиться с кем-то по телефону, да и в Интернете тоже — вдруг все будет идеально, а потом выяснится, что он не в твоём вкусе. Уж лучше сразу знать, как выглядит человек, чтобы потом не случалось недоразумений.

После этого мама мне еще много чего рассказывала, а я все не могу забыть эту историю. Вдруг он и правда Аполлон...

Назира Сухих

29 лет, г. Иркутск

Клавдия Майкрософт

Рассказ

1

Она ничем не выделялась из толпы таких же девушек. Не полная, не худая, с волосами неопределенной длины, с глазами непонятного цвета. Хотя все же кое-что особенное у нее было. Ее имя. Клавдия Майкрософт. Звучит, конечно, смешно и, может быть, даже фантастично. Однако чему удивляться в наш век всепоглощающего, всежиряющего Интернета!

Надо же было такому случиться, что ее отец — самый обычный паренек Петя Сидоров в один прекрасный день влюбился в программирование, бросил свою скучную и никчемную работу менеджера в салоне сотовой связи и занялся самообразованием. Надо признать, талант у него, конечно же, был. Иначе как объяснить то, что через год самостоятельного изучения языков программирования Петя выиграл престижный международный конкурс и отправился на месячную стажировку в святая святых Интернета — Соединенные Штаты? Петя оформил загранпаспорт, без приключений добыл визу, схватил под мышку свою вечно хихикающую жену Леночку и был таков. Через плодотворный месяц учебы в Америке Пете предложили очень крутую должность в самом сердце небезызвестной «яблочной фермы». Влюбленный в виртуальную реальность Сидоров сменил имя и фамилию и превратился из какого-то замухрышки Петьки Сидорова в солидного, уважаемого Питера Майкрософта.

На случай, если кто-нибудь спросит, почему именно Майкрософт, у Пети был заготовлен подробный ответ. Во-первых, потому что Майкрософт напоминает древние благородные английские фамилии лордов, а Петя всегда был уверен, что у него дворянские корни. Во-вторых, Майкрософт ужасно созвучно с Холмсом Майкрофтом, который был любимым Петькиным персонажем в сериале BBC. Ну а самую очевидную причину, по скромному Петькину мнению, не стоило и называть — она и так понятна любому дураку.

Зарплата на новой работе превзошла все его ожидания. Петю, то есть Питера, захватила модная и дорогая жизнь. И когда его хихикающая Леночка, то есть Хелен Майкрософт, хихикая в три раза больше, чем обычно, заявила, что у них будет маленький Питер Майкрософт, у него, взрослого Питера, появилось чувство, как будто он перенесся домой, у него отобрали все его навороченные гаджеты, оставив из жалости лишь кнопочную Nokia 3310.

Леночка вернулась в Россию. Она продолжала хихикать, несмотря на то что вскоре должна была стать матерью-одиночкой. Петя обещал помогать, высылать алименты и все такое прочее. Он сразу же сдержал обещание, купив в родном городе квартиру бывшей жене. В память о своем талантливом муже Леночка оставила фамилию Майкрософт.

2

С самого детства Клава ужасно завидовала сверстницам, которых холили и лелеяли усатые или лысые, пузатые или изможденные, умные или добрые — словом, неважно какие, главное — отцы! Она доставала свою хихикающую мать расспросами, но та ничего не объясняла, только принималась хихикать с удвоенной энергией. Все же девочке удалось узнать, что ее отец — знаменитый Питер Майкрософт, американский программист с русским происхождением, который стал к тому времени чуть ли не самым богатым человеком на планете.

В школе все, конечно же, доставали Клаву расспросами. Правда ли, что она дочь Питера Майкрософта? Если правда, почему тогда она живет здесь, а не рассекает на крутых тачках по знойным калифорнийским пляжам? Он что, бросил их с матерью? А Клава была в Америке? И т. д., и т. п.

Клава не знала, как реагировать на такой шквал вопросов и неугасающий интерес к ее персоне. Сначала она хотела рассказать все как есть: что отец действительно бросил маму еще до Клавиного рождения, что она никогда не была в Америке и не видела ни одного калифорнийского пляжа. Но девочка передумала. Она избрала тактику молчания и игнорирования. Как оказалось, это был лучший вариант. Одноклассникам наскучило осаждать никак не реагирующую на их вопросы Клаву. Они решили, что она заносчива и высокомерна, и принялись игнорировать ее в ответ.

3

С детства Клава привыкла фантазировать. Иногда она представляла, как однажды отец войдет в комнату, подхватит ее на руки, крепко обнимет и скажет, что она самая красивая девочка на свете. Что он никогда не уйдет, и они будут жить все вместе, и наконец-то станут нормальной семьей. Но время шло, мечты не спешили становиться реальностью, и Клава решила бороться. Она записалась на курсы программирования в школе — информатика стала ее любимым предметом. Сначала ей было сложно, но вскоре оказалось, что у нее талант к программированию. Это заметила и ее учительница по информатике. Она предложила девочке поучаствовать сначала в школьной олимпиаде, потом — в городской, а там Клава вышла на область и, в конце концов, на всероссийский уровень. Вскоре она стала представительницей России на международном конкурсе программирования, проводившемся в Москве.

Клава с легкостью его выиграла. Она получила фантастический приз — поездку в Штаты на неделю. Леночка, узнав о достижении дочери, начала хихикать даже во сне. Они принялись готовиться к отъезду. Поскольку Клаве было всего тринадцать, ее должна была сопровождать учительница. Но Леночка сходила в школу, и учительница любезно передала право сопровождать девочку ее матери.

Клава долго думала, что она сделает, когда встретится с отцом. Странно, с чего она вообще взяла, что увидит его? Ведь она едет на ознакомительную экскурсию; их встретят кураторы, сбежать от которых будет наверняка непросто.

Однако предчувствие не обмануло Клаву. Кто бы мог подумать, но ее бестолковая мать помогла ей на этот раз. Она принялась хихикать, как умалишенная, едва самолет приземлился. Срочно вызвали необходимые службы, а Клава, воспользовавшись суматохой, сбежала.

Девочке повезло в очередной раз, когда добродушный водитель фуры с колой предложил ее подвезти. Всю дорогу до главного здания «яблочной фермы» он угощал Клаву колой, а она прикидывала, сколько еще сможет вытерпеть, прежде чем ей понадобится в туалет. К счастью, водитель оказался не дурак и сам притормозил возле придорожного кафе. Клава мгновенно выпрыгнула из фуры, пробормотав робкое Thank you, и резво побежала по делам. В туалете за сливным бачком она совершенно неожиданно обнаружила... пистолет.

4

Кто-то явно помогал девочке. Она свободно зашла в переполненное здание в форме бублика. Никто не обратил на нее никакого внимания. Два толстых охранника лениво посмотрели на Клаву, когда та прошла под металлической рамкой и сработал оглушающий сигнал. Клава застыла, нервно сжимая пистолет под мышкой. Она прикрыла его кофтой в надежде, что ей удастся незаметно проскользнуть. Один из охранников недовольно выплюнул жвачку прямо на пол и подошел к девочке.

— What do you have there?

— Эээ... — Клава лихорадочно соображала. — Only a gun.

— Ok. Good luck, — лениво протянул охранник и пропустил девочку.

Клава не поверила своим ушам. Конечно, она слышала о том, что в Америке у каждого бомжа есть пистолет. Но чтобы ее так спокойно пропустили в самое сердце «яблочной фермы»! Эти американцы просто психи, решила девочка.

Клава поднялась на сверхскоростном прозрачном лифте на нужный этаж. Предварительно она изучила информационное табло и узнала, где работает ее отец. В коридоре тоже было очень людно. Клава нашла нужный ей кабинет и застыла перед прозрачными раздвижными дверьми. Девочка думала, что это будет классический кабинет начальника с дубовыми столами и кожаными креслами. Но в этом здании-бублике все было совсем не такое классическое, как в России. Прямо из коридора Клава могла наблюдать за отцом через начищенные двери, которых, казалось, вообще не было. Часть стены скрывалась за ультрасовременными жалюзи. Но часть была открыта, и она увидела, что кабинет отца напоминает небольшую квартиру-студию. Маленькая кухня, гигантское окно во всю стену, стол с компьютерами и всевозможными гаджетами, диван. На диване лежал он. Клава вытащила из кофты свою страшную находку. Неумело сняла пистолет с предохранителя и положила палец на спусковой крючок...

Почему, обнаружив в туалете того кафе пистолет, Клава решила убить отца? Ответа у девочки не было. «Я вовсе не хочу его убить, — поняла она. — Я просто попрошу рассказать, почему он нас бросил. А если откажется, пригодится пистолет. Уж тогда-то он точно расколется».

Клава выдохнула, подошла к дверям, и они бесшумно и приветливо разъехались перед ней в разные стороны.

5

Когда она вошла, Питер подскочил с дивана:

— Клава, моя дорогая! Быстро же ты добралась.

Девочка ошарашенно разглядывала отца. Теперь она поняла, в кого она такая. Те же глаза неопределенного цвета, те же волосы. Она продолжала держать в дрожащей руке пистолет. Питер увидел его и улыбнулся.

— Сразу видно — моя дочь! — восхищенно протянул он. — Дочка, это самое верное решение. Когда приезжаешь в Штаты, первым делом нужно покупать пистолет. Здесь без него как без рук. Ну, давай его сюда. — Отец забрал у Клавы пистолет и положил на холодильник. — А мы с тобой выпьем... Ты что хочешь?

— Кока-колу, — еле слышно сказала Клава и рухнула на диван.

6

Леночка сообщила докторам в американской психушке, что она жена Питера Майкрософта. Удивительно, но ей хватило ума не уточнять, что она вообще-то бывшая жена. Они разрешили ей позвонить ему. С трудом вставляя слова между хихиканьями, Леночка сообщила Питеру, что его дочь Клава Майкрософт находится в Штатах и, скорее всего, сейчас ищет его.

Питер был ошарашен. Тринадцать лет назад он дал поручение своему новоиспеченному юристу регулярно высылать определенную сумму Леночке. Но он никогда не интересовался, кто у него родился, как дела у бывшей жены и их ребенка. Нет, не потому что он был такой плохой. Просто сначала он был слишком молод для отцовства. Потом его захватили новая работа, знакомства, виртуальная реальность, которая оказалась для него реальнее любой другой реальности. Да он просто забыл о том, что у него есть ребенок и что когда-то у него была русская жена Леночка! Адвокат все эти 13 лет исправно перечислял положенную сумму в Россию. Собственно, этих денег хватало Леночке и Клаве на безбедное существование. Леночка даже могла позволить себе не работать.

И тут как гром среди ясного неба — дочка! Клава Майкрософт? Стоп. Клава? Это что, приколы? И она ищет его? Но если у него дочь, то он сможет передать ей все, что у него есть, когда придет время. Он сможет обучить ее программированию, если, конечно, она сама им не занимается...

«Так не бывает», — скажет искушенный читатель, дочитывая нашу историю. «Но почему же? — возразим мы ему. — Бывает, еще как бывает!» И лучшее тому подтверждение — новенькие клавиатуры, которые разработали Питер и Клава Майкрософт, основатели знаменитой компании по производству современной техники, со временем вытеснившей с мирового рынка все остальные фирмы. А когда это произошло, Питер, Леночка и Клава вернулись в Россию. Они поменяли фамилию на прежнюю. Так Петр Сидоров стал первым в истории бизнесменом, завалившим мировой рынок самыми качественными и популярными инновационными гаджетами российского производства.

Яна Червонная

19 лет, с. Ербогачён, Катангский р-н

Пахнет малиной

Рассказ

Утренний свет окрасил голубые занавески в зеленый, но зеленый не как трава, а скорее цвет заросшего пушицей и осокой болота или нежный цвет молодой крапивы, пробивающейся из-под тротуара в самом начале лета.

Вера проснулась, когда тонкая ткань уже не могла помешать яркому июньскому солнцу скользить лучами по ее щекам и лбу. С кухни пахло ягодным вареньем из собранных накануне кислицы и земляники. За кислицей мама уходила до ближайшего леса, землянику же Вера собирала с двух небольших грядок в огороде, где ягоды краснели и зрели, впитывая в себя летнее солнце. Земляника пахла жарой и ощущалась на пальцах всеми точками-семечками, когда девочка собирала и складывала ее в чашку.

Теперь же остывающее блюдечко варенья, полное того же аромата, ожидало ее на столе. Остальное отправили в банки и поставили на крышки в коридоре, чтобы проверить закатку. Осенью или зимой, открывая очередную банку, мама или бабушка почувствует, как лето освобождается из-под крышки и разносится по кухне сладким июньским вечером. В один из таких вечеров маленькая Вера и познакомилась с Тихоном, который жил за соседним забором.

Из-за довольно высокого (выше Веры примерно еще на половину Веры) забора вылезли и зацепились за край загорелые руки, за которыми почти сразу высунулась темноволосая голова.

Девочка, в тот момент рисовавшая на тротуаре угольком божью коровку, услышала звонкий голос без капли стеснения:

— Привет, меня Тихон зовут.

Вера тоже поздоровалась.

— Можно я спущусь к вам во двор? — спросил мальчик и, не дожидаясь ответа, уже перекидывал по очереди ноги на чужую сторону забора.

Тихон оказался на удивление говорливым. В отличие от Веры он был городским и на лето приехал вместе с папой. Они были одногодками, но в школе Вера обогнала его на целый класс, потому что ее отдали туда в шесть.

Они болтали и собирали с грядок горох.

Потом Тихон спросил:

— Пойдем завтра гулять?

— Я у мамы спрошу, — пообещала девочка, и Тихон опять перелез через забор уже на свою сторону.

Так и родилась первая летняя дружба городского мальчика и деревенской девочки.

Вера рассказала о новых соседях бабушке с мамой, и уже следующим днем они с мальчиком снова встретились около ее забора. Они пошли по небольшой деревне, болтая обо всем вокруг и о самих себе.

Когда они дошли до одного из небольших лесов, которых вокруг было немало, Тихон попытался взобраться на дерево и сверху посмотреть на деревню, но только неловко цеплялся руками, не находя под ногами достаточной опоры. Тогда Вера показала ему две сросшиеся сосны, между которыми было достаточно расстояния, чтобы упираться ногами, пока крепко не ухватишься за ветки наверху. Она забралась первая, измарав штаны в смоле, так же, как и Тихон, остановившийся чуть ниже нее. Оказалось, что из-за других деревьев деревню было отсюда не разглядеть, а верхние ветки оказались слишком хрупкими, чтобы на них залезать. Однако Тихон с Верой не стали сразу спускаться — ощущение высоты и собственных усилий, чтобы удержаться, было ничуть не менее ценным, и мальчик с девочкой разговаривали, смотрели на небо и проверяли соседние ветки на прочность, легонько наступая на них. Позже, когда они спустились и собрались домой, руки у обоих были липкие от смолы и пахли иголками. Вера получила от мамы нагоняй за испачканную одежду и руки, впрочем, не помешавший ей еще несколько дней подряд обшаривать лес в поисках подходящих деревьев на пару с новым другом.

Но чуть больше чем через неделю пошли ливни, перемежающиеся с грозой, и Вера помогала маме ставить бочки под поточную воду и укрывать грядки, чтобы их жильцов не прибило к земле потоками дождя. Одним вечером она пришла в дом Тихона и позвала его к себе поиграть в настольную игру-ходилку. Дома было сухо и тепло, пахло сухарями и чаем с анисом. В игре — большой кубик и четыре фигурки, напоминавшие шахматных слонов, только не белых и черных, а цветных. После третьей игры, когда Вера в который раз застряла на одном и том же месте, где метка на поле заставляла ее ходить назад, мама услышала ее громкие возмущения, вошла в комнату и тоже захотела поиграть. Победа кого бы то ни было встречалась сначала нарочито разочарованными голосами проигравших, а потом поздравлениями.

Вскоре дождь поутих. Тихон собрался домой. Вера, вышедшая проводить его до крыльца, услышала затихающий стук капель по крыше и глухо хлопнувшую калитку. За Тихоном пришел папа, принес с собой запах мокрой земли, деревянного тротуара и едва уловимый аромат сигарет на старой клетчатой рубашке.

Девочка поздоровалась, мужчина улыбнулся в ответ и тоже поприветствовал ее. Тихон похвастался выигрышами, отец со смешком похвалил его. Оказалось, улыбаются они совершенно одинаково. Все трое пожелали друг другу доброй ночи, и мужчина с мальчиком ушли.

Вера зашла в дом. Когда она уже легла и почти уснула, то почувствовала, как сухая, мягкая рука бабушки прошлась по ее волосам и поправила одеяло. Уткнувшись носом в подушку, запроваленную в прохладную свежую наволочку, она провалилась в сон.

Когда теплые дни сменили дождливые, когда ветер просушил дорожки на бруске и лужи на улицах, когда было сыграно несчитанное множество партий в ходилку и шашки, Тихон пришел с предложением забраться под крышу старой застройки по соседству с ним, но с другой стороны от Вериного дома. Так получилось, что крыша бани у него во дворе и крыша того здания были на расстоянии, через которое можно было вполне безопасно забраться наверх. Одну из шиферин с крыши друг Веры уже расковырял и убрал в сторону, чтобы получился зазор. Тихон уже дважды туда пролезал и во второй раз принес старое одеяло, на котором можно было спокойно сидеть, а еще карты и фонарик.

Вера идее обрадовалась, хоть и было немного страшно лезть на чужую крышу, притом что она даже не знала, кто там живет. Но все-таки перспектива найти место, которое напоминало мечту о домике на дереве, где можно было представить себя полными хозяевами как крыши, так и своей жизни, сделала свое дело. Девочка сказала бабушке, что пойдет к Тихону поиграть во дворе. На веранде дети втихую стащили подушку со старого сундука, а в своей комнате Вера взяла журналы и деньги, чтобы купить газировки и семечек.

Забраться и правда оказалось нетрудно. Под крышей было довольно просторно,

но темно, за исключением места у единственного окна, где они и положили одеяло. Пол был выстлан досками и покрыт опилками; две большие балки перемежались более тонкими, идущими к скатам крыши. Немного тянуло сыростью — видимо, крыша подтекала, но в темноте мокрых опилок от сухих было не отличить. Из окна стало видно, что на участке жилого дома нет — наверное, поэтому Тихон и не переживал за то, что за захват чужой крыши им может достаться от владельца.

А вот то, что огород на участке засажен картошкой, они узнали только в июле, когда настала духота. Вера с Тихоном бегали купаться с утра, когда было более терпимо идти до речки и обратно, а потом, переодевшись, девочка снова шла к нему, уже сидевшему под крышей. За несколько недель чердак чуть пооброс вещами.

Подушку Вере пришлось вернуть на место, чтобы никто не заметил, зато Тихон откопал в кладовке куль со шторками, который они привалили к стене. Получился своеобразный диван, а из доски, найденной во дворе, — стол, где удобно было играть и в карты, и в другие игры, которых всё прибавлялось. Для них и журналов завели специальный пластиковый ящик, в котором раньше у Веры под навесом стояли банки, аккуратно спрятанные в сарае под стол и прикрытые кулем с кулями и большим вазоном, где бабушка раньше выращивала астры. Для мусора, который в основном составляли пакеты от семечек и шелуха, была приспособлена картонная коробка — единственная из всего попрошенная у Тихонова папы, а не стащенная втихомолку.

В тот день они играли в пьяницу, где у них иногда возникал спор, бьет ли туза шестерка, особенно если перед игрой они забывали договориться об этом. Вера довольно эмоционально объясняла другу, что глупо играть, когда есть непобедимые карты, которые нельзя побить. Тихону выпало три туза. Он так же с чувством и упорством отвергал ее доводы, говоря, что в споре можно выиграть и туза и вообще что игра — чистая удача. Ему, мол, тоже доставалось меньше, чем он хотел, а порой вообще приходилось сидеть без туза.

Громкий возглас «Кто там сидит? Я сейчас милицию вызову!» заставил притихнуть обоих. Вера указала круглыми глазами на окно. Тихон сначала отрицательно замотал головой, но после повторного окрика с улицы все-таки набрался смелости и посмотрел туда. Мужчина, с высоты выглядевший маленьким разгневанным гномом, казалось, смотрел прямо ему в глаза.

— Если я через пять минут залезу и вы будете там, я звоню в милицию! — крикнул он в третий раз.

Тихон отошел от окна и шепотом сказал девочке, что надо слезать от греха подальше, хотя она и сама это понимала. Без слов они чуть дрожащими от страха руками быстро выкинули на крышу бани все свои пожитки и сами спустились следом, захватив с собой мусорную коробку и ящик с играми. Спрятались в гараже, на всякий случай остались там до вечера, вполголоса обговаривая произошедшее. Тихон явно волновался меньше, потому что в деревне о нем почти не знали, так как он был в ней впервые, а отец отдыхал здесь в последний раз практически в его возрасте, также приехав на лето.

Вера же хотела позорно подойти и попросить, чтобы никого не вызывали, ведь обнаружили бы их довольно легко и сказали бы сначала отцу Тихона, который был уже дома, а потом, скорее всего, и ее маме, которую, как и Веру, в деревне знали хорошо. Эти мысли были вызваны еще и тем, что, возвращаясь вместе за одеялом и подушками, оставленными на крыше бани, они услышали, как моторчик, с помощью которого поливали огород, отключился.

Мужчина явно прислушался к звукам на крыше бани и подумал, что дети снова решили забраться к нему. Вслед им снова посыпались выкрики:

— Я вас знаю! Точно милицию на вас вызову и родителям все выскажу!

А Тихон с Верой уже резво спускались, прихватив остатки вещей. Потом они постарались беззвучно пробежать в гараж, где сложили одеяло прямо на полу и уселись на него же. Запахи ржавчины старых инструментов и совсем легкий — бензина, стоявшего в бутылке скорее для растопки, а не для заправки, немного успокаивали. Они постарались уничтожить все улики,

говорившие об их незаконном проникновении на крышу, и коробка с мусором была запихана в банную печку, подушки унесены в сарай, а часть игр и журналов спрятана дома у Тихона. Оставшиеся же Вера принесла домой в пластиковом ящике, и бабушка удивленно спросила, зачем было все копить у Тихона, если они могли так же спокойно играть во дворе у них. Вера соврала, что они играли там вместе с его папой, а журналы одалживал сам Тихон и читал один. Врать у нее получалось вполне хорошо, хотя делала она это не очень часто. Возможно, как раз из-за того что обычно она говорила честно и прямо, доверие к ней позволяло закрыть глаза на чуть более энергичный голос, выдававший нервозность.

В тот день девочка рано легла в постель, но вот заснуть не могла до самой поздней ночи. Ей хотелось даже пойти и признаться самой, хотя бы бабушке — та бы точно поняла ее. Но Вера этого не сделала и постепенно заснула.

Наутро она почти сразу вспомнила вчерашний страх и стыд, и щеки снова вспыхнули, а рука сжала уголок подушки. Когда лицо вернулось к обычному состоянию, она вышла на кухню, чтобы умыться. Пахло свежей кашей и молоком. Она позавтракала, помогла бабушке почистить морковь и свеклу от сорняков и ушла к Тихону. Мальчик сказал, что моторчика сегодня не было слышно, но на всякий случай на речку в этот день они не пошли и сидели дома почти до вечера, опасаясь играть во дворе.

Вера хотела поскорее забыть о том, что случилось, и так оно и вышло. Уже пару дней они перестали в разговорах упоминать тот случай и занялись более важными делами: речкой, шалашом в лесу, где тоже неплохо сиделось, и новыми оригами по книжке, которую Вера взяла в библиотеке на 10 дней. Журавлики, пингвины, пароходы и обычные самолетки теперь украшали полки в обоих домах, на одной из которых расположилась целая инсталляция баталии пароходов, лодок и танка, который дети собирали и клеили вдвоем почти два часа по инструкции из другой книги с поделками. Возвратив библиотечную книгу уже через четыре дня, они взяли там пособие по лепке, и вскоре между бумажными птичками и пингвинами у Веры появились русалки, тортики с розочками и миниатюрная посуда, а у Тихона — питон, самолет и тоже русалки, только кожа у них была белая, потому что ему было лень смешивать цвета до бежевого.

Когда они пошли восстанавливать свой шалаш после ветра и дождей, затянувшихся на несколько дней, Тихон спросил у Веры, живет ли кто-нибудь в доме, который располагался выше по улице, где жили они. Дом был с хорошим забором, но с заросшим травой двором и пыльными окнами, сквозь которые виднелась печка без единой кастрюли, банки или чего-то еще. Мебели тоже не наблюдалось. Девочка ответила, что никогда не видела, чтобы там горел свет. Тихон задумался, и путь до шалаша они проделали практически в полной тишине.

Уже на завтра он предложил Вере забраться туда, чтобы спрятать клад. Клад получился небольшим: всего-то и было несколько монет из коллекции Веры, самые красивые и яркие камни, найденные Тихоном на берегу реки, полуразмотавшаяся кассета, которую они случайно обнаружили в лесу при строительстве шалаша, и круглое стекло, похожее на лупу, края которого они старательно обточили наждачкой.

Забираться в пустой дом было страшнее, чем казалось изначально. Пугало и то, что от взрослых бы явно попало, узнай они об этом, и сам дом, который после озвучивания их плана теперь выглядел жутковатым. Вера перебирала монеты, шершавые от старости. Коробочка с сокровищем пахла пылью и песком, потому что дети забрали ее из теплицы. Тихон должен был прийти вечером. Ближе к семи часам взрослые редко гуляли, чаще были дома или же пили чай на веранде. Можно было спокойно прошмыгнуть в чужой двор.

Задвинутые шторы отдавали рыжиной от мелькающего сквозь них закатного солнца. Тихон вежливо постучал и зашел в коридор. Вера сгребла все сокровища в коробку, и они вместе вышли, как обычно, чтобы взрослые ничего не заподозрили. На улице было тихо. Они, не оглядываясь, прошли в ограду через калитку. Двери были заколочены тонкими досками, но с другой стороны дома одно из окон оказалось без стекла и рамы, затянуто частично содраным куском полиэтилена. Вера отодвинула его край, и Тихон первым прошмыгнул

внутри, перекинув ноги и согнувшись, как кочерга. Внутри было очень пусто, поэтому все звуки раздавались громко и с отзвуком эха, отчего коленки у него затряслись. Он забрал у Веры коробку, чтобы девочка тоже смогла залезть. Они оказались в маленькой комнате с кроватью и большим деревянным шкафом. Сразу напротив нее была кухня, на которую у Тихона имелись планы: между кирпичами он и хотел спрятать клад. Через узкий коридор они вышли в кухню. Когда одна из половиц скрипнула особенно жутко, Вера, шедшая сзади, резко положила руки на спину мальчику и крикнула. Это было не детское «бу» или что-то подобное, а вполне натуральный визг, как будто она на самом деле увидела нечто кошмарное. Тихон тоже вскрикнул, подпрыгнув на месте и чуть не выронив коробку. Вера засмеялась.

— Маленькая пакость, — сказала она.

Тихон уже обернулся, собираясь легонько стукнуть ее по голове коробкой, как вдруг из комнаты, которая была дальше по коридору, донеслись скрип старых полов и звук, похожий на хриплое урчание старого кота, но намного больше напоминавший едва различимое ворчание. Тихон с Верой успели в ужасе переглянуться, в несколько прыжков переместились к окну и влезли в него. Подгоняемая очень громким шепотом друга девочка почти вывалилась во двор, а за ней и Тихон. Уже не задумываясь о том, что их кто-то увидит, они бросились на улицу, страшась даже случайно взглянуть в окна. Когда калитка стукнулась за ними, им послышалось, что из дома донесся еще какой-то звук. Тихон потом утверждал, что звук был похож на кашель призрака. Вере же это показалось лаем. Сошлись на том, что призраки, скорее всего, умеют делать и то и другое.

При побеге из дома коробка уцелела, но несколько монет вывалилось. Об этой потере дети особо не жалели.

Казалось бы, самое страшное было позади, однако на улице раздалось возмущенное:

— Молодые люди! Потрудитесь объяснить, зачем вы шаритесь по чужим домам!

— Папа... — с ужасом пропищал Тихон.

— Бежим? — предложила Вера.

— Да поздно уже, — теперь в голосе Тихона явно звучала безысходность.

Пиная носками ботинок песок, они ожидали худшего.

Вера до этого не перебрасывалась с отцом Тихона больше чем парой фраз, чаще вежливых — из тех, которые всегда нужно говорить взрослым. Он был улыбчивым и выглядел умным, не ругался, и даже сейчас, когда впору было наподдать им веником за то, что они сделали, налил им чаю, достал овсяное печенье, которое почему-то пахло медом, и просто сел напротив, готовый слушать. Тихон сначала неуверенно начал рассказывать о произошедшем, а потом затараторил так, что отцу приходилось его останавливать и переспрашивать по несколько раз, учитывая то, что мальчик еще и успевал набивать рот печеньем.

— Папа, это же может быть настоящий призрак, правда?

— Возможно и так, — со смешком отвечал тот мальчику. — Представляю, как вы перепугались. Думаю, стоит сходить туда еще раз.

Вера чуть не подавилась чаем. Разве может взрослый говорить такое? Разве не должен был он привести ее домой и рассказать о том, что они залезли в заброшенный дом, а Тихона наказать как минимум на неделю?

Сам Тихон выглядел ошеломленным.

— Папа, зачем? — только и сумел выпалить он.

— Думаю, что звукам в доме есть более вероятная причина, чем призраки.

— Я туда больше ни ногой, — сказала девочка, смешно округлив глаза.

— Ну уж вас во второй раз я туда точно не потащу, — засмеялся папа.

Мужчина вышел в коридор и надел тапочки. Дети смотрели на него, все еще не веря, что это происходит на самом деле. Взрослый идет в заброшенный дом, про который дети только что рассказывали ему жуткие истории? Непонятно было также зачем, ведь не ради же пары оброненных монет! Загадочно взглянув на них, он вышел на улицу и прикрыл дверь на веранду. Дети в полном шоке смотрели друг на друга, а потом выбежали во двор и стали наблюдать, как он идет прямо к тому дому. За забор выходить не решались, выглядывали из приоткрытой калитки.

Они увидели, как отец мальчика зашел в чужую ограду и скрылся за забором. Началось томительное ожидание, которое длилось для них добрых полчаса, хотя прошло на самом деле не больше 10 минут. Наконец они увидели открывшуюся калитку и мужчину, который выходил из нее с чем-то черным в руках. Когда тот подошел к ним ближе, Вера разглядела щенка и, вскрикнув, выскочила за ограду. Тихон кинулся следом. Щенок — черный с белыми лапами, большими ушами и белым пятном под глазом — был похож на чертенка, прогулявшегося по миске с молоком. Он недовольтно загудел, когда Тихон взял его на руки и поднял повыше, чтобы рассмотреть. Вера дотронулась пальцем до мокрого носика, провела рукой по мягкой шерсти на голове.

Оказалось — девочка. Назвали Радостью. Решено было отдать ее Тихону до отъезда, но мама и бабушка разрешили Вере оставить щенка у себя. Радость забавно бодалась лбом, когда дети гладили ее; очень любила рыбный бульон и топтать единственную клумбу во дворе Тихона, которую его папа засадил после приезда. Целыми днями дети играли с Радостью, пытались учить ее лаять и сидеть по команде, таскали с собой на речку и в лес, и, в конце концов, она стала привычной частью их компании.

Между тем лето уже собиралось в какие-то другие города и деревни. Вечерами холодало, хотя дождей еще не было. Тихон и Вера чаще сидели дома, играя со щенком, строя шалаш из одеял или решая вместе с папой Тихона кроссворды из журналов. Незаметно подошел день накануне отъезда. Тихон с самого утра собрал вещи в чемодан, бережно уложив наверх журнал с картинками, который подарила ему Вера. На память. Он, конечно, пообещал вернуться следующим летом или даже этой зимой, но кто знает, как оно сложится...

Мама Веры позвала всех на чай вечером. Днем же Тихон с Верой сбегали до речки, где мальчик собирал камушков напоследок, забежали в лес, где еще недавно строили шалаш и искали ягоды, и прошли мимо дома напротив, который теперь вовсе не был страшным, ведь там они нашли Радость. Время, казалось, тянулось долго, но оба не успели заметить, как вечер вдруг опустился на землю и стало темно, как зимой. То ли это была вина туч, то ли лето и вправду подходило к концу.

Дети вернулись к Вере домой. Теплый неяркий свет на кухне и большая печь, пахнувшая свежей известкой, прикрытое шторами окно и заунывные звуки ветра с улицы — все напоминало о скорых холодах. Пришел отец Тихона. Бабушка Веры выставила на стол большую чашу с малиной. На плите уже давно стоял горячий чайник, а в заварнике — чай с анисом.

Появилось до странного щемящее чувство, в котором уют теплого вечера на кухне смешался с непонятной грустью. Не такой тоскливой, как осенняя. Летней грустью. В той грусти была надежда, как свет на веранде, который не выключается, пока все не будут дома.

Казалось бы, здесь история подходит к концу. И уместно было бы сказать, что вот так и закончилась дружба городского мальчика с деревенской девочкой, но...

Радость осваивалась в новом доме. Ветер за окном вдруг затих. Тихон и Вера одновременно склонились над чашкой с ягодой. Малина пахла счастьем. Ну, или счастье — малиной.

Конкурс

«ЧИТАЙ!
НАЙДИ СВОЙ
ПУТЬ!»

Районный литературный конкурс эссе «Читай! Найди свой путь!» вот уже второй год проходит в Центральной межпоселенческой библиотеке Слюдянского района в рамках проекта «Ступень к успеху».

Цели конкурса — популяризация чтения книг, помогающих найти свой путь в профессии, хобби, творчестве; выявление творчески активных подростков; развитие мышления, а также умения письменно излагать мысли.

Участникам конкурса предлагалось написать эссе по художественной литературе (отечественная и зарубежная) в одной из предложенных номинаций. Приглашались учащиеся школ Слюдянского района 7–11-х классов. Было прислано 15 эссе. Хотим познакомить читателей «Первоцвета» с творчеством некоторых победителей.

Галина Клей,
главный библиотекарь по работе с молодежью и юношеством
Центральной районной библиотеки г. Слюдянки

Валерия Донская

17 лет, пос. Култук, Слюдянский р-н

Чему способна научить книга

Как вы думаете, может ли книга чему-нибудь научить? Неоспоримо, что книга является важной частью человеческой жизни. В литературных произведениях живут разные персонажи, которые через строки нам, читателям, преподают жизненный урок и показывают то, что невозможно увидеть в реальной жизни. Вместе с ними мы радуемся и переживаем, кого-то недолюбливаем или восхваляем. Они могут помочь понять или же изменить взгляды в целом, отношение к окружающему миру и, конечно же, к самому себе.

Чтобы подтвердить свои слова, приведу в пример произведение Александра Ивановича Куприна «Чудесный доктор».

Емельян Мерцалов встречается в общественном саду незнакомца, который оказался врачом и спас его семью от, казалось бы, неминуемой смерти: он бесплатно осмотрел дочь Мерцалова и вместе с рецептом под чайным блюдцем оставил деньги на лекарства. Уходя из их дома, мужчина даже не сообщил своего имени, подарив семье настоящее рождественское чудо. И только когда Мерцалов покупал лекарства, он узнал имя врача, изменившего жизнь его

семьи. Оно было указано на аптечном ярлыке: профессор Пирогов. Бескорыстный поступок профессора наверняка дал понять многим, что их действия способны изменить жизнь других людей. Читая это произведение, я все больше убеждалась в том, что мир не лишен человеческого милосердия и сострадания, что нельзя быть равнодушным к несчастью окружающих нас людей и что необязательно быть волшебником, чтобы сотворить настоящее чудо.

Еще один яркий пример, который я хочу привести, тоже является образцом акта милосердия, доброты и сострадания. Лидия Михайловна, героиня рассказа «Уроки французского», автором которого является Валентин Григорьевич Распутин, играла на деньги со своим учеником Володей и специально поддавалась, чтобы тот больше не ввязывался в драки с другими ребятами и мог нормально питаться. Она не только спасла жизнь мальчику, но и стала для него примером милосердия, чуткости и отзывчивости. Учительница пожертвовала карьерой ради своего ученика и даже после увольнения прислала ему коробку с яблоками, гематогеном и макаронами. Она преподавала не только уроки французского, но и уроки жизни. Это произведение учит читателя доброте и упорству; тому, что даже к самому гордому человеку можно подойти так, чтобы тот принял помощь, ведь бороться с трудностями в одиночку очень тяжело. Лидия Михайловна сохранила силу духа и человечность, передав эти качества Володе и самому читателю.

Благодаря приведенным примерам легко понять, что добро и сострадание способны спасти жизнь и даже изменить ее. На самом деле подобных примеров великое множество — каждое произведение учит чему-то новому. Вникая в сюжет, мы понимаем мотивацию героев, их ценности, хотим перенять какие-либо качества, осознаем их ошибки и неудачи, а потом учимся на них. Мы как будто тоже становимся частью истории. Роль книги в жизни человека велика: через обычные слова и предложения она способна открыть целый мир или же стать им.

Валерия Зобнина

16 лет, г. Слюдянка

Книга... Казалось бы, собрание бумажных страниц с буквами и иллюстрациями, но ее своеобразная магия приоткрывает двери невероятных мыслей, чувств, взглядов. Она не только развивает наши нравственные качества, но и становится верным спутником на жизненном пути, раскрывающем самые сокровенные истины и тайны.

Как будто в другое измерение попадаешь, погружаясь в ее объятия, позволяя себе отвлечься от невзгод и разделить волшебство существования! Задумывались ли вы когда-нибудь, что книга, независимо от жанра и сюжета, имеет удивительную способность влиять на нашу жизнь? Да-да, простая книга, даже старенький томик из домашней библиотеки! А ведь иногда именно книга становится судьбоносным маяком, на свет которого мы идем по своей дороге жизни. Так произошло и со мной, когда я прочла повесть «Благие намерения» Альберта Лиханова.

Окунемся в мир пожелтевших страниц... Итак, жила-была молодая и прекрасная учительница русского языка и литературы. Еще вчера Наденька — студентка педагогического института. Сегодня же, словно героиня сказок, она оказалась заброшенной в северный город (заметим, по собственному желанию), где с наступлением нового дня ей предстоит стать наставником маленьких детей-сирот. Воспитатель первого класса школы-интерната, поселившийся «в частном углу за ситцевой занавесочкой», сначала дает волю слезам. Но это только сначала... Затем приходит понимание: отступить некуда. Надежда Победоносная — так называет юного педагога директор Аполлон Аполлинарьевич, умный и чуткий руководитель. Ах, как далеко

еще до первых побед! Но никакие трудности и преграды не могут омрачить сердце Надежды Георгиевны. Она остается верной своей благородной профессии и продолжает вдохновлять учеников даже в самые тяжелые моменты.

Читаю повесть и невольно вспоминаю свои игры в школу с младшей сестренкой. Много лет назад, будучи третьеклассницей, я, отличница и всеобщая любимица, учила мою первоклашку выводить первые буквы в прописи, читать слова по слогам, а также складывать непослушные цифры. И это приносило безумную радость, да еще и пользу: моей подопечной было так интересно и легко разбираться в своих первых шагах к знаниям!

Я выросла, отправилась в старшую школу. Игра стала редкостью, но воспоминания о ней до сих пор греют душу. Были встречи с разными учителями: от тех, кто выполнял свою работу без особого пыла, до педагогов, которые ощущали глубокую привязанность к своему предмету и стремились поделиться с тобой не только знаниями, но и основами жизни.

И вот 10-й класс. Пришло время выбирать будущую профессию, а я все бреду по тропе неопределенности. Педагогика манит меня, но ее туманная сторона пугает...

Однажды дома на книжной полке вдруг замечаю повесть Лиханова. С первой страницы, словно чудесный мир, открывается мне вселенная образования, где свет души учителя сияет надеждой. Надежда Георгиевна — идеал педагога. Автор ненавязчиво показывает читателю, что неистовая любовь к своей работе (и в первую очередь к каждому ребенку) — секрет успеха молодой учительницы. А любви этой должно быть бесчисленно много, ведь суровая реальность не в силах дать желаемое ее подопечным. Главная героиня жертвует своей личной жизнью, чтобы раствориться в 22 сиротах, дать им надежду на будущее, а ведь на это способны лишь единицы. Она готова взять на себя бремя ответственности за судьбу каждого и попытаться ее изменить.

Вспомним ее зеленую тетрабочку, где страницы словно оживают эмоциями, деталями характеров и значимыми событиями в жизни малышей. Вовлеченность педагога в проблемы каждого поражает своей глубиной и искренностью. Дети когда-то повзрослеют. А вдруг у них не окажется старшего наставника, необходимой поддержки и опоры? Наденька продумывает и это, взвалив на свои плечи ответственность за поиск приемных семей. И у нее получается!

Переместимся в игровую, где Зиночка в новом капоре летала от счастья, точно пушинка одуванчика, после выходных у Лепестины. Эта ли не маленькая надежда на большую любовь?! Идея нашла отклик и со стороны коллег, директора школы, горожан. Сколько радости и счастья принесло это детям, отогревшимся за выходные дни у семейного очага! Но белую полосу сменяет черная: глубокая тревога за тех шестерых, кто обжегся о благие намерения, во сто крат превосходит радость за 16 счастливых ребят, которым Надежда Георгиевна смогла найти семью. Для нее неспособность до конца исполнить свой долг — дорога в ад.

Да, дети из школы-интерната стали для Надежды не просто частичкой работы, а родными и любимыми. «Ма-ма На-дя!» — скандируют они под ее балконом в день выпуска. Взрослеет Надя, набирается опыта, но сердце ее остается таким же чутким и самоотверженным. И это главное.

Огненная сила характера и благие поступки героини меня восхищают. Я поняла: профессия учителя — это не просто выбор. Это умение признавать ошибки, вкладываться и бесконечно любить.

Истинные эмоции от повести Альберта Лиханова заставили меня пересмотреть свои ценности и приоритеты: я осмелилась выбрать образование в качестве своей профессии. Смогу ли я сама овладеть искусством неукоснительной преданности детям, что заложена в каждой строчке произведения? Не знаю, время покажет. Однако частичку души я готова вложить в каждого.

Дмитрий Панюта

16 лет, г. Слюдянка

Помогли любимые книги...

Способна ли книга изменить взгляд человека на профессию и в целом на жизнь? Безусловно, да! Если бы меня раньше спросили, какие профессии для меня в приоритете, я наверняка бы назвал всем известные профессии врача, учителя, программиста, инженера, но прочитанные мною книги помогли мне другими глазами посмотреть на военных людей. Теперь они для меня — примеры для подражания, настоящие герои, которые никогда не спасуют в трудной ситуации и всегда будут готовы пожертвовать чем-то ради других, чтобы защитить их даже ценой собственной жизни. Это настоящие патриоты, которые преданы своей Отчизне!

Главный герой рассказа Михаила Александровича Шолохова «Судьба человека» — простой шофер. Он стал, как и миллионы других мужчин, военным, когда началась война. С первых дней Андрей Соколов ушел на фронт. Попав в плен, вынес голод, издевательства, каторжный труд. Фашист проникся уважением к простому солдату, когда тот отказался пить за победу немецкого оружия, проявив лучшие качества русского человека. Мюллер не только оставил Соколова в живых, но и дал ему буханку хлеба и сало. Главный герой, вернувшись к своим пленным товарищам, поделился с ними продуктами, хотя по пути в барак мог бы съесть их один. Это ли не пример мужественного человека, настоящего героя, который в трудной ситуации сохранил честь и достоинство солдата и думал не только о себе, но и о других?!

В повести Василя Быкова «Сотников» два партизана, отправившись за провизией для голодных товарищей, были схвачены полицаями. Когда главному герою фашисты переломали пальцы и вырвали ногти, он не испугался и отказался выдать своих однополчан, ведь он был военным человеком железной закалки. Перед казнью он заявил, что готов взять на себя всю вину и умереть один, чтобы отпустили ни в чем не повинных людей. Перечитывая эту книгу, я понимаю, что Сотников стал для меня настоящим героем и примером для подражания. Он остался верен своим принципам, своей Родине и самому себе.

В романе-эпопее Льва Николаевича Толстого «Война и мир» рассказывается об одном из подвигов Андрея Болконского. Увидев во время Аустерлицкого сражения, как с поля боя побежали солдаты, он, взяв с земли знамя, пошел в атаку на французов. Так Андрей Болконский поднял боевой дух товарищей, и они поддержали князя и бросились за ним. Болконский, до этого мечтавший о славе, в этот момент и не думал ней, а сделал единственно верный выбор — собственным примером вернул солдат в бой. Адьютант Кутузова, сын генерала Николая Болконского, он просто не мог поступить иначе!

А разве Петя Ростов — герой этого же произведения — не достоин уважения? Пятнадцатилетний подросток добровольно принял решение пойти на войну, потому что не мог поступить по-другому, когда, как он говорил, Отечество в опасности. Петя не был военным по образованию. Он стал им по призванию, отдав жизнь за Родину...

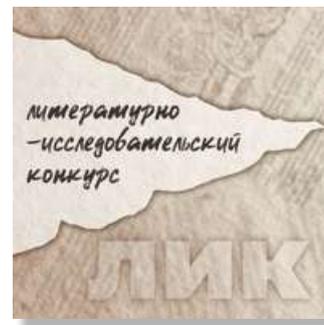
Способна ли книга изменить взгляд человека на профессию и в целом на жизнь? Конечно, да! Читая книги, невольно соотносишь себя с главными героями; размышляешь, а как бы ты поступил в той или иной ситуации. Я никогда не мечтал о карьере военного, но Андрей Соколов, Сотников, князь Болконский и юный Ростов заставили меня задуматься: а не связать ли мне свою жизнь с этой благородной и одновременно такой сложной и важной профессией? Сейчас, когда многие из моих знакомых принимают участие в СВО, эта мысль все чаще посещает меня. У меня есть еще несколько месяцев, чтобы сделать правильный выбор, но я точно уверен, что при первой возможности встану на защиту своей Родины. И утвердиться в этой мысли мне помогли любимые книги...

Конкурс

«ЛИК.
Марк Сергеев»

Областной литературно-исследовательский конкурс (ЛИК), с 2018 года ежегодно проводимый кафедрой новейшей русской литературы института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ, нацелен на популяризацию среди детей и молодежи литературного краеведения, связанного с жизнью и творчеством сибирских писателей. За годы жизни конкурса объектом исследования становилось творчество Валентина Распутина, Александра Вампилова, Владимира Гуркина, Геннадия Михасенко и Дмитрия Сергеева. Конкурсные задания рассчитаны на разные возрастные группы: от младших классов до студентов высших учебных заведений. В 2024 году ЛИК был посвящен творчеству Марка Давидовича Сергеева, в конкурсе приняли участие более 300 человек.

Проект был реализован при поддержке Президентского фонда культурных инициатив и проведен совместно с Гуманитарным центром — библиотекой им. семьи Полевых, Иркутской областной детской библиотекой им. Марка Сергеева, Культурным центром Александра Вампилова и Музеем В.Г. Распутина.

Представляем вашему вниманию студенческие работы победителей, выполнявших аналитическое задание, которое заключалось в написании критического отклика на детскую фантастическую повесть Марка Сергеева «Машина времени Кольки Спиридонова», изданную в 1964 году.

От конкурсантов требовалось раскрыть в своем критическом отклике следующие моменты: предположить реакцию современных детей на это произведение, отметить с позиции взрослого читателя слабые и сильные стороны повести, предложить свой вариант аннотации к современному переизданию книги. Работы оценивались по глубине и внятности критического отклика, аргументированности, оригинальности подхода, композиционной стройности и соблюдению речевых норм.

С самим произведением Марка Сергеева можно ознакомиться, перейдя по QR-коду:

Екатерина Сырьева

4-й курс ИГУ

Критический отзыв на фантастическую повесть Марка Сергеева «Машина времени Кольки Спиридонова»

*Нам не дано предугадать,
или Какая реакция ожидает произведение в кругу современных детей*

В большей степени современным читателям юного возраста приходится посвящать свое время классике, преимущественно списку школьной литературы. Как кажется на первый взгляд, повесть Марка Давидовича Сергеева «Машина времени Кольки Спиридонова» может удачно встать в ряд произведений отечественных детских писателей. Однако предугадать реакцию современных детей трудно.

Прежде всего это связано с тем, что они являются достаточно искушенными читателями. Встречаются группы, которые интересуются непосредственно зарубежными писателями. Большую популярность получают произведения с аниме-сюжетом. Так, например, предпочтением пользуются японские комиксы манга. Наряду с этим интерес вызывают фанфикшен и компьютерные игры с развернутым сюжетом и качественными иллюстрациями. Желание поскорее понять основы жизни толкает юных читателей посвящать свободное время книгам по саморазвитию или же произведениям с романтической линией. Но то, что остается неизменным, — это любовь к книгам-приключениям. Повесть «Машина времени Кольки Спиридонова» именно такая, а значит, и она найдет своего читателя или же поможет кому-то только начать литературное познание.

*Отцы и дети,
или Способы обращения к творчеству предшественников*

Повесть Марка Сергеева «Машина времени Кольки Спиридонова» представляет собой достаточно самостоятельное произведение, отвечающее духу своего времени. Однако здесь же обнаруживается интересная связь с традициями американской литературы. Непосредственно выявляется формальное сходство с романом Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста».

В обоих произведениях названия глав даны не в простой нумерации, а с наличием интригующего элемента, что, с одной стороны, раскрывает содержание данной главы, а с другой — привлекает своей формулировкой:

«ГЛАВА VI. Оливер, раздраженный насмешками Ноэ, приступает к действиям и приводит его в немалое **изумление**» (Ч. Диккенс. «Приключения Оливера Твиста»)

«ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Кольке Спиридонову приходится доказывать свою **храбрость**» (М. Сергеев. «Машина времени Кольки Спиридонова»)

Кроме того, в повести Марка Сергеева, как и в романах Диккенса, присутствует дидактическое начало. Прежде чем отправиться в путешествие, герои Сергеева встречаются с некоторым поучением:

*Коль праздным любопытством ты влеком,
то не входи и сей плиты не трогай,
иди, блаженный муж, своей дорогой,
СЧИТАЙ, ЧТО Я С ТОБОЮ НЕЗНАКОМ.
Но если целый мир тебе – загадка,
чтоб оный разгадать, путей не ищешь кратких,
и свой живот не жаль познанию отдать –
ВХОДИ. ДА БУДЕТ НАД ТОБОЮ БЛАГОДАТЬ!*

Но неправильное понимание поучения Милой и Колькой (как часто происходило с Оливером Твистом в романе Диккенса) активизирует стихийный круговорот приключений, который без вмешательства взрослых невозможно остановить.

Нельзя не отметить тематическое сходство повести с произведениями основателя научно-фантастического направления в литературе Герберта Уэллса. Впервые путешествия во времени были описаны им в романе «Машина времени», но если в этой книге на первый план выходит ученый, создатель машины, тот, кто с особым интересом подходит к изучению времени и разных периодов истории, то в произведении Марка Сергеева такой персонаж становится фоновым.

Прошлое изменить нельзя. К будущему же авторам относиться гораздо проще — для каждого оно свое. Возможно, именно поэтому описания будущего в романе Герберта Уэллса и повести Марка Сергеева значительно отличаются (безусловно, основываясь на том, что и эпоха, и особенности политического фона играют роль в попытках предугадать будущее).

Аленький цветочек, или Интересные символические параллели

Одним из центральных символов в романе Уэллса являются белые цветы, подаренные Путешественнику во времени Уиной. Они становятся для героя не только символом дружеской любви и душевного сближения с новым неизвестным миром, но и символом памяти.

Возвращаясь в свой мир, Путешественник воспринимает увиденное как сон, как историю, как уже случившееся воспоминание. Но именно цветы возвращают его в тот мир и приносят ему те чувства, которые невозможно испытать снова даже при повторном применении фантастической машины:

«Его глаза с немим вопросом устремились на белые увядшие цветы, лежавшие на столе. Потом он повернул руку, в которой была трубка, и посмотрел на едва затянувшиеся шрамы на своих пальцах.

Доктор встал, подошел к лампе и принялся рассматривать цветы.

— Какие странные у них пестики, — сказал он.

<...>

— Странная вещь, — произнес Доктор. — Я не могу определить вид этих цветов. Не позволите ли мне взять их с собою?

На лице Путешественника по Времени мелькнула нерешительность.

— Конечно, нет, — сказал он.

— Seriously, откуда вы их взяли? — спросил Доктор.

<...>

— Их положила мне в карман Уина, когда я путешествовал по Времени».

Элементы такой истории использует и Марк Сергеев в своей повести, но уже придает ей романтический оттенок:

«Юноша стоял у стапелей, на бетонной площадке, и лицо его было просветленным.

А девушка протянула ему цветок и сказала:

— Сбереги его там, в трудном пути. Это — бессмертник. Он — частица меня. Он — частица твоей Земли, на которую ты вернешься. **Обязательно вернешься.**

<...> Когда приходило отчаяние от одиночества, от многолетних скитаний наедине с собой, юноша брал цветок бессмертника из прозрачного пенала, прикасался к желтоватым, упругим лепесткам его. И цветок словно бы стряхивал с себя оцепенение, становился прекрасной девушкой, ее улыбкой, ее голосом».

Марк Сергеев погружает историю в сказочный сон Кольки и делает только этот сон видимым читателю, потому что именно здесь трансформируется цветок как символ памяти в цветок как символ успокоения и надежды, так как детям в тот момент становится практически недоступно их настоящее время. Этот эпизод дает понимание, что Колька и Мила обязательно вернуться.

Герой нашего времени, или Особые черты в характеристиках Кольки и Милы

«Боги в пионерских галстуках», школьники Колька и Мила — главные герои повести, которые за 20 минут кардинально изменили свою жизнь, чуть не создали новый поворот в науке 30 970 года, а своего папу заставили сомневаться в собственной сознательности. Но Марком Сергеевым они описываются как самые обычные любознательные дети, готовые к приключениям.

Но все-таки кто для писателя становится главным героем повести? Конечно, Колька. Этот персонаж явно не отвечает родительским и школьным требованиям, а значит, идеально подходит на роль героя, которого нужно перевоспитать (своеобразный диккенсовский Оливер Твист). Он не может противостоять стихии, в которой живет, придумывает фантастические истории о себе, становится «красой и гордостью школы», но только перемещение в будущее способно повлиять на него: неудобство от собственных неудач возвращает его на истинный путь.

В своей прощальной речи Колька произносит главные слова, которые точно дают понять, что события повести заставили его повзрослеть: «Нам очень понравилось у вас, в будущем. И мы бы никогда не покинули его. Но если бы все люди на земле захотели бы вот так сразу переселиться в будущее — ничего бы не получилось. Не получилось бы, потому что будущее ведь нужно же кому-то строить».

Дружеские советы, или Немного критики

Читая повесть «Машина времени Кольки Спиридонова», несомненно, погружаешься в атмосферу путешествия и следишь за ее героями. А перед второй главой мысленно задаешь себе вопрос: они что, еще и в будущее полетят? Но именно когда герои оказываются в будущем и не в каком-то, а в 30 970 году, то несколько расстраиваешься от такого будущего. Для современных детей это уже практически реальность: они конструируют роботов в школах и кружках, у них есть в классах интерактивные доски, учителя так же умело управляют процессом обучения, людям стали доступны селекционные эксперименты и многопрофильность — их этим не удивить. Современный мир не дошел только до некоторых достижений будущего Марка Сергеева: человечество не покорило границ Галактики и не создало крыльев для полетов.

Знакомство же с главным героем Колькой Спиридоновым начинается с отсылки к предыдущей книге. Здесь автор становится не только слышим, но и немного осязаем: «Возможно, друзья, вы помните тот знаменательный и шумевший футбольный матч между командами «Синий лопух» и «Ураган», о котором вот уже несколько лет с улыбкой вспоминают в Прибайкальске».

Воспоминание об этом не только не дает начального сюжетного движения, но и скорее заставляет читателя отложить книгу с пересказом в сторону, чем начать читать ее с азартом. Единственное, что все же оставляет книгу в руках, — это странная история, случившаяся с папой ребят, о которой уже было сказано в предисловии.

Замедляют сюжет повести, в том числе, и слишком живые описания леса в начале повествования. Но, как оказывается потом, именно это вносит настоящий детский страх в ночное странствие героев.

Путешествие в прошлое становится авторским экспериментом: с одной стороны, внедрение современного вируса гриппа, обучение древних людей неизвестным для них способам выживания, а с другой — взаимодействие с новой культурой, изучение племенного языка детьми и применение смекалки в нестандартных условиях. Но только дети как будто теряют связь с настоящим, они нисколько не скучают по дому и даже не переживают за свое возвращение — смиренно и аккуратно ищут местонахождение своей машины.

*Горе от ума,
или Что может заставить взрослого прочитать повесть*

Если детям в повести будет больше интересна основная приключенческая линия Кольки и Милы, то взрослых может заинтересовать вопрос: а кто же такой профессор многих наук Николай Тимофеевич Спиридонов? Ведь сам автор в начале повести говорит, что он тезка нашего героя. Взрослых ожидает задачка потруднее: нужно догадаться, кто же является создателем машины времени — дальний родственник Кольки Спиридонова или же сам Колька, которому только предстоит ее создать?

*Что делать,
или Как привлечь внимание читающей аудитории*

Нужно направить произведение в русло аудитории, которой будет интересно такое путешествие, ведь с самого детства каждый ребенок мечтает оказаться в прошлом или в будущем. Почему же не позволить начинающим читателям осуществить свою детскую мечту? Думаю, что повесть «Машина времени Кольки Спиридонова» будет очень интересна первоклассникам, а случайная возможность полететь в будущее может заставить школьника задуматься и взяться за учебу. Все-таки если будущее Марка Сергеева смогло осуществиться за полвека, то, может быть, и полеты во времени скоро станут реальностью.

Владислава Анипко

4-й курс ИГУ

Критический отклик на произведение М.Д. Сергеева «Машина времени Кольки Спиридонова»

Книга относится к жанру фантастики, который сейчас очень популярен. Благодаря жанру вероятность прочтения современным ребенком этой книги высока. Для какого возраста подходит данное произведение? Вероятно, ознакомиться с ним интереснее всего будет детям 9–12 лет — юные читатели легче смогут соотносить себя с главными героями.

Но реакция на произведение будет зависеть не от одного, а от совокупности факторов:

- 1) *возраст читателя* (причина указана выше);
- 2) *самостоятельный выбор книги*. Всем известно, что приятнее читать то, что выбрал сам, а не то, что заставили читать родители или школьный учитель. Даже если книга интересная, но ребенка принудили ее читать, процесс будет вызывать у него отторжение. В то же время если он сам загорится желанием узнать, о чем же история, то получит массу положительных эмоций;
- 3) *общий кругозор маленького читателя*. Если он не знает, кто такие пионеры и буржуи, что за диво дивное и чудо чудное — проявление фотографий, то незнакомые слова и реалии оттолкнут его;
- 4) *то, как книга будет преподнесена ребенку*.

Мы подошли к тому, что же следует указать в аннотации к современному переизданию повести, чтобы привлечь внимание читающей аудитории. К сожалению, М.Д. Сергеев малоизвестен среди современных детей, поэтому стоит апеллировать к знакомым ребенку произведениям или авторам: например, если он зачитывается Кириллом Булычевым, то и эта книга ему понравится, поэтому в аннотации можно указать, что книга похожа на повести уже известного ему автора.

Помимо этого можно провести параллель с популярным мультфильмом: например, «Гравити Фолз» Алекса Хирша. У вселенной Хирша множество поклонников по всему миру, в том числе и в России. И им мало одного сюжета о приключениях брата и сестры, дедушка которых оказался ученым. Поэтому фанатам этого анимационного сериала можно предложить прочитать новую для них историю, в чем-то перекликающуюся с их любимым мультфильмом.

Кроме указания в аннотации к книге более популярного автора или упоминания всем известного мультсериала стоит сделать акцент на жанре произведения, а также на том, что история рассказывает про попаданцев. Попаданчество как прием часто встречается в современных книгах, манге, аниме — соответственно, ребенка должен привлечь знакомый и, возможно, любимый прием.

Если поставить цель популяризировать книгу в Иркутской области и Республике Бурятия, то можно указать, что действия разворачиваются в родных местах. Нечасто в детских произведениях есть упоминание нашей местности. Мне всегда казалось несправедливым, что в начальной школе мы читали художественные тексты о природе Центральной России, по окружающему миру вновь рассматривали материал о центральной части России, были даже заметки о природе Дальнего Востока, но только не Сибири. Очень приятно читать и слышать шум реки Кынгарги, представлять туман в горах.

Подведем промежуточный итог. Если ребенок сам выберет книгу для прочтения благодаря аннотации, в которой увидит примерно следующее: «Фантастический сибирский «Гравити Фолз» про попаданцев, который точно понравится юным ценителям Кира Булычева», то реакция на это произведение у маленького читателя будет положительной.

Помимо аннотации следует уделить особое внимание дизайну книги и персонажам. В юном возрасте очень важны визуальная и тактильная составляющие, поэтому издание должно быть хорошего качества. Красивая обложка, по которой, как известно, встречают, плотные белые листы, яркие современные иллюстрации (читатели должны видеть в Миле и Кольке себя) способствуют желанию ознакомиться с книгой. Ажиотаж можно обеспечить интерактивом для читателей: где-то возле Кынгарги разместить скульптуру машины времени и дать подсказки в переиздании книги, где можно найти эту скульптуру. Читателям будет интересен процесс поиска, а после того как скульптура будет найдена, она станет магнитом для туристов. Возле скульптуры стоит оставить QR-код для перехода на страницу сайта, где размещена книга. Таким образом даже не знающие ранее о книге туристы смогут насладиться приключениями Кольки и Милочки.

Если же издать книгу с серыми листами и бледными иллюстрациями, написать в аннотации только о том, что произведение создано М.Д. Сергеевым в 1964 году, а главные герои — мальчик-двоечник и его нарочито правильная сестра, которая всю книгу поучает брата, к этому всему настаивать на прочтении повести, то с большой вероятностью у ребенка не возникнет желания ознакомиться с ней, несмотря на интересный сюжет.

Перейдем к более детальному обзору книги. Как взрослый читатель могу отметить, что у повести есть сильные и слабые стороны. К плюсам хочу отнести активное использование автором фразеологизмов (остаться с носом, быть не по зубам, сосет под ложечкой и т. д.). Многие современные дети не знают фразеологизмов, а в 9-м классе, готовясь к ОГЭ, страдают от этого (в экзамене есть задание найти фразеологизм в тексте). Понравилась игра слов: например, «остаться с носом, а то и без носа» при описании опасной ситуации. Не дает оторваться от процесса чтения динамичный сюжет. Стройная композиция с объяснением, почему в прологе отец не увидел детей, и с указанием, что первобытное племя, несмотря на грипп, выжило, обеспечивает целостность произведения.

Язык книги богат на средства художественной выразительности. Присутствует множество сравнений, метафор, эпитетов: «Все слабее, все прозрачнее становился он, и тогда, как на фотобумаге, опущенной в проявитель, начало постепенно проявляться внизу, за деревьями какое-то строение. Вечер прикрыл лес синей мохнатой шкурой с блестками рыжих звезд».

К минусам отнесу заявление Кольки как главного героя в названии книги, хотя Милочка играет не меньшую роль, чем брат. Почему не «Машина времени Кольки и Милы», если Мила путешествует вместе с братом и помогает ему во время приключений? Как современному читателю мне не понравились фрагменты текста, в которых проявляются гендерные стереотипы: «— Мне простительно: я ведь женщина... — примирительно сказала Милочка». Получается, к женщине надо относиться снисходительно, а также она должна первой идти на примирение, быть мягкой, не доставлять мужчине дискомфорта. «Да, все на свете меняется, и все, как говорится, течет, а вот мальчишки всегда остаются мальчишками!» То есть мальчишки имеют какое-то типичное поведение во все времена. Это универсальное высказывание, искусственно приписывающее мальчикам определенную поведенческую модель (исходя из текста, модель поведения хулигана). Также показалось странным отсутствие развития персонажей: Милочка как была в начале книги докучающим контролером брата и всех окружающих, так и осталась. Создалось впечатление, что главная (и, возможно, единственная) функция этого персонажа заключается в иллюстрации исключительной правильности: Милочка отличница, моет руки, лицо и вообще молодец, а остальные, особенно брат, не молодцы, надо им об этом поминутно напоминать. Колька немного изменился к концу книги: он осознал, что тройку по русскому не заслужил (типичная для школы ситуация «три пишем, два в уме»), перестал лгать. Но вот надолго ли хватит терпения у сибирского барона Мюнхгаузена? Он не солгал в конце книги исключительно из-за того, что в случае указания неверных фактов ученым брат и

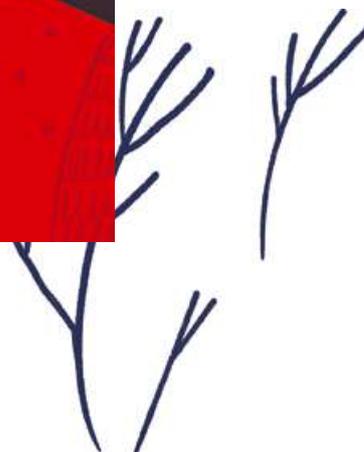
сестра могли бы не вернуться в 1970 год, где им предстояло еще строить и строить светлое коммунистическое будущее. Считаю, что для 20 глав развитие персонажей недостаточное.

Тема клонирования не раскрыта. Можно было бы подробно объяснить, почему в далеком будущем есть еще одна Мила и еще один папа, но нет Кольки и мамы. Также интересно, каким образом в будущем все народы стали говорить на русском языке. Или все думают и говорят на родных языках, а у каждого в голове стоит имплант, позволяющий речь на любом языке переводить на русский? Или в будущем все осознали, какой прекрасный наш «великий и могучий» и перешли исключительно на него?

Далее неясно, зачем Колька заявляет, что он пионер, а не буржуй и кататься на носилках не будет, а в итоге все равно катается. Если человек высоких принципов, он станет доказывать свою позицию делом, а не словом.

Также показалось странным, что в одном фрагменте брат назван по имени и фамилии, а сестра только по имени. В целом непонятно, зачем на протяжении всей книги называть мальчика по имени и фамилии, если других Колек в произведении нет, то есть перепутать его не с кем. Возможно, это сделано для того, чтобы юный читатель не забыл фамилию героя и, когда речь пойдет про ученого, сразу понял, что этот ученый — родственник Кольки. Но почему бы тогда не писать и «Мила Спиридонова»?

Подведем итоги. Книга интересна для современного читателя. Она понравится и ребенку, и взрослому, если последний, например, будет читать ее своему чаду. Произведение написано в популярном сейчас жанре и с актуальными художественными приемами, его однозначно стоит рекомендовать к прочтению. Печально осознавать, что многие потенциальные читатели не знают об этой повести. Я выделила плюсы и минусы книги. Первые опираются на языковой материал и факты. Вторые выделены субъективно, и, возможно, другой человек их не увидит. Надеюсь, что книга будет переиздана и найдет отклик в душе современных маленьких читателей. Хотелось бы, чтобы ее добавили в школьную программу в рамках предмета «литература Восточной Сибири» или факультативов по литературе.

Екатерина Иванова

4-й курс ИГУ

Кратческий отклик на повесть Марка Сергеева «Машина времени Кольки Спиридонова»

В советский период детская литература активно развивалась. В разной степени ей были свойственны такие черты, как дидактизм, идеологичность, реалистичность описания, простота и народность. Дети зачитывались произведениями о таких же, как они, пионерах, попадающих в разные ситуации, в том числе и фантастические. С горячим интересом читали повесть Марка Сергеева «Машина времени Кольки Спиридонова» его младшие современники.

Однако взгляд сегодняшнего ребенка на литературу поменялся. Имея в своем распоряжении большое количество информационных источников, в основном мультимедийных, не текстовых, он привыкает к яркой картинке, насыщенному сюжету и мгновенному погружению в историю. Поэтому современному читателю детской литературы не так просто угодить.

И это, как мне кажется, одна из причин возможной неоднозначной реакции на повесть Марка Сергеева. С одной стороны, в ней описаны интересные события: дети находят машину времени и путешествуют по разным эпохам. Что может быть удивительнее? Особенно если читатели — сибиряки и понимают, о каком месте идет речь: не о далеком абстрактном городе, а о Байкале, о нашей речке Кынгырге. И действие повести разворачивается рядом, тут, у нас!

Но, с другой стороны, 60 лет, которые прошли с момента написания книги, дают о себе знать. Некоторые слова могут быть детям незнакомы и вызывать отторжение. Будет непонятна для них и советская тематика: и пионерская идеология («Я же не бог! Я же пионерка!»), и песни Милочки, и финальная вдохновенная речь Кольки.

Я больше склоняюсь к тому, что «Машина времени Кольки Спиридонова» устарела и читать ее местами тяжело. Сейчас попробую объяснить почему.

Начинается повесть интригующе: то, что происходит в прологе, сразу уводит за собой в пространство произведения. И кажется, вот оно — то, что нужно! Ребенок увлечен, ему хочется разгадать загадку. Но тут начинается первая глава, и — «Возможно, друзья, вы помните тот знаменательный и шумевший футбольный матч между командами «Синий лопух» и «Ураган», о котором вот уже несколько лет с улыбкой вспоминают в Прибайкальске». Какой матч? Откуда мы должны его помнить? Помешает ли это дальнейшему пониманию? Внимание теряется. Вдруг проявившийся повествователь, обращаясь к «друзьям», возвращает нас из глубин сюжета в реальность процесса чтения, отсылкой к прошлой книге сбивая нас с толку. Краткий пересказ «Волшебной галоши» кружит читающему голову, и, как ни удивительно, только после слов «как вдруг...» он может выдохнуть и опять, но уже медленно и не так естественно, как в прологе, погрузиться в сюжет.

Комментарии повествователя, используемые автором для вовлечения читателя в диалог и увеличения его заинтересованности, на самом деле лишь отвлекают от предмета описания.

Так же действует и дидактичность, проявляющаяся в авторской позиции. Читая, я пыталась понять: почему набор настолько удивительных событий не вызывает пропорционального их удивительности интереса? И лишь к концу повести смогла выделить главный мешающий фактор — снисходительное отношение повествователя к герою. Наблюдая за Колькой свысока, с позиции взрослого, находясь не рядом с ним, не внутри действия, а вне, автор не дает и

другим в должной степени погрузиться в сюжет и увлечься им: читающий будто заражается этой снисходительностью и не может полноценно сочувствовать герою, переживать за него.

Помимо авторских вставок отвлекают читателя от событийного ряда и описания, часто состоящие из красивых, но достаточно взрослых и потому не всегда уместных в рамках простого, предназначенного для детей текста тропов.

И уже это соединение дидактичности и высоких тропов тяжело сочетается как с авантурным сюжетом, так и с иногда появляющимися «невысокими» и не совсем детскими ироническими элементами («Послушай, Петр Васильевич, тебя вчера, случаем, никто чайком покрепче не угостил?»). Неоднородность стилей и точек зрения затрудняет процесс чтения, особенно ребенку.

Теперь поговорим о сюжете. Сложность произведения такого формата заключается в сосуществовании большого количества сюжетных линий, которые должны быть переплетены так, чтобы не возникало вопросов, чтобы все действия казались понятными и мотивированными, а сюжет был цельным и логически построенным. Это в «Машине времени Кольки Спиридонова» выполняется не всегда. Иногда события кажутся не совсем связанными друг с другом, а поведение героев вызывает недоумение: почему дети не могли улететь из каменного века, как только нашли машину, и почему они не перепробовали все кнопки и рычаги в поисках нужного времени?

Взятые в отдельности сюжетные линии интересны и красочны, но само произведение будто состоит из отрывков, словно камера перемещается с одного на другое с целью охватить как можно больше, меняя объекты и планы.

А вообще, удивляет смелость и замах писателя: из XX века Колька и Милочка попадают в каменный век, а потом в 30 970 год — страшно представить! Какой разброс и какая ответственность! Готовясь описать жизнь в столь разные эпохи, писатель должен хорошо продумать все: от быта и привычек людей до их речи. Стилизация в детском произведении — момент сложный, но без него текст выглядит недоработанным, граница между эпохами стирается. Поэтому когда мы видим, что люди будущего говорят точно так же, как мы, это кажется странным: неужели за 29 тысяч лет ничего не поменялось?

С учетом всех названных выше нюансов интересное разножанровое произведение, содержащее в себе фантастические и детективные элементы и даже претендующее на научную фантастику, начинает нам, современным читателям, знакомым с более поздней литературой и видево фильмами про путешествия во времени, казаться наивным.

Если же оценивать произведение в целом и перейти к тому, что можно написать в аннотации к современному переизданию повести для привлечения внимания читающей аудитории, то я бы сказала, что эта книга хороша для семейного чтения. Ребенок в ней посмеется над переделками, в которые попадает Колька, а взрослый вспомнит детство и, возможно, узнает в нем себя.

Конкурс «ЖЕМЧУЖИНА БРАТСКА»

Конкурс-фестиваль юных дарований «Жемчужина Братска» имени Фреда Юсфина проходит раз в два года и является одним из старейших в Иркутской области. Мероприятие было учреждено в 1993 году, и все эти годы неизменной его целью остается выявление талантливых детей, подростков, творческих коллективов для их дальнейшего развития, продвижения и профессионального роста.

В 2023 году «Жемчужина Братска» прошла в 19-й раз. Всего в конкурсе 14 номинаций, в том числе литературная — «Проза, поэзия».

Представляем некоторые работы победителей.

Ангелина Гребенникова

16 лет, г. Братск

Достучаться до каждого сердца

Моему прадедушке
Михаилу Николаевичу Зыкову
посвящается...

В то время в Братск съезжалась молодежь со всех уголков страны. Нужны были и рабочие руки, и инженеры, и руководители высшего звена. Вот и Коля Медведев с небольшим чемоданчиком поездом прибыл в Братск. Тогда только-только открыли институт и Коля мечтал стать студентом. Он готовился целый год. Особенно ему нравилась история. Зубрил ее, книжки читал, даже расклеивал по комнате разные даты, чтобы они легче запоминались. Мама ругала: «Колька, ты опять все стены обклеил! Кто будет это потом оттирать? Пятна останутся».

Экзамены были сданы, билет до Братска куплен.

«Хоть бы поступить, хоть бы поступить», — все время думал Колька.

Он даже в поезде не выпускал учебника истории из рук. Его с таким трудом удалось выпросить у Ивана Яковлевича, завуча школы, где учился Коля.

Братск встретил его шумом молодых тополей, ярким солнцем. Николай с волнением сидел на телеграфе и ждал, когда назовут номер его кабинки. И вот заветное «Медведев, кабинка номер три».

— Алло, Коленька, это ты?

— Папа, да, это я. Поступил! — закричал в трубку Коля. — Папа, почему ты молчишь? Алло! Алло!

Отец замер на том конце провода, смахнул слезу — так горд был за сына.

А с 1 сентября началась студенческая жизнь. Дали комнату в общежитии. Сосед по комнате попался веселый. Ему часто присылали посылки из дома: сладости, деликатесы. Посылки для Коли были большой редкостью. Жили ребята дружно. Одежда у Коли тоже была не ахти какая, в основном отцовская. Сначала стеснялся немного, потом ничего — привык. Народу в потоке было много, сильно никого не разглядывали.

Отец Коли работал трактористом, поэтому и сын вырос рядом с техникой. Мог трактор самостоятельно водить, ремонтировать. В горячую пору сенокоса да сбора урожая рук не хватало особенно. Ребята, кто постарше, помогали. Как устроен карбюратор, на деле Николай знал, а вот теория давалась ему с трудом. Приходилось часами сидеть за конспектами. А студенты — народ веселый: у кого музыка за стенкой в общежитии, кто на гитаре учится играть до полуночи.

Первая сессия была сдана, даже с одной пятеркой — по истории. Преподаватель сразу заметил любознательного паренька.

Однажды после пары вышли случайно вместе из института. Михаил Николаевич увидел, что Коля стоит тихонько, считает копейки.

— Коля, а ты не местный?

— Нет, я из деревни.

Они потихоньку пошли в сторону столовой. Коля шел и думал, что ему не хватает на обед и в общежитии он уже не успеет, а еще в читальный зал нужно.

Михаил Николаевич заметил задумчивость паренька и спросил:

— Тяжело, наверное, вдалеке от дома?

— Терпимо.

— Скучаешь?

— Есть немного. Особенно по мамкиному борщу.

— Слушай, а у меня жена такой борщ готовит! Приглашаю тебя на обед.

— Нет, неудобно.

— А чего неудобного? По дороге я тебе про Наполеона расскажу, а дома книга у меня есть одна. Будет интересно — дам почитать.

Колька был в смятении. Никогда еще ему такого не предлагали. Это же преподаватель! А он простой первокурсник.

Михаил Николаевич строгим голосом сказал:

— Студент Медведев, борщ стынет. Следуйте за мной!

Борщ у жены Михаила Николаевича был, конечно, совсем не тот, что у мамы, но все равно очень вкусный. А еще были свежий хлеб и... колбаса. Михаил Николаевич вел себя за столом как обычный человек: шутил, хвалил Колю, задавал вопросы по истории. После обеда пошли в комнату. Колька ахнул: вся стена была заставлена книгами. Они ровными рядами стояли на полках.

Михаил Николаевич, как и обещал, достал одну из них и протянул гостю:

— Очень рекомендую.

Коля взял книгу, пообещав в скором времени вернуть, поблагодарил за обед и пошел домой. В читальный зал Коля не попал. Он сразу побежал в общагу, рухнул на кровать и стал читать. Страница за страницей, глава за главой... Спать не хотелось совсем.

На следующий день он ждал, когда закончатся пары, чтобы продолжить чтение. Дочитав последнюю страницу, начал думать, как отблагодарить преподавателя. Осмотрел свою комнату, залез в шкаф, под кровать. А что он мог подарить? Коля! Самому преподавателю!

Он робко постучался в дверь аудитории, где вел занятия Михаил Николаевич.

— А, Николай Медведев? Заходи.

— Здравствуйте! Я книгу принес.

— Не понравилась?

— Почему? Очень понравилась.

— Так быстро прочитал? — удивился учитель.

— Да. Только...

— Что?

— Не знаю, как вас отблагодарить... — сказал Колька, опустив голову.

Михаил Николаевич сначала рассмеялся, а потом серьезно ответил:

— Главная благодарность — это то, что ты прочел книгу. Значит, мне удалось достучаться до твоего сердца.

Михаил Николаевич еще не раз помогал Кольке. Он понимал, что ему трудно; видел, как некоторые ребята посмеивались над ним, его деревенскими манерами, одеждой. Придумывал разные уловки: то спрашивал у Кольки, как ухаживать за малиной, то советовался с ним, как подлатать крыльцо на даче. Парнишка вызывался помочь и никогда не уходил с пустыми руками. А однажды Михаил Николаевич посетовал, что купил сыну брюки, а они ему малы — раздобрел, мол. Померил Коля — сели как влитые. Родовались с женой, что хоть не выбрасывать. Переглянулись, когда Колька красовался перед зеркалом.

Николай Медведев окончил Братский индустриальный институт, но жизнь свою связал с историей. Ведь в его жизни был настоящий учитель.

Привет, Теля!

Вчера, перебирая фотографии, случайно наткнулась на одну из них. Там ты еще совсем маленькая. Беззаботный и смеющийся ребенок, вся в зеленке от ветряной оспы. Сразу вспомнила твое детство. Как же в нем было легко! За тебя всё решали взрослые.

Тогда зачем же ты хотела побыстрее стать взрослой? Может быть, ребенком не так уж и легко? Тогда хотелось скупить все сладости в магазине, собрать всю коллекцию сказочных пони. Нужно было срочно завести дома живую лошадь. А еще добраться, наконец, до маминой косметики и ходить на высоких каблуках. А ты помнишь, как в четыре года тебе купили рюкзак и ты сказала, что теперь пойдешь в школу, а не в детский сад? Хорошее было время...

Мы с тобой и не заметили, как ты повзрослела, как стала мной. Почему же сейчас порой идти в школу так не хочется? Почему ты перестала мечтать и теперь больше строишь планы

на будущее? Детство уходит, а его так хочется вернуть... Мне иногда приходится нелегко. Не всегда получается делать то, что хочешь. Родители говорят, что так будет правильнее, но я не могу с ними согласиться. Иногда мне удается одержать победу в этом нелегком бою. А вообще, ты знаешь, я так же, как и ты, хочу быть самостоятельной. Вспоминаю, как ты забиралась на стульчик и пыталась сама мыть посуду. Сейчас, правда, я не очень люблю это занятие. Видимо, у каждого возраста свои желания. Я стала чаще задумываться над тем, что ждет меня во взрослой жизни.

Иногда мне становится страшно, одолевают сомнения: справлюсь ли я? Все говорят, что ребенком быть очень легко. Возможно. Но ведь с какими трудностями может столкнуться ребенок! Над ним постоянно кто-то стоит: родители, бабушки и дедушки, воспитатели и учителя, тренеры и наставники. Даже соседка по подъезду хочет тебя чему-нибудь научить.

Взрослый может выбирать, а ребенок зачастую делает так, как ему говорят. Мир детства не так прост, как кажется. Взрослея, человек, к сожалению, забывает об этом.

Знаю, что на письмо ты мне не ответишь, и даже затрудняюсь написать адрес, куда его отправить. Оставайся подольше ребенком, а я буду хранить в сердце воспоминания о нашем детстве!

Злата Ионина
11 лет, г. Братск

Кот, управляющий временем

Жил-был кот по имени Черныш. Он был черный, с зелеными глазами и розовым носиком. И еще он был очень пушистый. И как-то раз ему приснились песочные часы, которые летают вокруг него. Кот сначала не обращал на это внимания, но потом понял, что может перемещаться во времени.

Кот пользовался своим умением. Он останавливал время и перематывал его назад, когда еда в миске заканчивалась. Он рассказывал это другим котам, но те не верили ему, даже когда Черныш пытался им это доказать.

Через несколько месяцев коту приснился сон, как песочные часы от него улетают. Когда он проснулся, то больше не мог управлять временем. Черныш расстроился, но заметил, что время начало идти медленно...

Он не знал, что это значит.

Баночка с удачей

Когда-то давно в мире была баночка, в которой, по слухам, жила удача. Но она находилась в темной пещере, которая охранялась злыми монстрами. И все же одной девочке по имени Ева удалось украсть баночку и спрятать ее у себя в комнате. Следующие пять лет девочка считалась самой удачливой во всем мире, пока к ней не пришел один из монстров, охранявших баночку. Он напугал Еву так, что та выбежала на улицу.

Монстр не стал ее догонять, просто телепортировался в пещеру. Пока Ева была на улице, группа монстров телепортировалась к ней домой. Они отыскали баночку с удачей и забрали ее.

Когда девочка не обнаружила баночку у себя, то снова пошла в пещеру к монстрам. Ева очень быстро нашла баночку с удачей, а на ее место подложила обычную баночку.

В один прекрасный день она открыла свою находку и увидела всю свою жизнь.

Вдруг кто-то невидимый спросил ее:

— Точно ли тебе нужна эта баночка?

Ева начала понимать, что она и так удачлива.

— Нет, она мне не нужна!

Банка тут же пропала из ее рук, после чего Еву кто-то поблагодарил.

Марина Тамарович

13 лет, г. Братск

Дверца в душу

Знаете ли вы, что у каждого человека есть своя дверца в душу? Розовая, черная, голубая или белая. У детишек она обычно ярких, кислотных цветов, потому что они любят резвиться и играть. У взрослых — более разнообразная.

Если человек доброжелательный, веселый, у него есть любимая семья, то, конечно, дверца в его душу будет нежная и светлая. Если же он злой, не имеет любимой работы или у него нет близкого человека рядом, то дверка будет мрачная, ржавая или поцарапанная.

Но дверцу в душу можно изменить. У детей она меняется, когда малыши плачут или на что-то обижены: становится тусклой и серой. А когда перестают плакать, то дверка меняет цвет на прежний — яркий и красочный. У кого-то красный, у кого-то желтый — это зависит от любимого цвета малыша.

А как же у взрослых? У них то же самое, что и у детей, но изменить дверцу человек может, поменяв не только настроение, но и свою жизнь. Также дверца становится ярче, когда у человека наступает белая полоса в судьбе.

Как вы думаете, кто может заглянуть в эту дверцу? Сам человек? Его близкие? В дверцу может попасть только совесть. Именно она помогает осознать свои ошибки и изменить жизнь.

А какого цвета ваша дверца? Менялась ли она и почувствовали ли вы это? Заглядывала ли к вам совесть?..

Тайна синего зонтика

Моему папе на Новый год подарили зонт. Мне он показался неказистым: темно-синего цвета, с черной матовой ручкой, но с ярким изумрудным чехлом.

Этот зонт никто не брал с собой.

— Доченька, я на работу. Не забудь сходить на почту. И возьми зонт — на улице пасмурно.

— Хорошо, мама.

Как только она сказала про зонт, у меня почему-то мелькнула мысль про тот самый папин подарок. Когда я достала его из большого белого шкафа в прихожей, то увидела, что зонт пыльный и грязный от долгого лежания без дела.

Аккуратно протерев его, я вышла на улицу. Небо было затянуто темными, мрачными тучами. Мелкие холодные капли дождя падали на асфальт. Я тут же открыла зонт, и меня ослепил розовый свет. Я зажмурилась. Открыв глаза, я увидела, что оказалась в розовом мире. Вокруг меня ходили фламинго и прыгали красные зайчики. Небо было сиреневое, облака — ярко-розовые. Вдали виднелись пышные огромные деревья, на которых росли белые цветы и красные плоды — это была клубника невероятных размеров. Зонт все так же был у меня в руках, но как только я хотела его закрыть, то увидела, что он стал розовым. «Может, у меня галлюцинации? — подумала я. — Закрою, открою — и он опять станет синим?» Как только я закрыла зонтик, меня тут же ослепил яркий свет. Передо мной была знакомая дорога на почту, а в руках моих синий зонт...

Все так же шел дождь. Снова открыв зонтик, я зажмурилась от ослепительных лучей белого света. С любопытством открыла глаза. Теперь меня окружал уже желтый мир. Здесь ходили высокие жирафы, а под ногами был теплый и нежный песок. В оранжевом небе светило яркое согревающее солнце, плыли мягкие рыжие облака. Как я и думала, зонт стал желтым. Я закрыла его. Заранее зажмурив глаза и прижав зонт к себе, ждала новых приключений. Через несколько минут после головокружительного полета я оказалась возле своего дома.

Погода уже изменилась: дождь кончился, выглянуло такое привычное желтенькое солнышко. Я поспешила на почту. «Ого, очередь!» — подумала я, невольно положив закрытый зонт на большой серый стол в центре помещения. Но очередь, к моему удивлению, двигалась довольно быстро. Буквально через несколько минут мне выдали мою посылку. Выбежав из почтового отделения, я довольная отправилась домой. Мне так хотелось побыстрее открыть посылку от старшей сестры, что зонт совсем вылетел из головы. И только дома я поняла, что вернулась без зонта...

Монолог световора

Я живу на главной улице большого города. У меня есть семья: мама, папа, сестры и братья. Только они на других улицах живут. Я помогаю людям, и мне это нравится.

Итак, я высокий, на черной ножке. У меня есть два глаза: один зеленый, а другой красный. Моргают они по очереди, но я сам решаю, когда мне ими подмигивать. А у моих мамы и папы по три глаза: красный, желтый и зеленый. Они живут на больших перекрестках, и их слушаются все машины.

Мне всего 9 лет, а я уже работаю. У меня есть лучшая подруга — зебра, мы с ней постоянно общаемся. Она лежит на дороге, по ней ходят люди. Ей это не очень нравится, потому что ей щекотно от острых каблучков и ужасно больно, когда по ней проезжают огромные колеса автомобилей. Она мне очень часто жалуется на это.

Утро. Все едут или идут на работу. И вот в очередной раз все встали у зебры. Я хотел подмигнуть зеленым глазом с шагающим человечком вместо зрачка. Все машины должны были остановиться — так меня учил папа. Но тут что-то пошло не так: зеленый глаз не засветился. Я весь перепугался, напрягся. Люди сами перешли дорогу, так как устали ждать моего сигнала. Я уж подумал, что совсем сломался, но почему-то красный глаз загорелся вовремя. Суматоха и неразбериха на дороге привлекли ко мне внимание, и вскоре какие-то дяденьки пришли меня лечить. Было неприятно. Но зато на мою улицу вернулся порядок.

Маргарита Генералова

13 лет, г. Братск

А что будет, если фразеологизмы начнут сбываться?

— Дедушка, сегодня тот день, — напомнила внучка, — когда сбываются фразеологизмы.

— Таисия, будь осторожна! Что о тебе наговорят, то и отразится. Ты же помнишь это? — ответил ей дедушка.

— Да, да, помню. Мне пора, — сказала девочка и вышла из квартиры.

Для всех других 13 июня обычный день, но не для жителей Фанси. История или легенда гласит, что раньше здесь жили волшебники и маги. И потом злые ведьмы наложили на Фанси чары, потому что он был красивее и популярнее их родного города. Так 13 июня стал днем сбывания фразеологизмов. Все было бы просто, но жители Фанси всегда использовали в речи крылатые выражения.

Дорога для Таисии сегодня казалась слишком длинной.

— Эта школа за тридевять земель от меня, что ли?! Ой, теперь это факт. Я сегодня точно опоздаю, — случайно проговорила Таисия свои мысли вслух.

Все же через пару часов она пришла в школу. Но вместо обычного входа оказалась яма с лесенками.

— Хи-хи-хи! Похоже, кто-то сказал, чтобы школа под землю прова... Мне нельзя это говорить, а то она еще глубже провалится!

Девочка спустилась по ступенькам, зашла в коридор и заметила, что все стены в земле. Кое-как Тая нашла кабинет математики. Постучавшись, зашла в класс.

— Ох, Таисия, вот и ты пришла. А почему опоздала? Проходи и расскажи нам, — предложила учительница математики.

— Спасибо, я случайно сказала, что школа за тридевять... Ой, я не могу это повторить! Кое-как притопала. А вы почему на облаке? — улыбнулась Таисия.

— Да завуч отругала меня и сказала, что я в облаках... ви... Ой! Ну вы поняли... — махнула рукой учительница и продолжила объяснять тему.

Урок шел быстро и незаметно. На перемене к Таисии подошел ее друг Лев и попросил выйти в безлюдное место.

— Что ты хотел? — спросила девочка.

— Таисия, давай что-нибудь на русичку наговорим, — предложил тот.

— Даже у стен есть уши. Давай потом... Ой! — воскликнула девочка.

Вдруг в школе на каждой стене выросли огромные уши. Да что там в школе — во всем городе! Например, на белых стенах появились ушки кролика, на зеленых — ослиные, на красных — собачьи.

Прозвенел звонок. Пока шел русский язык, Таисия, смотря в окно, задумалась об ушах на стенах. Но вдруг ее мысли прервал голос учительницы.

— Тася, что ты ворон считаешь? — спросила Александра Викторовна.

— На том высоком тополе их 1136, — сразу ответила девочка.

— Прости, я случайно, — протараторила женщина.

Наконец раздался звонок.

Попрощавшись, Таисия пошла домой. По дороге девочка встретила Диму — он как раз гулял.

— Ух ты! Прогуливаешь? — спросила Таисия.

— Н... нет — запинаясь, ответил тот.

— Долго меня за нос будешь водить? — проговорила девочка и тут же пожалела об этом.

Дима схватил Таисию за нос и начал кружить по двору. Девочка кричала, пыталась высвободиться, но не могла.

— Не делай из мухи слона — я тебя легонько подергал за нос, — сказал мальчик.

И тут рядом с ребятами появилась маленькая муха, которая прямо на их глазах превратилась в слона. Он был такой огромный, что мог запросто заглянуть в окно третьего этажа.

— Что ты наделал! Бежим отсюда! — крикнула Тая, и ребята поспешили к ней домой.

Девочка дернула за ручку, но дверь не отворялась. Таисия пыталась открыть замок ключом, но все равно не получилось. Тут пришел дедушка. Вставив ключ в дверь, он запросто открыл ее.

— Дедушка, у тебя просто руки золотые! Ой... — прикрыла рот ладошкой девочка.

У ее любимого дедушки руки стали полностью золотые — от локтя до кончиков пальцев, но они гнулись и функционировали, как и прежде.

Дедушка пригласил в гости Диму. Они весело провели время, пили чай и разговаривали обо всем.

— Ну вот, я и открыл вам душу, — сказал мальчик, и у него в груди сразу же что-то начало светиться.

Это была небольшая дверца. Ребятам стало интересно, что там. Приоткрыв дверцу, Таисия увидела красивое поле в ромашках, а еще там был белый котенок.

— Ого! — удивилась девочка и с удивлением посмотрела на своего друга.

— Жаль, что это только на один день. Ну все, мне пора, — сказал мальчик и пошел надевать свой бежевый плащ.

Вот и прошел день сбывания фразеологизмов. Утром ничего уже не было: ни ушей, ни тысячи ворон на тополях, ни дверцы в душу.

Тайна зеркал

День для Таисии прошел не очень хорошо. Лучше сказать, ужасно: сегодня она опоздала в школу, получила двойку, а завтра едет к бабушке.

— Мама, можно я не поеду в деревню, а буду готовиться, чтобы исправить двойку, и буду читать? — с каплей надежды спросила Таисия, заправляя рыжую прядку за ухо.

— Нет, завтра же отправишься к бабушке. Моей маме нужна помощь. Пособираешь с ней цветочки, травушки на свежем воздухе, попропалываешь грядки и не заметишь, как неделька пройдет, — по-доброму ответила мама, положив последнюю кофточку в чемодан.

Спорить с матерью было бессмысленно, так что Таисия умылась и пошла спать. Ночью происходило странное. Девочка как будто слышала звонкие голоса, звуки машин и другую суету в городе. Но обычно шум не долетал до дома Таисии, потому что тот находился на окраине города.

Наступило утро. Через два часа девочка была у пышного сада, в центре которого красовался старинный дом.

— Помощница приехала! — послышался из-за яблонь веселый голос старушки.

— Бабуля, я к тебе на недельку — у меня каникулы, — ответила Тася и обняла свою любимую бабушку.

— Ну все, иди на второй этаж и располагайся, — пропустила внучку вперед Александра Анатольевна.

В комнате на втором этаже были огромное зеркало, двуспальная кровать, столик и пушистый коврик. Зайдя внутрь, девочка плюхнулась на мягкую кровать, как вдруг услышала голосочек.

— Таисия, привет! Я тут, — сказал кто-то из зеркала.

Сначала девочка не поверила своим ушам, но потом увидела, как в зеркале прыгает и машет ладошкой маленький человечек.

— Здравствуйте, — заикаясь проговорила Тася, подойдя ближе к собеседнику.

— Привет, привет. Ну что, удивлена, что мы выбрали тебя? — весело спросил мальчик.

— Кто мы? И почему меня? — спросила девочка.

— Как кто! Жители всех в мире зеркал, — спокойно ответил мальчик. — Ты что, о нас не знала?! Сегодня ночью проходили выборы нового человека короля Зеркляндии и нашего нового спасителя. Поэтому ты нас слышишь и видишь. Кстати, может, зайдешь к нам на чай?

— Ну давай! — сказала Таисия. — Только как я к вам попаду?

Девочка едва договорила, как мальчик потянул ее за руку в зеркало. От страха она зажмурила глаза, но когда открыла их, то обнаружила себя уже в центре красивого городка. Дома там были причудливых форм и разных цветов. Рост Таисии оказался ниже ее спутника.

— Здесь красиво! Кстати, как тебя зовут? — поинтересовалась девочка.

— Стекляш, — весело ответил мальчик. — Ну ладно, пошли во дворец — там мы тебя чаем напоим и о нашей жизни расскажем.

Стекляш взял за руку Таисию и повел к самому большому домику. Это был дворец — разноцветный, как радуга. Еще он был смешной формы: на нем красовались огромные окна в чудесных рамах, а вокруг стояли разные башенки с флажками. Зайдя в замок, Тася и Стекляш встретили охрану и попросили отвести их к королю в тронный зал.

— Добрый день, Стекляш. Ты все рассказал Таисии? — спросил король Зерклян.

— Рассказал, но не все, Ваше Величество, — поклонившись, проговорил мальчик.

— Хорошо. Таисия, ты была выбрана для спасения нашей страны. Каждый год в июле на нас нападает Страна льда, и мы никак не можем ей противостоять. Так что с этого дня ты стала нашим человеком-повелителем и генералом нашей армии. Поживи у нас месяцок, подготовься, а если на нас нападут противники, будь готова дать им отпор! — важно проговорил король. — Стекляш, проводи Таисию в ее комнату.

Без слов мальчик повел девочку в просторную комнату.

— Ты не переживай, все будет хорошо. А сегодня ты пойдешь на тренировку по защите — там тебе найдут меч и щит! — заявил Стекляш.

На тренировке Таисия научилась многим приемам, и все ребята удивлялись ее ловкости и быстроте.

Вот и вечер. Уставшая девочка легла на кровать и не заметила, как уснула. Ночью зазвенел колокол, а после прозвучали крики.

— Что, что случилось? — спросила Тася и посмотрела в окно.

Увидев несколько разбитых домиков, она поняла: битва началась. Вот еще один куб льда летит на следующий дом, и снова крики.

«Надо спасти жителей!» — прозвучало в голове у Таисии. Быстро надев доспехи, девочка дала приказ воинам готовить пушки и другие принадлежности. Таисия села с другими командирами придумывать план защиты. В конце концов они решили спрятать всех жителей в бункер, а армию поставить у входа. Если же и дальше будут лететь глыбы льда, то они направят войско прямо на противника.

«Крики, разрушения... Я не могу это терпеть! Может, сдаться?» — прозвучало в голове у Таисии.

Очередная глыба льда упала на центральную площадь города.

— Делать нечего. Переходим в наступление! — крикнула девочка и взмахнула мечом.

Тысячи ледяных человечков нападали и, кажется, уже побеждали Зеркляндию. Воины бились не на жизнь, а насмерть. Через несколько часов почти все войско Зеркляндии было разбито.

Девочка решила подумать, от чего лед может исчезнуть. И вот стало подниматься солнце, сквозь тьму пробился свет, и от зеркальных листиков с деревьев начали отражаться солнечные зайчики.

Создав остатки своего войска, девочка дала приказ:

— Каждый берите по ветке дерева с листочками и направляйте на врагов — они растают!

Все так и сделали, и — о чудо! — воины Страны льда отступили. Вскоре Зеркляндия была свободна.

— Ура, ура! Наш спаситель! — звучали голоса жителей Зеркляндии.

— Я помогу вам восстановиться. И еще у меня есть идея, как спастись от врагов. Высадите лес вокруг границ, и он будет вас защищать.

Прошли дни, и город отстроили заново, как новенький.

— Ну ладно, тебе пора домой — бабушка тебя уже потеряла, — сказал король. — Пошли за мной.

Повелитель подошел к самому большому зеркалу и что-то пробормотал. У девочки потемнело в глазах, и вот она уже стоит посреди своей комнаты на даче. Быстро взглянув в зеркало, Тая увидела Стекляша. Он помахал Таисии на прощание и растворился.

София Степанова

11 лет, г. Братск

Маленькая зеленая дверца

Маленькая зеленая дверца в кукольном домике. Сколько тайн она таит в себе! Ну ладно, была не была — все-таки стоит попробовать. Дыщ-бах! Ой, кажется, я застрял. Мяу-мяу! Помогите!

На мои крики сразу же прибежала хозяйка и начала пытаться вытащить меня. Хорошо, что эти две маленькие безобразницы в детском садике, а то они бы точно стали дергать меня за лапы и я бы еще больше мяукал от боли. А у хозяйки такие нежные ручки!

Так как я застрял головой внутрь, а хвостом наружу, то ничего не видел. Мог только чувствовать, что со мной происходит. Вдруг я понял, что хозяйка взяла что-то тяжелое и начала ломать домик. От страха, что мне достанется по голове, я настолько напрягся, что выскочил из домика сам.

Когда пришли девочки, они, конечно, расстроились, из-за того что домик сломан. Но теперь, когда им купили новый домик, я к нему не подхожу и никакие маленькие дверцы меня не интересуют. Мяу!

Вещий сон

«Папа!» — с этим криком, услышав стук в дверь, выбежала моя младшая сестра Эвелина. Ей всего пять лет, и она кричит так на каждый стук. Но когда она открыла входную дверь, домой действительно зашел папа. Тут подбежали я и мама, и все крепко начали обнимать его.

Папа работал журналистом и очень часто уезжал в командировки. Поэтому мы почти его не видели. Папа привозил нам подарки.

В этот раз он подарил маме нежно-розовые бархатные розы, сестре — куклу с красивыми рыжими волосами и веснушками, а мне — желтые туфельки для маленькой куклы Лоли. Эти туфельки были необычные: они светились в темноте. Я сказала папе спасибо и побежала к себе в комнату примерять обновку на Лоли.

Когда я надела ей туфельки, она ожила и начала сама ходить!

От страха я попятилась в угол комнаты, а Лоли сказала:

— Не бойся меня, Элли!

Я спросила:

— Откуда ты знаешь мое имя?

Она ответила:

— Ты играла со мной все детство. Как же мне не знать твоего имени!

В этот момент я проснулась от резкого стука во входную дверь. К ней подбежала Эвелина и впустила в дом папу. И все повторилось точь-в-точь, как в моем сне: папа подарил маме розы, сестре — куклу, а мне — туфельки для Лоли.

Когда я примерила туфельки кукле, ничего странного не произошло. Тогда я поняла, что это был просто вещий сон. А жаль! Ведь я была бы совсем не против иметь такую подружку — живую куклу.

Гость номера

Елена Перетокина

ПОЭТ

Анкета «Первоцвета»

С чего начался ваш творческий путь?

— Со сборника «Проба пера» в начальной школе. Одноклассники писали туда свои сочинения в стихах и прозе. Моя подруга там отметилась, и я решила: мне тоже надо. Так что свой творческий путь я начала «на слабо», из зависти и амбиций.

Кто ваши любимые авторы, деятели искусства?

— Михаил Щербаков, Аркадий и Борис Стругацкие, Джон Рональд Руэл Толкин, Джейн Остин.

Книга, которая значительно на вас повлияла.

— «Властелин колец».

ДОСЬЕ

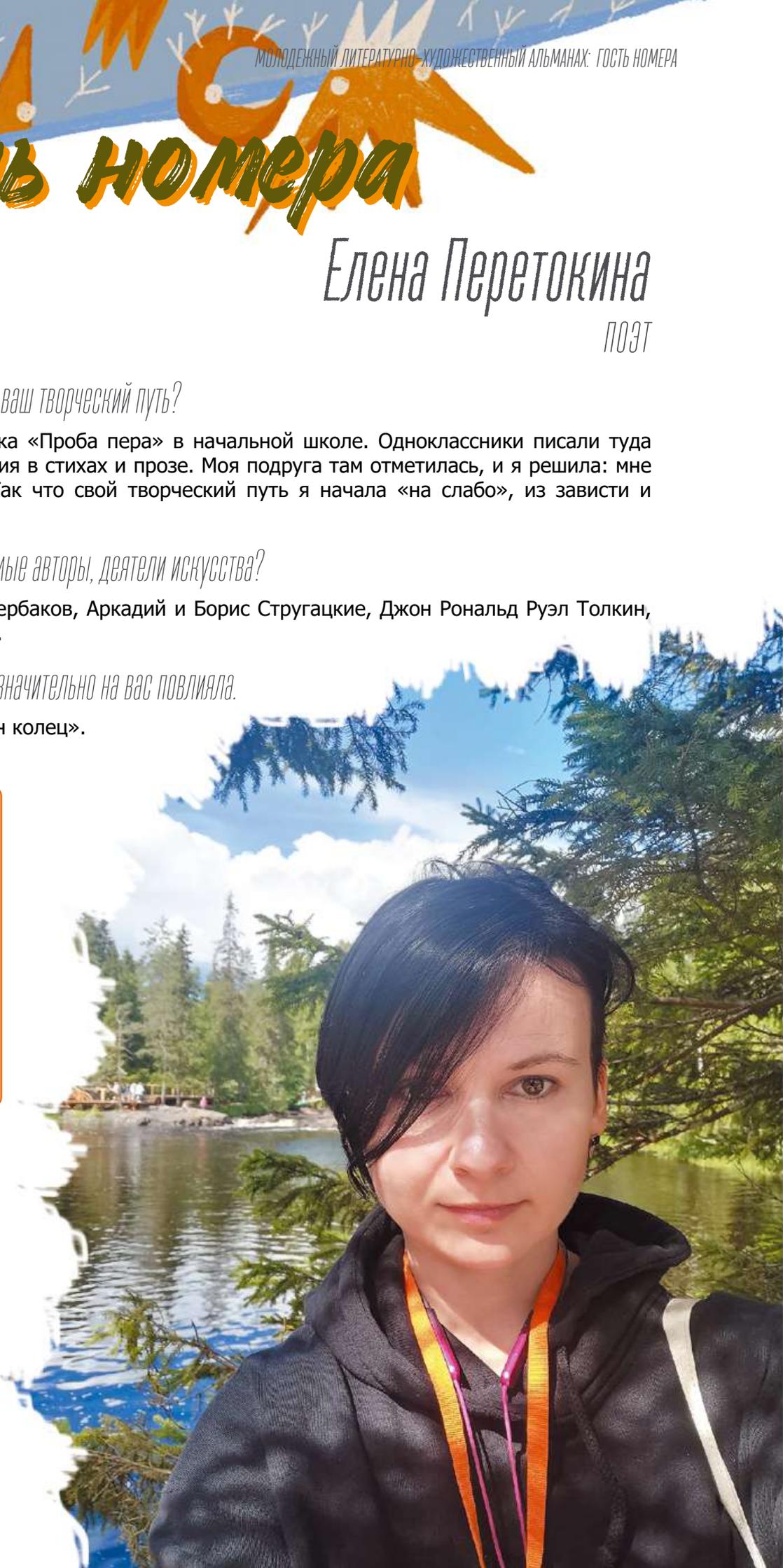
ВОЗРАСТ: 35 ЛЕТ

ЗНАК ЗОДИАКА: ТЕЛЕЦ

РОДНОЙ ГОРОД: ИРКУТСК

ПРОФЕССИЯ: ЭКОНОМИСТ

ПРИЗВАНИЕ: ПОЭТ

Самое яркое детское воспоминание.

— Качели в санатории «Жемчуг», полет в очень синее и очень чистое небо, и где-то играет «Одинокий пастух» Джеймса Ласта.

Как воспринимают ваше творчество близкие люди?

— Поддерживают. Самые близкие — еще и первые читатели. Когда я пишу, мысленно рассказываю историю именно им.

Ваши хобби помимо творческой деятельности.

— Йога, походы, компьютерные игры.

Где вы мечтаете побывать?

— В Исландии, во Франции.

Биографическая справка

Родилась в 1988 году в г. Иркутске. Окончила факультет бизнеса и управления Иркутского государственного технического университета. Участница Межрегионального совещания авторов Сибири и Дальнего Востока, Зимней школы молодых поэтов в Сочи, IV Литературного совещания в Химках. Победитель конкурса «Новая фантастика – 2020». Публиковалась в литературных журналах «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», в газете «МК-Байкал». Автор поэтического сборника «Спутник героя» (2020). Живет в Иркутске.

* * *

Туда, туда, где клевер и бурьян,
Где лес стоит, своей же прелью пьян,
Где дождь накрапывает в сереньком миноре,
Где крыши, крыши, крыши — и поля,
Где тем живут, что отдает земля,
Где в гости ходят сквозь дыру в заборе.

Подняться на скрипучее крыльцо,
Укрыть от капель влажное лицо,
Стряхнуть с кроссовок комья бурой глины...
И шум, и смрад остались далеко,
А здесь дышать — легко, молчать — легко,
Здесь небо — не достать до середины.

Смотри, смотри: ты смог сбежать сюда.
Что в городе беда, здесь не беда.
Ты сдался лесу с клевером на милость.
Ты можешь скрыться в доме навсегда,
Ты можешь лечь в траву, под дождь, и ждать...
...И знать, что ничего не изменилось.

* * *

Отыщешь яблоко в заброшенном саду,
протрешь его о куртку на ходу,
надкусишь — брызнет сладким и холодным.
Вот яблоня — она растет свободно.
Свобода выдает себя за дичь —
здесь крона слышит лебединый клич,
а корни тянут дождевую воду.
И кажется: растет дитя природы,
и всё, и всё. Людские голоса
не проникают больше в этот сад,
вот и мерещится: она была такую
всегда. Ан нет, ведь ласковой рукою
садовник саженец в земле укоренял,
и поливал, и удобрял, и охранял
от злых ветров, от холодов и гнили,
пока не сгинул — и про сад забыли.

Давно исчез садовник, и куда
его судьба бросала, мы не знаем.
И сад в колючке темной зол и дик.
Но пальцы знают гладкий бок плода,
и вкус на языке незабываем,
и слышен в небе долгий птичий крик.

* * *

Синь, солнце и волна — на трех китах
стоит байкальский вечер. Парой плоских
мазков на горизонте горы. Так
нам мир открылся с галечной полоски.
Мгновение, не останавливайся! Ты
прекрасно потому, что ты конечно —
не удержать и не присвоить, и хребты
на горизонте подтвердят. И мы, конечно,
в воспоминаньях разной сохраним
вот эту горсть секунд, пускай разделим
ее как будто бы, но неделим
мир человека, одинок и целен.

ОДНОДНЕВКА

Вот воздух холодеет у виска —
И с запозданием вздрагивает тело.
Садится солнце, смерть идет искать,
И кажется, она уже близка,
А жизнь начаться толком не успела.

Густеет вечер летний, бродит смерть.
Над ней темно, и трепетно, и звездно.
И что задумал, сделать не сумел,
И что задумал, сделать не посмел,
А за другое братья поздно, поздно.

И глупо жизнь винить — она идет.
Но почему так пагубно и вздорно?
Кто мог на взлет — уже пошел на взлет,
Кто сразу полз — по-прежнему ползет,
И, надобно сказать, ползет задорно.

А я то вверх, то вниз, мне — власть,
мне — страсть...
Мечусь, из тени в свет перелетая
(Ну да, украдено — и что теперь, не красть?
Быть может, и на плечи рук не класть?!
Нет своего, чужого — не хватает).

На палец сяду. Поднеси к губам,
Стряхни пыльцу — теперь уже не жалко.
И ночь еще не подступила к нам,
Но нечего отдать — и не отдам,
Лишь вздрогну и ударюсь в губы жадно.

* * *

Бог многоглаз, словно небо, и многорук,
пилит в саду вселенском увечный сук,
оберегая яблоню от гнилья,
а на суку среди прочих сижу и я.
Как только его начинает сильнее трясти,
не понимаю — то ли молить спасти,
то ли надорванным горлом кричать: «Не тронь!»,
то ли молчать и надеяться на ладонь
Бога, одну из множества, лишь меня
созданную лелеять и охранять.

А яблонь в саду на все стороны — тьмы и тьмы,
а на ветвях расселись другие мы.
Всюду листва, листва, сколько видит глаз.
Эта листва пока укрывает нас.
Кутаясь в лист, словно в шоковый теплый плед,
я убеждаю себя в том, что смерти нет,
есть вертикальный полет и уход к корням.
А наверху угасает горенье дня.

Держится сук. Дрожат лоскуты коры.
Бог убирает пилу и велит: перерыв.
И, получив передышку на этот раз,
мы робко глядим в мириады небесных глаз.
Эти глаза испускают суровый свет,
и ничего страшнее их взгляда нет.

* * *

Что гадать там, если бы да кабы...
Вскормленный молоком молодых кобыл,
жил герой — могучий степной батыр,
и когда-то, как все, он не был, а после был,
а потом, как все, он не был;
с тугой губы звездной рыбы летела сырая пыль.
Он лежал, где другие разбили лбы,
вот и он разбил, и амба, и гор горбы
поднимались на горизонте, и ветер выл.
Он лежал, и степная свистела плеть.
Только ветер не знает, что значит плоть,
только горы не знают, что значит быть,
да и мы не знаем, что значит быть,
только можем помнить и можем петь...

ДЕНДРАРИЙ В СОЧИ

В дендрарии февральском не нужна
почти любая речь, но имена
и указания белеют на табличках.
За зеленью лишь зелень видит глаз,
пока не встретит вдруг *Keep off the grass* —
веди себя, турист, в саду прилично.
Но финик здесь есть *phoenix*, и в его
именовании таится озорство,
свободное от всяческих запретов.
Здесь кипарисовик от века золотист
и нитеносен, ягодный же тисс
равновершинен. Что до бересклета
японского — срединнорасписным
он стал по чьей-то прихоти. Весны
еще не слышно, только отголоски
в себя впитала псевдотишина.
Полна дыхания зеленого она
и отзвуков далеких вавилонских.

* * *

Вот страшно, страшно, а потом не страшно,
а после снова страшно — и вот так
под диафрагмой бьется и трепещет
наукой не описанная рыба
с хвостом, с зубами, с клейкой чешуей.
Вот бьется, бьется, а потом не бьется,
но дернет плавниками — и тогда
на миг под ребрами вдруг всколыхнется море
и снова схлынет; пена захлестнет,
дойдет до легких, выше — до гортани,
и слова не сказать, ведь все слова
в отлив снесет в соленые глубины.
Увы, молчание не золото, а рыба
глухая тишина, зевок беззвучный,
ведущий к снам, которым нет конца,
где вроде жили, жили, а не жили,
где были, не были — никто не разберет,
а есть лишь зной и марево морское
под диафрагмой, в легких, в голове.
Дай мне крючок — я выйду на рыбалку
во внутренних недремлющих морях.

Вот больно, больно, а потом не больно...

* * *

Семь двадцать две. Илья зевает,
Сидит, запутавшись в штанах.
За тонкой стенкой представляют
Этюд в повышенных тонах.

Рыжеет в законном мраке,
Дрожит фонарное пятно,
И ветер, воя, как собака,
Стучится в мерзлое окно.

Лежит за пианино сменка,
Из рюкзака глядит пенал.
А голоса гремят за стенкой —
Уход на коду. Всё, финал.

Зовет к себе, синяя смутно
В нагретом сумраке, кровать,
Но надо через три минуты
Застегивать штаны, вставать,

Пересекать рубеж скандальный
И выпадать в дверной проем
Из темноты квартирной, спальни —
В предшкольную, за фонарем.

* * *

Душа плывет, стара, как Моби Дик,
сквозь толщу жизни, темную, как море,
что в глубине недвижимой кости моет.
Скелет пиратский, пустоглаз и дик,
глядит на золотые кругляши,
уже не в силах даже пожелать их,
не то что взять.
Но вот по водной глади
в послеполуденной мерцающей тиши
кит проплывает, поглощая свет,
и меркнет золото в соленом полусвете.
Душа скользит, под ней течет планета —
ей до чужих скелетов дела нет,
как дела нет ни до чего почти
(года чувствительность затягивают пленкой).
И только память о себе-китенке
ее еще способна потрясти.
И вспомнив, как она была собою,
но лучше,
вдруг от счастья бьет хвостом,
топя, непреднамеренно притом,
суденышко с печальным китобоем.

FAERIE

Стану выбирать — выберу не бойца,
Не красавца первого — воду не пить с лица.
Не спастись деньгами — выберу не купца.
Выберу кузнеца.

Кто еще окует дом железом снаружи и изнутри?
Кто поставит решетки, ограду, замок, заслон?
Кто еще металл на защиту заговорит?
Только он.

Кто еще даст железные зубы, чтоб камни грызть,
И железные башмаки топтать не перетоптать,
И забрало сплошное — не видеть чужой игры,
Ни прозрачных рук, ни горящих глаз, ни изгибов рта?

А пока к дому сумерки подкатывают, как прибой,
Стонут деревья, холмы выпячивают горбы.
Где рябина моя, где полынь, где ладан и зверобой?
Продержаться бы до утра, продержаться бы...

ХОКИНГ

Спроси меня, почему я плачу, о ком я плачу.
Быть может, ответ тебя позабавит и удивит.
Я плачу, ведь ничего в мировом масштабе не значит
Любой индивид.

Скопления звезд разбегаются друг от друга.
Беззвучно летят миллиарды далеких звезд.
Если зажжешь огонь, его увидит округа
И не факт, что воспримет всерьез.

Но там, на другом конце бесконечной Вселенной,
Жукоглазый пришелец —
пришелец-рыба, цветок, олень —
Не поймает сигнал. Не по глупости, не от лени —
Потому что есть путь, который и свету не одолеть.

Потому я и плачу в нашем космическом захолустье
На задворках галактики, в спиральном ее рукаве,
Что мы есть пыль от пыли, оставшейся после взрыва, —
И пусть ее. И нам неподвластны ни время, ни смерть, ни свет.

Но спроси, почему я смеюсь сквозь стон над своим ответом,
Глядя в небо и грозя ему кулаком.
Просто я вспоминаю, кто мне рассказал об этом
Человеческим и немножечко ангельским языком.

Мне ли жаловаться на то, что мы прах от праха,
Если он смог представить (а может, и я смогу)
Мириады скоплений и из кресла смотреть без страха,
Как галактики вдаль бегут и вращаются на бегу.

* * *

Что-то ласковое ко мне потянулось из полусна,
Словно вдруг распахнулась нежная глубина
За границей рассветных рек и бельевого берегов,
В золотистой дымке, в ливнях из лепестков.

Там изнанка ракушки, мыльные пузыри,
Ключ от дверцы серванта, след самолетный,
Три ноты забытой песни, перекатывающиеся во рту,
И улыбка твоя, подловленная на лету.

* * *

Когда ты идешь, под ногами пружинит мох,
даже если там был бетон.
Вздохи зеленые, кроме тебя самой,
не услышит никто.

Север встает вокруг широко и просто.
Выходит тебя встречать.
— Почему ты не улыбаешься? — кто-то спросит.
А чего тут улыбаться понапрасну? Не дура, чай.

Трудно, когда лицо наполовину из камня,
наполовину вырезано из коры.
Если улыбка и вырвется вдруг, сразу канет.
Придержи до поры.

Если является сон, то обычно вещей:
вырезаешь руны, кровью мараешь щит.
Зачем каждый вечер ты собираешь вещи?
Если вдруг что, в мох шагнешь — и ищи-свищи.

Когда лопнет асфальт и в разломы ляжет вода
синяя — нет синей,
Север придет для всех и уже навсегда —
до скончания дней.

А пока олени ныряют под утро в сны и
рога их ветвятся, как трещины по стене.
А в глазах у тебя озера, но торфяные.
Улыбка, как белый камень, лежит на дне.

ВЛАДИВОСТОК

Море колыхается, словно рамен в глубокой чашке,
Яхточки стаей капустниц порхают по синему и под синим.
Силуэт моста — белый, торжественный, тяжкий —
Висит на канатных струнах недвижимо и красиво.

Танкеры ходят медленно, будто на цыпочках;
Из-за дымки проступают синие горы зеленого острова.
И любовь, никому не нужная, без горечи и ужимки
Растворится, как здесь случается всё — не спеша и просто.

Литературная мастерская

Светлана Михеева

поэт, прозаик, критик

Как захватить власть над читательским воображением

*Как выстроить сюжет художественного произведения
и сохранить интригу*

Для того чтобы создать серьезное произведение, у автора должна быть некая серьезная идея, мотивация, нечто важное, наполненное переживаниями, особым смыслом. Метаидея — так называется то, что автор хочет донести до читателя через свою литературу. Это некое обобщенное послание, которое и преподносится с помощью сюжета, — об этом необходимо помнить. В этом случае сама идея подскажет сюжетные ходы. Логика сюжета в определенном смысле диктуется авторской метаидеей.

В случае с жанровой прозой — детективом, фэнтези, фантастикой — можно отталкиваться от сюжета, так как эта проза (во всяком случае, ее типичные образцы) и держится на сюжетостроении. Но у автора в голове тем не менее должна быть некая сверхидея, пусть скрытая, неконкретная, общая, ради которой он и старается, которая его самого захватывает (условно говоря, победа добра над злом). Это создаст второй план. В противном случае текст будет плоским, словно вы лишь передвигаете фигурки в интерьерах и пейзажах.

Ваша задача — создать полноценный, полнокровный мир: он живет по своим правилам, а потом вдруг происходит какой-то сбой — и автор тут как тут, готов обо всем рассказать читателю в своем рассказе или повести. Высший пилотаж — убедить читателя в том, что мир, описанный вами, и без вас существует, а вы лишь рассказываете одну из его историй. Ваша история «из жизни мира» раскрывается в сюжете.

Сюжет — это действие. Он закручивается вокруг какого-то конфликта, происшествия или острого вопроса, который героям вашего произведения предстоит решить. Но есть внешний конфликт — это то, что лежит на поверхности, а есть внутренний, когда герой в разладе с собой и ищет собственную идентичность. Для русской литературы очень характерен и, может быть, даже необходим герой с внутренним конфликтом. В любом случае наличие сразу этих двух конфликтов позволяет выстроить полноценный, емкий и убедительный сюжет.

Очень часто авторы с небольшим писательским опытом рискуют и вводят в повествование вторую и третью сюжетные линии, если они чувствуют, что сюжет недостаточно плотный, убедительный или оригинальный. Но в этом случае следует быть очень внимательными, чтобы не обделить вниманием ни одну из сюжетных линий: они не должны зависнуть, быть пущенными на самотек. Необходимо, чтобы все сюжетные линии работали на идею, на финал.

Мировая литература разрабатывает теорию сюжета с незапамятных времен. Начал еще Аристотель. Классификацией сюжетов занимались многие. Француз Жорж Польти написал, например, книгу «36 драматических ситуаций». Борхес выделил всего четыре вида сюжетов: завоевание, возвращение, поиск и сюжет о жертве во имя великой цели. Курт Воннегут называл восемь. Но имея в виду большее обобщение и все-таки некоторую объективность, хорошо опираться на более простую классификацию из двух основных видов сюжета — линейного, или хроникального (события выстраиваются в хронологическом порядке: например, «Одиссея» или большинство семейных саг), и концентрического (с центральным событием, которое запускает цепную реакцию: например, любовные романы или «Ревизор» Гоголя). Часто в крупных произведениях используются оба типа.

Интрига — нечто скрытое, таинственное или противоречивое (запутанное), что движет сюжет. Это часть композиции, и она лучше прослеживается в сюжетах концентрического типа. И, конечно, нужно помнить, что не всякий конфликт — интрига. Интрига — это всегда некая тайная игра, в том числе социальная, превращение, метаморфоза, нечто неизвестное в уравнении. Задача автора, который строит свое произведение на интриге (в жанровой прозе, например) — не выдать себя раньше времени. Можно делать вид, что вот сейчас все раскроется, случится, но возникают новые обстоятельства, которые этому мешают. Важно помнить, что интрига опирается на характеры, на героев. Поэтому простыми схемами действия вы не отделаетесь: чтобы интрига сработала, герой должен быть как живой.

Важно также помнить о балансе: интрига развивает действие, но концентрация на интриге в ущерб характерам плохо сказывается, например, на реалистическом произведении.

Какие существуют композиционные ошибки в литературном произведении.

Что такое композиционная/сюжетная дыра и как ее избежать

Композиционные ошибки часто связаны с тем, что автору сложно держать в голове весь свой замысел или он не видит его целиком. Между тем композиция прямо связана с логикой текста. Хотите написать убедительный текст, имейте в виду, что все в произведении должно быть связано, у всего должна быть причина, у каждого поступка — последствия. Герои должны действовать согласно своим убеждениям и обстоятельствам, в которых эти убеждения проявляются. Автору художественного текста в этом смысле необходимо иметь железную аргументацию.

Будьте последовательны: думайте о соразмерности частей произведения, не допускайте сомканного финала. Бывает, что автор просто выдыхается и дописывает произведение как придется, главное — закончить. Избегайте неоправданных отклонений от темы, если только отступления не служат замыслу.

Сюжетные дыры возникают из-за проблем с логикой текста. Такая дыра — это противоречие, несоответствие в тексте, которое нарушает ход сюжета (например, ваш герой заявлен человеком, спокойным как слон, и вдруг начинает истерить вопреки характеру). Если у читателя возникает вопрос-сомнение «а почему?» — значит, в этом месте сюжетная дыра. Всему должно быть объяснение. Читатель, столкнувшись с сюжетной дырой, начинает сомневаться в реальности/жизнеспособности того мира, о котором вы заявляете, а вы лишаетесь звания повелителя читательского воображения.

В жанровой литературе, например в фэнтези, сюжетные дыры авторы любят затыкать так называемыми роялями в кустах — случайностями, которые вдруг происходят в нужное время. Здесь необходим строгий подход автора к самому себе: в такого рода литературе случайности —

это инструмент построения сюжета, однако заинтересованный читатель интуитивно всегда отличит жизненную случайность от «рояля» и вычислит, где автор просто недоработал. Заткнув дыру в сюжете необязательной случайностью, вы также теряете читательское доверие.

Как создать характер и раскрыть образ героя в литературном произведении

На мой взгляд, книгу делает не столько сюжет, сколько герои, характеры. Именно с ними читатель будет себя соотносить, им станет сопереживать, а кого-то и возненавидит. В книге всегда есть человек, действующее лицо. Даже в произведении о природе это рассказчик, сам автор. Безлюдных книг не бывает.

Образ героя должен подчиняться замыслу, общей идее. Если только вы не пишете сказку, где герой либо полностью добрый, либо абсолютно злой, следует наделить его таким объемом качеств, который позволил бы сделать акцент на основных, нужных вашему замыслу, но не позволил бы ему превратиться в картонного, ходульного персонажа. То есть герой должен быть реалистичным, иметь и хорошие и плохие качества, как это и бывает у живых людей, однако некоторые важные для сюжета качества следует подчеркнуть, сделать более выпуклыми.

У героя должны быть своя личная история и свое пространство в том мире, о котором вы как автор рассказываете в произведении. Он должен быть частью чего-то большего, как любой реальный человек — часть своей среды и мира вообще. Автор обязан познакомить читателя с этим пространством. Это, к примеру, очень важно для рассказа, где героев мало и главный образ раскрывается во многом за счет среды. Например, очень умело работает со средой молодой писатель из города Зимы Константин Максимов. Читателю всегда нужна подноготная героя, в том числе понимание среды его обитания, чтобы лучше разобраться, что сформировало его взгляды и характер. Герой художественного произведения испытывает чувства, сомневается, делает ошибки — и автору придется доказывать каждое действие своего персонажа, обосновывать его выбор, его позицию. В противном случае читатель снова возникнет с этим своим разоблачающим вопросом: а почему?

Очень часто неопытный автор произвольно обращается с героями своего произведения, заставляя их поступать несвойственно заявленному характеру. Это разрушает текст. Поэтому, во-первых, чтобы создать героя, для него надо придумать все: условно — его прошлое до седьмого колена, его семейные обстоятельства, его детские комплексы, тайные предпочтения, вплоть до того, что он любит на завтрак и поет ли в душе. Вы можете не описывать этих подробностей в книге, если этого не требуется, но знать своего героя обязаны от и до. А во-вторых, необходимо придерживаться того, что вы придумали: как уже говорилось выше, каждое действие героя должно быть обосновано его биографией, предпочтениями и психологическими особенностями личности.

Надо ли упоминать, что для тех, кто желает научиться создавать настоящих, живых героев, главный учебник — это жизнь, наблюдения за реальными людьми из разных социальных слоев в разных ситуациях. Нужно слушать людей, их разговоры, стараться понять скрытые мотивы их поступков и слов.

Если вы хотите лучше раскрыть образ главного героя, протагониста, то хорошо поработайте с героем-антагонистом. Противостояние сильных образов, как правило, идет на пользу тексту.

Что такое мотивация героя и как донести ее до читателя

В жизни, чтобы понять и оценить поступок человека, мы должны знать его мотив. Мотивация штука непростая, комплексная. Ведь есть внешние мотивы, которые проще и лежат на виду (это либо достижение цели, либо избегание чего-то опасного, неприятного и пр.), а есть внутренние, которые зависят от того, каков человек по своей сути, — в них разобраться куда сложнее.

Литературный герой тоже должен иметь убедительную мотивацию, которая и объяснит его

поступки. Вариант «Кощей Бессмертный просто злой, поэтому крадет царевну и всех убивает» годится для сказки, но для художественной литературы вовсе не вариант. Писателю следует объяснить, почему Кощей злой, а не добрый, раскрыть внутренние мотивы его личности.

Мотивация литературного героя тоже двойная — внешняя и внутренняя. С внешней все более или менее понятно — она прописывается сюжетными ходами (герой поехал убивать дракона, чтобы освободить принцессу и жениться на ней). С внутренней сложнее: герой может струсить на полпути и не доехать до дракона; он может быть не очень обязательным и задержаться в трактире, а дракон тем временем съест принцессу; он может быть увлекающимся по натуре и по дороге жениться на пастушке; его могут одолеть сомнения, а нужно ли убивать дракона, ведь он вырос в семье зоозащитников, и т. д.

Любое действие героев должно быть мотивировано. Автору необходимо отрезать читателю всякую возможность задать любимый вопрос «а почему?». Непрописанная или нелогичная мотивация гарантирует сюжетную дыру, а хорошо прописанная обеспечивает связность тексту. Мотивация должна быть у каждого (!) персонажа, даже самого второстепенного. Ведь раскрытие сюжета, особенно в крупных произведениях, — это битва амбиций и убеждений героев, что находится в непосредственной связи с мотивацией.

Донести мотивацию героя до читателя просто, если держать в голове характер персонажа, иметь некоторый жизненный опыт и немного знать человеческую психологию. Мне кажется, что именно из-за этих необходимых знаний в Литературном институте некогда существовал возрастной ценз: туда брали только людей с жизненным опытом. Так что его и надо набираться, наблюдать за людьми.

Как написать интересный и живой диалог

Главное правило удачного диалога: ничего лишнего, каждое слово — по делу. Даже дружеский треп в тексте должен служить определенной цели.

Проблема возникает оттого, что автор не понимает, зачем он пишет тот или иной диалог. У диалогов в художественном тексте много назначений: они помогают раскрывать характеры героев, показывают разницу их мироощущений; заостряют проблему, высвечивают многоплановость обсуждаемого явления; позволяют автору избежать пространных описаний; могут работать на интригу, задавая загадки; дают понятие об эмоциональном состоянии героев; показывают зарождение чувства, искру, возникшую между героями, и т. д. Определитесь, для чего в данном конкретном месте вы вводите тот или иной диалог, какую роль он будет играть в сюжете. Обозначьте основную проблему, которую в этом тексте позволит разрешить диалог.

Когда ваши герои начинают говорить, следите, чтобы речь их была характерной — особенной для каждого персонажа (соответствовала его социальному статусу, образованию, условиям жизни, убеждениям). Есть такое понятие, как речевая характеристика героя: речь отражает характер персонажа, его психологию. Это важно для любого, даже маленького диалога в вашем тексте. В длинных диалогах читатель, бывает, начинает терять нить разговора, путать, кто говорит. Слова-сигналы, особенные фразочки в составе речевой характеристики героев помогут расставить все по своим местам, читателю легче будет переключаться.

Помните, что выстраивание конкретного диалога очень зависит от обстоятельств, в которых этот диалог происходит. Эмоциональная подложка и лексика диалога в тревожных обстоятельствах иные, чем если герои беседуют, отдыхая на берегу реки.

Можно ли научиться искусству диалога, слушая живую речь? Конечно, вы многое поймете, вслушиваясь: психологию беседы, зависимость ее от обстоятельств; наберетесь разнообразной лексики. Однако разговорная речь как она есть редко годится в качестве собственно диалога: ее нужно литературно обработать, убрать ненужное, прояснить или сгустить для выполнения литературной задачи. Одновременно нужно помнить, что речь все же разговорная и не следует делать ее тяжелой, нагружая деепричастными оборотами, придаточными предложениями и т. п.

Рецензия

Екатерина Власова

начинающий журналист, 2-й курс ИФИАМ ИГУ

Достоевский и драйв-мюзика

«Сложно представить произведения русского классика Ф.М. Достоевского в музыкально-пластическом формате как рок-постановку. Но не стоит бояться экспериментов», — именно такие мысли блуждали в моей голове, когда я отправилась в Театр пилигримов.

К большому удивлению людей было не так уж и много, зато большинство из них оказались студентами и школьниками. Очень уютное помещение, добрейший персонал. Все присутствующие были в ожидании. Зал замолк, представление началось.

Пересказать, что происходило на сцене, вряд ли получится. Костюмы, декорации, песни, танцы и многое другое... Но давайте обо всем по порядку.

«Родион» — постановка Театра пилигримов по мотивам всем известного произведения Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Сюжет фокусируется на истории Родиона Раскольникова и Софьи Мармеладовой и повествует нам о борьбе двух грешников с судьбой, обществом и самими собой. Каждый герой переживает свой грех по-своему и борется с ним как может.

Спектакль не пересказывает текст романа. Режиссер создает свою историю Родиона Раскольникова на основе известного сюжета, который представлен в формате драйв-мюзикла. Преобразованный в поэтические реплики текст Достоевского гармонично вливается в поток музыки и продвигает сюжет.

Режиссер Анна Агапитова проделала немалую работу над созданием этого шедевра. Она привносит в спектакль свое особенное и неповторимое видение.

Помимо главных персонажей на сцену как действующие герои выведены стены. «Стены?» — спросите вы. «Да, мой друг, стены!» — отвечу я. Именно стены ограничивают Родиона, они же становятся виновниками его преступления. Это они угнетают и давят, это они создают убийцу. Везде, где есть Родион, есть стены. Они словно преследуют его. Даже в лесу деревья образуют стены и давят на главного героя. Он бессилен перед ними, он слаб. Но при появлении матери, сестры или Софьи стены совсем исчезают и уже не волнуют Родиона. Он смотрит, как молится его подруга, и все в нем успокаивается.

Особенно хочется отметить Виталия Зайцева — исполнителя роли Родиона. При всей жалости к главному герою мы понимаем, что он совершил ужасный поступок, за который придется понести наказание. Достоевский, конечно, не создает однозначных героев, но все же Раскольников даже для автора не положительный персонаж (положительным он становится только после очищения, то есть во время каторги). В данной постановке главный герой безмерно

жалок, и поэтому не всегда понятно, как к нему относиться. Даже совершенное двойное убийство похоже на случайность, а не на запланированное действие. Наш герой нестабилен. Он болен, безумен. И прекрасная игра Зайцева все время держит зрителей в напряжении. В сознании ли сейчас герой или он безумен? Где грань между реальностью и его фантазиями?..

Вся постановка — это нечто особенное и как будто незнакомое. Хорошо известные герои и сюжет вызывают совершенно новые эмоции.

Я уверена, что этот спектакль не останется без своего зрителя. Многие школы приезжают познакомиться с современным искусством, а заодно и с классическими произведениями. Молодежь особенно симпатизирует неформальным представлениям.

Но даже если вы не поклонник такой подачи, то стоит удивиться хотя бы труду костюмеров и визажистов. Нет сомнений, что таких нарядов и необычного рисованного грима вы не видели больше нигде.

Зрелище, несомненно, стоящее. Современное искусство не всегда ценится, хотя несет в себе гораздо больше, чем мы думаем.

Композитор драйв-мюзикла Константин Артамонов в своем интервью говорил: «Настоящий рок-театр — это смелый и бескомпромиссный театр. Поэтому мы зрителям хотели подарить именно такой настоящий драйв. Не прилизанный, не причесанный. Вот такой — настоящий, как будто сходили на рок-концерт. Но в то же время чтобы это был интеллектуальный театр. Ведь важно, чтобы было о чем подумать, что почувствовать, что в сердце вынести».

История одного коня

Холл. Шумные группки людей в маленьком помещении. Говорят, смеются, греют свои холодные руки. В одно мгновение двери открываются, и всех приглашают внутрь.

Театр встречает гостеприимно. Маленькие узкие коридоры, спиральная бесконечная лестница вверх. Людей приглашают пройти, предлагают программки. Представляю себя героиней классического русского романа XIX века.

Гардеробщица заговорщицким тоном начинает рассказывать только что прибывшим девушкам и юношам загадочную историю коня. «Это пластический спектакль! — восклицает она. — Важно учитывать, что это Лев Толстой». Она многозначительно улыбается...

Я знала, на что пришла. Думала: как возможно показать произведение, где все герои — лошади? Как без единого слова можно отразить все чувства, мысли, эмоции — всю жизнь?..

Произведение великого русского писателя Л.Н. Толстого «Холстомер» было опубликовано в 1886 году. Сюжет повествует о жизни пегого мерина. Уже старый и немощный конь рассказывает все памятные моменты своей жизни: как он родился, как впервые нашел друга, как влюбился, как нашел своего хозяина и как его потерял. Вдаваться в пересказ нет смысла, поскольку это произведение и так довольно короткое. Лучше прочитать его.

Иркутский академический драматический театр им. Н.П. Охлопкова предлагают нам спектакль без слов. Все представление состоит из хореографии и работы с декорациями. Для тех, кто не знаком с первоисточником, выдают либретто. Длится все представление час 30 минут. Замечу, что при погружении в историю этого времени совсем не ощущаешь.

Премьера спектакля состоялась 14 сентября 2018 года, а в 2020-м он вошел в шорт-лист конкурса «Полюс. Золотой сезон». В 2021 году постановка стала участником фестиваля современного искусства «Территория. Иркутск» и лауреатом XV Московского областного театрального фестиваля «Долгопрудненская осень», заняв 2-е место в формате арт-трансляции.

Чем же так привлекателен этот спектакль? Актеры в «Холстомере» показывают мастерство владения своим телом, отточенные движения и командную работу. Важной особенностью групповых танцев является не только синхронность, но и умение проявить свой характер. Ведь вся команда исполняет вроде одни и те же, но все же совсем непохожие движения. Как только появляется кто-то из героев, мы сразу понимаем, кто это, без каких-либо подсказок. Каждый герой передается с особой точностью и поэтому слиться с массовой просто не может. Как человек, посвятивший танцам шесть лет, я знаю не понаслышке, что тело может рассказать гораздо больше, чем слово. Слово — все-таки символ, а вот жест... Он полон и откровенен, его сложно подделать.

Важно также отметить главного героя — Холстомера. Его сыграли три разных актера: Михаил Пляскин (детство), Иван Алексеев (зрелость) и Андрей Винокуров (старость). Каждый из этих актеров передает разные этапы жизни героя. Порой они взаимодействуют между собой словно вне времени, передавая свою мудрость друг другу. И как же гармонично они смотрятся на сцене все вместе, бегущие с разной интенсивностью по воображаемому кругу жизни, будто бы жизнь — бесконечный поток.

Режиссер-хореограф Сергей Землянский внес в постановку особую атмосферность, отсылающую нас к философским размышлениям. Сцена имитирует загон, где проходит вся жизнь нашего героя. Сменяются люди, лошади, но место действия остается тем же. Если внимательно проследить за ходом сюжета, то понятно, что смена декораций — вовсе не обязательное условие. Несмотря на то что Холстомер все время находится в ограниченном пространстве, он живет в полную силу. Его история незамысловатая, достаточно понятная, даже трагичная, но при этом мы видим, как он развивается. То есть режиссер как бы намекает, что в любых

условиях жизнь может быть интересной и разнообразной, даже если кажется сначала, что это совсем не так.

Я честно готовилась к просмотру спектакля, прочитав рассказ Льва Толстого. Несомненно, «Холстомер» на сцене и в книге — это разные произведения.

Во-первых, бросается в глаза, что концепция Толстого в спектакле несколько изменена. Писатель не был добр к своему главному герою. Он его если и жалел, то уж к святым точно не относил. Толстой рассказал трагичную историю смерти, а не жизни коня. Его интересовал финал, а не пройденный путь. «Холстомер» же Землянского — это в первую очередь постановка о жизни, о ее важности и значимости.

Из концепции вытекает второе различие — изменение сюжета. Режиссер не нарушал канонов, не прибегал к искажению повествования. Он лишь подсветил то, что показалось ему наиболее важным.

В спектакле больше и глубже раскрыты отношения Холстомера и Вязопурихи, появляется сцена знакомства героя с дочерью, которая презирала его больше всех. Мы больше понимаем боль Холстомера, когда его бросает мать, и ближе знакомимся с его другом — единственным, кто принял его. Одним словом, режиссер очеловечил главного героя, сделал его ближе к нам, людям. Погружаясь в действие и сопереживая коню, мы начинаем чувствовать себя лошадьми и поэтому воспринимаем все трудности Холстомера как свои. А вот люди в этой интерпретации истории перестали быть людьми как таковыми. Большинству из них не хочется ни сопереживать, ни тем более отождествлять их с собой. На мой взгляд, все изменения режиссера сделаны оправданно.

Но чего не отнять ни у Толстого, ни у Землянского, так это красоты и поучительности истории. С одной стороны, это любовь к жизни, принятие себя, бесстрашие перед смертью, а с другой — несправедливость, смирение, умение быть сильным и сострадание. С какой бы позиции мы ни смотрели, жизнь, казалось бы, простого коня может послужить удивительным примером проявления мудрости и смелости.

Рекомендую посмотреть постановку каждому, независимо от возраста. Когда я увидела на спектакле школьников 13–17 лет, то была, мягко говоря, удивлена. «Они же ничего не поймут!» — думалось мне. Но как только спектакль был закончен и люди встали со своих мест, чтобы поаплодировать, эти самые дети кричали браво громче всех, а потом активно делились своими соображениями по поводу постановки, обсуждали, что им понравилось и показалось наиболее важным. Взрослые поскакали по своим делам, держа в руках смартфоны, а дети искренне, с интересом и вовлеченностью делились мнением с окружающими. Я слушала и радовалась вместе с ними.

Могу взять на себя полную ответственность и смело заявить, что это произведение точно понравится зрителям. Особенная история, уникальная подача и невероятная атмосфера не заставят их заскучать. Люди, несомненно, будут уходить со спектакля с большим багажом мыслей и впечатлений. Ведь так и должно быть, если ты столкнулся с настоящим искусством. Одним словом, если вам хочется получить новые ощущения от театра — это точный выбор!

ПЕРВОЦВЕТ

№1 [47] 2024

МОЛОДЕЖНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ОСНОВАН В 1998 ГОДУ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Государственное бюджетное учреждение культуры «Иркутская областная юношеская библиотека им. И.П. Уткина»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Артем Морс

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ирина Тябутова
Александр Лаптев
Светлана Зубакова
Мария Аверьянова

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Елена Сыроватская

КОРРЕКТОР

Елена Зандер

ДИЗАЙН

Арина Перфильева

ВЕРСТКА

Александра Мартынова

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Софья Бызова

ИЛЛЮСТРАЦИЯ НА ОБЛОЖКЕ

Софья Бызова

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10;
тел.: (3952) 536-523, 536-255, 710-469;
e-mail: irklib@mail.ru

Подписано в печать: 26.04.2024 г.
Заказ № 500. Тираж 200 экз.
Бумага офсетная. Печать офсетная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр+»:
г. Иркутск, ул. Сергеева, д. 3/1; тел. 8 (3952) 540-940.

